

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В.И. ВЕРНАДСКОГО**

**ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

Научный журнал

Том 8(74), № 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2022**

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского».

Регистрирующий орган – Роскомнадзор.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № от 2022 г.

Главный редактор – А.В. Карабыков, д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Заместители главного редактора:

А.Н. Володин, канд. культурологии, доц., КФУ им. В. И. Вернадского (культурология);

Н.В. Киселева, канд. полит. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (политология).

Редколлегия:

И.А. Андриющенко	к. культурологии, доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
И.С. Бакланов	д-р филос. н., проф., СКФУ (Ставрополь)
А.В. Бедрицкий	к. полит. н., директор Таврического информационно-аналитического центра (ТИАЦ)
О.А. Габриелян	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Д.В. Гарбузов	д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О.А. Грива	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Ю.М. Коротченко	д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Г.В. Косов	д-р полит. н., проф., СевГУ (Севастополь)
С.А. Маленко	д-р филос. н., проф., НГУ им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
П.Г. Носачев	д-р филос. н., доц., ВШЭ (Москва)
Л.Т. Рыскельдиева	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
М.Г. Федотова	д-р филос. н., доц., ОмГТУ (Омск)
А.А. Хлезов	д-р филос. н., проф., СевГУ (Севастополь)
А.В. Швецова	д-р филос. н., проф., КУКИИТ (Симферополь)
М.А. Шепелев	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О.Б. Элькан	д. искусствовед., доц., КУКИИТ (Симферополь)
С.В. Юрченко	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Ю.В. Норманская, к. культурологии, КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный за выпуск: Ю.В. Норманская, к. культурологии, КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Технические секретари: Антонюк М.П. Лыпкилна Д.А.

Адрес редакции:

295007, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ялтинская, д. 20, корп. 2, ауд. 308

Тел.: +7-978-105-60-57; Факс: +7 (3652) 54-52-46

E-mail: vernadskiana@yandex.ru Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК под № 2169 от 20.07.17.

Подписано в печать:

Формат 70x100 1/16 10 усл. п. л. Заказ № НП/78 Тираж: 50 экземпляров (бесплатно)
Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ "ВО "Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского" 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Бернацкий В.О., Макухин П.Г.** Проблема измерения замедления времени как фундаментального свойства «действительности».....5
- Олейник В.А.** Парадоксы метафизики пространства (места) и времени у Аристотеля.....17
- Лю К., Тан М., Лю Ж., Цинь Я.** Географический «взгляд на мир»: онтологические проблемы географии / пер. с англ. Н. Сеитмамутова.....29
- Оводова С.Н.** Коммуникативная модель локального и глобального: постановка проблемы.....48
- Грива О.А., Мильшин А.О.** Лики семьи: интересубъективность, объективация, институционализация.....57

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Абрамова Э.Г.** Документ как атрибут современной духовной культуры.....71
- Филатьева Т.В.** Культуросообразность воспитания.....78

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Кузьмин П.В., Халанская Л.Г.** Русский консерватизм: духовно-идеологические предпосылки и условия его развития в современной России.....86
- Хомич И.И.** Проблема определения критериев понятия «цивилизационная революция».....101
- Иванков К.В.** Рентоориентированное поведение в деятельности политико-экономических групп Украины.....111
- Родионова Е.В., Коваленко В.Д.** Медиатизированный образ государственно-конфессиональных отношений: реальность или социальный конструкт.....132
- Константинова М.В., Новопашина К.А.** Влияние учебно-воспитательной среды школы на формирование политической культуры старших школьников (на примере г. Красноярск).....149

ФИЛОСОФИЯ

УДК 115.4: 141.2

ПРОБЛЕМА ИЗМЕРЕНИЯ ЗАМЕДЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО СВОЙСТВА «ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ»

В.О. Бернацкий, П.Г. Макухин

Аннотация. В связи с тем, что время в современных философии и естествознании все ещё остается парадоксальным предметом обсуждения, в статье предлагается подход, включающий два принципиальных методологических момента. Во-первых, отказ от объяснения времени с позиции «объективность – субъективность» как не приведший хоть к какому-нибудь сближению сторон и прогрессивному сдвигу проблемы. Во-вторых, решение «основного вопроса» философии не с позиции известного принципа противоположности Бытия и Сознания, а с точки зрения того, что Действительность вторична по отношению к Бытию (и вдобавок содержательно всегда персонифицирована), а Сознание не более чем средство создания (Н)КМ. На основе этого нами обосновывается, что время является существенным феноменом не Бытия, но Действительности, и его «замедление/ускорение» представляют собою особые свойства, характеризующие длительность и темпы процессов изменений (для нас) отдельных элементов и структур Действительности.

Ключевые слова: философия, естествознание, время, Бытие и Действительность, философские проблемы ОТО и СТО, классическая и неклассическая НКМ.

Повторяя тезис о том, что «парадокс времени в том, что всеобщее признание его наличия до сих пор, три тысячи лет, не дает его общенаучного толкования. Нужна некая методологическая “встряска”» [1, с. 61], скажем, что последняя была нами предложена ранее (см., например, [2], [3], [4]) и в процитированной статье апробирована. Но при том совершенно очевидно, что в одной работе даже обозначить всю проблематику такого феномена, как время, в принципе невозможно. Поэтому в настоящей статье предпринята попытка критического осмысления (именно в рамках и на основе принципиального разведения Бытия и Действительности как объекта и предмета познания) имеющихся в научной литературе *многочисленных рассуждений о «замедлении времени» как реальном явлении физического мира.* Особо отметим публикации следующих современных физиков: И. В. Бузмакова [5], В. И. Лебедева [6], А. Н. Малинина [7], Ю. А. Разинову [8], И. Н. Таганову [9], В. Ф. Фатееву, В. П. Сысоеву и Е. А. Рыбакову [10], W. Becker, P. Morozov и др. [11], J. R. Klauder [12], P. Facchi и S. Pascazio [13], R. P. Crease [14], S. Soheily-Khah и P.-F. Marteau [15]. Обратившись к авторитетнейшему естественнонаучному российскому изданию, «Успехи физических наук», приведем утверждение, высказанное почти два десятка

лет назад: «релятивистское замедление времени изучалось на протяжении десятилетий в большом числе экспериментов. Самое точное на сегодняшний день измерение выполнено в Институте ядерной физики им. М. Планка (Гейдельберг, Германия). ... Замедление времени соответствует величине, получаемой из преобразований Лоренца, с точностью $2,2 \cdot 10^{-7}$, что в 4 раза превосходит точность предшествующих экспериментов» [16, с. 1246]. Из последних же достижений назовём экспериментально зафиксированный феномен «гравитационного замедления времени в микромасштабах», о чём Т. Босуэлл, С. Дж. Кеннеди, А. Эплии и др. сообщили в февральском номере (этого года) одного из самых авторитетных научных журналов «Nature» [17].

За всеми этими работами просматривается очевидная для физики доказательная практика, выражающаяся в *процедуре измерения*. Вполне естественно, что научные силы естествознания были вовлечены в своеобразное соревнование по поводу, кто выполнит более точную и «глубокую» величину так называемого «замедления времени». Казалось бы, получение всё более точных экспериментальных данных, подтверждающих факт замедления времени, должно было повысить интерес и к философским аспектам этого вопроса. Однако одни – условно «*лирики*» – направили свои мысли в сферу дискуссий об объективности – субъективности собственно времени (что нами более подробно анализируется в [1]). Тогда как другие – условно «*физики*» – к сожалению, не отнеслись критически к самим же ими сформулированному, назовем, физико-математическому условию рассматриваемого «замедления», а именно – фактору «наблюдателя». Ведь в методологическом аспекте важным представляется то, что эти исследования – причём уже на стадии установления параметров процедуры измерения указанного «замедления» – столкнулись с необходимостью введения дополнительных условий для, собственно, математически оформляемого результата. Главным среди них и стало введение наблюдателя, создавшее парадоксальную ситуацию: с одной стороны, он «тянет» за собой в науку субъекта как диалектическое дополнение объекта, т.е. реально объективный компонент. Но, с другой стороны, на практике ведь наблюдатель – не пассивный элемент процесса, а создатель и знания, и Действительности, в которой живем. (Более подробно наш критический анализ фигуры наблюдателя дан в [2, с. 116-136], [18]).

В свете этого мы соглашаемся с Ю. С. Кудрявцевым в том, что созданная А. Эйнштейном в 1905 году СТО «впервые открыла новое, неизвестное раньше свойство пространства и времени – их зависимость от скорости движения наблюдателя» [19, с. 20], *однако же «формальный математический взгляд на теорию относительности и на понятие времени не позволил в полной мере оценить и использовать вытекающие из нее выводы»* [19, с. 20]. Особенно же важным для нас представляется следующий вывод этого учёного: «Математика – это, конечно, могучий инструмент. Но инструмент не должен пытаться заменять собой голову того, кто с ним работает. Возможно, нам стоит чаще вспоминать о великих древних греках, которые предпочитали не столько считать, сколько думать о смысле и значении того, что считаешь» [19, с. 21]. И это – с предложенной нами позиции нетождественности

Бытия и Действительности – верно, так как точность измерения в данном случае становится известным «необходимым и достаточным» формальным доказательным элементом замедления, что, в свою очередь, делает время фактически независимым от «наблюдателя» фактором. Соответственно, исчезает потребность в фигуре «наблюдателя».

Нами уже была предпринята попытка показать, что именно в размышлениях «великих древних греков» о природе времени можно найти предвосхищение (во многом интуитивное) диалектики Бытия и Действительности ([20], [21]). В настоящей же статье будет иметь место «заочная дискуссия» с родоначальниками и «патриархами» неклассической НКМ по проблематике времени. Но поскольку указанная картина складывалась в острой полемике как с самой картиной мира классической науки, так и с попытками её модернизации без сущностной трансформации, начнём с краткого рассмотрения сделанной И. Ньютоном в «Математических началах натуральной философии» первой математической модели времени, имеющей также огромное философское значение. Английский философствующий физик утверждал, что для устранения «неправильных суждений», связанных с понятиями «время» и «пространство», необходимо фиксируемые этими понятиями явления разделить «на абсолютные и относительные, истинные и кажущиеся, математические и обыденные» [22, с. 30]. Обращаем внимание читателей на термины «относительные», «кажущиеся», «обыденные». Соответственно, если «абсолютное», «истинное математическое» время, называемое «длительностью», протекает равномерно, то второе суть «совершаемая при посредстве какого-либо движения, мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного математического времени, как то: час, день, месяц, год» [22, с. 30]. Однако, что мы и обосновываем, как раз «абсолютного», «истинного математического» времени нет. Нельзя не согласиться с английским учёным в том, что «час, день, месяц, год» – только относительны, хотя и возможно их математически точное измерение в соответствующих системах единиц. Но к этому необходимо добавить то, что все эти «вещи» измеряются нами, землянами в рамках нашей Земной Действительности. И, как мы видим, И. Ньютон вернулся к пониманию времени (уточним: «абсолютного, истинного математического») как меры движения, имевшему место ещё у Платона и Аристотеля, что рассмотрено нами ранее [1, с. 62-64]. Но при этом обратим внимание на то, что – пусть и в неявной форме – у И. Ньютона всё же имеют место колебания как раз в разделении времени на абсолютное и относительное, одновременно предвосхищая появление «наблюдателя».

Переходя к анализу критики ньютоновской модели времени, позволим себе напомнить читателю, что субстанциальная концепция пространства и времени полагает последние в качестве абсолютных «вместилищ», «ящичков без стенок». (Демокрит, Эпикур, большинство физиков и философов Нового времени; отголоски этого подхода можно найти и в некоторых современных философских источниках, например: «Время: *бесконечная среда*, в которой происходит смена событий» [23, с. 70]). Релятивистская же трактует пространство и время «как отношения между телами и состояниями» [24]; в связи с этим отмечается, что «в том, что время и пространство

неотделимы от материи, проявляется их универсальность и всеобщность” [25, с. 104]. (Аристотель, эпикурейской Г. Лейбниц, Г. В. Ф. Гегель; особо отметим, что второй из этих философов по этому поводу дискутировал именно с И. Ньютоном). Не имея возможности более подробно остановиться на философских «корнях» обеих этих концепций, приведём яркую – но в то же время и внутренне противоречивую! – метафору, предложенную С. Хокингом. (Который, что для нас особенно важно, внёс решающий вклад в формирование теории тяготения, основывающейся на общей теории относительности). В рамках понимания классической физикой пространства и времени в качестве всего лишь «фона» происходящих событий последнее «было отделено от пространства и рассматривалось как единственная линия, железнодорожная колея, бесконечная в обоих направлениях. ... считалось вечным в том смысле, что оно существовало и будет существовать **всегда**» [26, с. 42]. (Здесь стоит обратить внимание на последнее слово: хотя время в рамках рассматриваемого подхода суть не абстрактная длительность, а длительность «с вещами» «в железнодорожной колее», понятие «всегда» вносит противоречивость в мысли об отделении времени от пространства, хотя суть ньютоновской позиции состоит как раз в таком отделении). В противоположность этому – продолжает С. Хокинг – А. Эйнштейн в 1915 г. предложил объединить временное измерение с тремя пространственными, причём ОТО «включает действие гравитации, утверждая, что наполняющие Вселенную вещество и энергия искривляют и деформируют пространство-время так, что оно перестает быть плоским» [26, с. 43]. Соответственно, «благодаря искривлениям пространство и время в общей теории относительности превращаются из пассивного фона, на котором развиваются события, в динамических участников происходящего» [26, с. 43]. Забегая вперёд, укажем на вытекающий из всего рассмотренного парадокс: с одной стороны, современное научное сообщество принимает тезис о том, что невозможно добиться искривления пространства, «не вовлекая» в этот процесс и время. Но, с другой, получается, что время-то не более чем некий «измеритель», инструмент наблюдателя! Иначе говоря, оно одновременно и имеет, и не имеет собственной формы.

Усиливая этот момент, приведём рассуждения М. Каку из работы со знаменательным названием «Космос Эйнштейна. Как открытия Альберта Эйнштейна изменили наши представления о пространстве и времени» (2005 г.). Констатируя специфичность эйнштейновского научного стиля, основывающегося «не столько на мудреной математике ..., сколько на простых и элегантных образах» [27, с. 9] (в связи с чем нельзя не вспомнить приведённые вначале статьи слова о «великих древних греках»), этот американский физик-теоретик формулирует следующие два «элегантных образа» Вселенной, порождённые «научным воображением» А. Эйнштейна. *Во-первых*, «наглядно представив себе, что происходит, если лететь вместе с лучом света, Эйнштейн выделил ключевое противоречие между двумя основными физическими теориями того времени: законами Ньютона и электромагнитной теории Максвелла» [27, с. 10], из чего «выросла» СТО. (В связи с этим уместно привести слова самого А. Эйнштейна о проделанном им мысленном эксперименте: «если бы я стал двигаться вслед за лучом света со скоростью С

(скорость света в пустоте), то я должен был бы воспринимать такой луч света как покоящееся переменное в пространстве электромагнитное поле. Но ничего подобного не существует; это видно как на основании опыта, так и из уравнений Максвелла» [цит. по: 28, с. 30]). *Во-вторых*, А. Эйнштейн «представил планеты в виде шариков, катающихся по искривленной поверхности с Солнцем в центре; это иллюстрация к мысли о том, что гравитация возникает в результате искривления пространства и времени» [27, с. 10]. В контексте этого нового взгляда на гравитацию «ньютоновы “силы” были всего лишь иллюзией, вызванной искривлением самого пространства» [27, с. 10], откуда – констатирует М. Каку – «выросли» представления о «чёрных дырах» и Большом взрыве.

Возвращаясь к образу времени как «бесконечной железнодорожной колеи», приведём следующие принципиально для нас важные слова С. Хокинга: «мы с Роджером Пенроузом смогли показать: из общей теории относительности вытекает, что Вселенная началась с Большого взрыва. *Так что теория Эйнштейна действительно предсказывает, что время имеет начало, хотя ему самому эта идея никогда не нравилась*» [26, с. 31]. (Для более глубокого знакомства с этим вопросом читатель может обратиться к работе «Природа пространства и времени» [29], фиксирующей результаты дискуссии С. Хокинга со своим соотечественником, видным физиком и математиком Р. Пенроузом). Ну а нам тоже «не нравится», поскольку в рамках Бытия нет абсолютного начала, но есть «наше» (Мира, Солнечной системы и Земли) начало, а не начало Космоса (в значении «Бытие»), когда формировалась «точка сингулярности». Ведь «что-то» было и до Большого взрыва.

Кроме того, нельзя не заметить, что в лекции, прочитанной по поводу своего вступления в должность профессора кафедры математики Кембриджского университета, С. Хокинг выражался более осторожно. Обосновывая важность квантовой теории гравитации, английский учёный указывает, что именно она даёт ответ на вопрос, в частности о том, «действительно ли время имеет начало, а возможно, и конец, как это предсказывается классической ОТО; а может быть квантовые эффекты каким-то образом размазывают сингулярность Большого взрыва и «Большого сжатия»?» [30, с. 54]. Оговариваясь, что «это очень трудные вопросы, которым нелегко даже придать хорошо определенный смысл, в ситуации, когда объектом действия принципа неопределённости становится сама структура пространства – времени» [30, с. 54], С. Хокинг всё же склоняется к следующей позиции: «Сингулярности, наверно, всё же есть, хотя *в каком-то математическом смысле время можно продолжить и за ними*» [30, с. 54]. Хотя далее вновь идёт оговорка: «однако любое интуитивное представление о времени, основанное на сознании или способности производить измерения, теряет смысл» [17, с. 54]. Мы имеем основание оценить приведенные рассуждения С. Хокинга как попытку «нащупать» проблематику феномена «Действительность» (в предложенном нами смысле этого термина).

После таковой пропедевтики в область релятивистского понимания времени приведём принципиальные для нас рассуждения А. Эйнштейна. В ставшей классической работе 1954 года, написанной совместно с польским физиком-

теоретиком Л. Инфельдом, он пишет: «физическое пространство, постигаемое через объекты и их движения, имеет три измерения, и положения объектов характеризуются тремя числами. Момент события есть четвертое число» [31, с. 199], в результате чего «мир событий образует четырехмерный континуум» [31, с. 199]. Ну, во-первых, весьма показательно, что здесь используется термин «мир событий», а не «Вселенная», не Бытие. Во-вторых, отмечая, что это справедливо как для классической, так и для релятивистской физики, он уточняет, что различие проявится в том случае, если будут рассматриваться две движущиеся друг относительно друга системы координат. Соответственно, если представляющий классическую науку физик, считая время абсолютным, «разобьёт четырехмерный континуум на трехмерное пространство и одномерный временной континуум» [31, с. 199], то с точки зрения неклассического естествознания и пространство, и время, изменятся в случае перехода из одной системы координат в другую. Поэтому «преобразования Лоренца рассматривают трансформационные свойства четырехмерного пространственно-временного континуума – нашего четырехмерного мира событий» [31, с. 200]. Соответственно, «деление на время и пространство не имеет объективного смысла, так как время больше не является “абсолютным”» [31, с. 200]. На основе этого «рушится» такая незабываемая характеристика событий в рамках классической физики, как их одновременность. А именно – релятивистская физика заставила отказаться от представления о том, что «два события, происходящие в одно и то же время в одной системе координат, необходимо происходили одновременно во всех системах координат» [31, с. 172]. Об этом же А. Эйнштейн писал в статье «К электродинамике движущихся тел» (1905 г.), ставшей его первой работой по теории относительности: «не следует придавать абсолютного значения понятию одновременности. Два события, одновременные при наблюдении из одной координатной системы, уже не воспринимаются как одновременные при рассмотрении из системы, движущейся относительно данной системы» [32, с. 13].

Кроме того, для нашей темы принципиально важно то, что А. Эйнштейн «вплёл» время в «ткань» физической реальности, т.е. обосновал его понимание как характеристики Бытия, с чем мы согласиться не можем. Ведь любое событие – это феномен для человека, и в то же время фактор его Действительности, а никак не Бытия. И потому, полностью не соглашаясь, но и не оспаривая, приведём мысль упоминавшегося выше Ю. С. Кудрявцева о том, что физическое время «нельзя рассматривать как произвольную математическую величину, которую можно считать как временем, так и некой функцией от времени. Потому что функция всегда будет иметь иной физический смысл и иное значение, чем само время» [19, с. 21].

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что заметные колебания многих авторов при толковании природы времени имеют место главным образом потому, что их рассуждения не находят опоры в традиционно используемой методологии, отождествляющей Бытие и Действительность. Хотя большинством авторов артикулировался парадокс: несовместимость идей «начала Вселенной» с бесконечностью времени. В рамках же предлагаемой нами методологии этот парадокс познания снимается: *время имеет начало и может иметь конец только если*

рассматривать его как феномен Действительности, а не Бытия. Но важно оговориться: мы не «вкладываем» время в Действительность (как это может показаться на первый взгляд), но утверждаем, что человечество последовательно и неотвратно трансформирует Бытие в Действительность, вводя в неё время как условие закономерности в изучении и изменении последней. Поэтому «замедление/ускорение» времени суть особые свойства, приносимые человеческой деятельностью, характеризующие длительность и темпы процессов изменений (для нас) отдельных элементов и структур Действительности.

Список используемой литературы

1. Бернацкий В. О., Макухин П. Г. Действительность как методологическая основа решения парадокса времени // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2017. – № 5-6. – С. 61-65.
2. Бернацкий В. О., Макухин П. Г. Антропный космологический принцип как проблема философии и естествознания : монография. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2022. – 256 с.
3. Бернацкий В. О. Об объекте и предмете действительности // Проблемы развития и интеграции науки, профессионального образования и права в глобальном мире. Материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием. Ч. 1. – Красноярск: ИПЦ СФУ, 2007. – С. 58-62.
4. Бернацкий В. О. Онтология: бытие или рассуждение о действительности? // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. – 2000. – № 5. – С. 6-14.
5. Бузмаков И. В. Принцип относительности и замедление времени // Научная перспектива. – 2014. – № 12. – С. 80-81.
6. Лебедев В. И. Об интерпретации релятивистских эффектов замедления времени // Актуальные проблемы естественных наук и их преподавания. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию МГУ имени А. А. Кулешова. – Могилёв: Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2013. – С. 115-118.
7. Малинин А. Н. Является ли предсказанием теории относительности и экспериментальным фактом так называемый «релятивистский эффект замедления времени»? // Проблемы физики и технологии ее преподавания Межвузовский сборник научных трудов. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 2012. – С. 43-51.
8. Разинов Ю. А. Время и опыт: эффекты замедления и ускорения // *Mixtura verborum'* 2013: Время, история, память. Философский ежегодник / под общей редакцией С. А. Лишаева. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2014. – С. 31-41.
9. Таганов И. Н. Спираль Времени. Космологическое замедление хода времени. – Изд. 2-е испр. и доп. – СПб.: ТИН, 2004. – 188 с.

10. Фатеев В. Ф., Сыроев В. П., Рыбаков Е. А. Экспериментальное измерение гравитационного эффекта замедления времени с помощью перевозимых квантовых часов // *Измерительная техника*. – 2016. – № 4. – С. 41-43.
11. Becker W., Morozov P. and other. Ultrafast time measurements by time-correlated single photon counting coupled with superconducting single photon detector // *Review of Scientific Instruments*. – 2016. – № 87, 053117. <https://aip.scitation.org/doi/10.1063/1.4948920>
12. Klauder J. R. Scalar field quantization without divergences in all spacetime dimensions // *Journal of Physics A: Mathematical and Theoretical*. – 2011. – Volume 44, Number 27. <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1751-8113/44/27/273001/pdf>
13. Facchi P., Pascazio S. Quantum Zeno dynamics: mathematical and physical aspects // *Journal of Physics A: Mathematical and Theoretical*. – 2008. – Volume 41, Number 49. <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1751-8113/41/49/493001/pdf>
14. Crease R. P. *Philosophy of Physics*. IOP Publishing Ltd 2017. <https://iopscience.iop.org/book/978-0-7503-1542-5/chapter/bk978-0-7503-1542-5ch1>
15. Soheily-Khah S., Marteau P.-F. Sparsification of the alignment path search space in dynamic time warping // *Applied Soft Computing*. May 2019, Volume 78, Pp. 630-640.
16. Ерошенко Ю. Н. Новости физики в сети Internet (по материалам электронных препринтов) // *Успехи физических наук*. – 2003. – Т. 173. – № 11. – С. 1246.
17. Bothwell T., Kennedy C.J., Aepli A. et al. Resolving the gravitational redshift across a millimetre-scale atomic sample // *Nature*. – 2022. – № 602. P. 420-424.
18. Бернацкий В. О., Макухин П. Г. Антропный космологический принцип как проблема единства философии и физики // *Современные исследования социальных проблем*. – 2016. – № 3-3 (27). – С. 62-71.
19. Кудрявцев Ю. С. О физическом и нефизическом времени или физика без формул // *Евразийское Научное Объединение*. – 2017. – № 5 (27). – С. 15-22.
20. Бернацкий В. О., Макухин П. Г. О предвосхищении диалектики бытия и действительности в античных размышлениях о природе времени: досократики // *Россия и мировые тенденции развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 13-15 мая 2019 г.)*. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2019. – С. 8-15.
21. Бернацкий В. О., Макухин П. Г. О предвосхищении диалектики бытия и действительности в античных размышлениях о природе времени: классики // *Россия и мировые тенденции развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 13-15 мая 2019 г.)*. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2019. – С. 16-23.
22. Ньютон И. *Математические начала натуральной философии*. – М.: Наука, 1989. – 688 с.
23. Жюлиа Д. *Время* // Жюлиа Д. *Философский словарь*. – М.: Международные отношения, 2000. – С. 70.
24. Самченко В. Н. Три концепции пространства и времени // *Теоретический журнал CredoNew*. – 2015. – № 3. [Электронный ресурс]. URL:

- http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr3-2015/28476-tri-koncepcii-prostranstva-i-vremeni.html (Дата обращения: 30.09.2022)
25. Кешелова В. В. Время и пространство // *Философский словарь* / Под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2000. – С. 104.
 26. Хокинг С. Мир в ореховой скорлупке. – СПб.: «Амфора», 2007. 218 с.
 27. Каку М. Космос Эйнштейна: Как открытия Альберта Эйнштейна изменили наши представления о пространстве и времени. – М.: Альпина нон фикшн, 2016. – 272 с.
 28. Полани М. Личностное знание. – М.: «Прогресс», 1985. – 344 с.
 29. Пенроуз Р., Хокинг С. Природа пространства и времени. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. – 160 с.
 30. Хокинг С. Виден ли конец теоретической физики? // *Природа*. – 1982. – № 5. – С. 48-56.
 31. Инфельд Л., Эйнштейн А. Эволюция физики. Развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квантов. – СПб.: ООО «Торгово-издательский дом: «Амфора»», 2015. – 258 с.
 32. Эйнштейн А. К электродинамике движущихся тел // Эйнштейн А. Сочинения: В 4 т. – Т. 1. – М.: Наука, 1965. – С. 7-35.

V. O. Bernatsky, P. G. Makukhin

THE PROBLEM OF MEASURING TIME DILATION AS A FUNDAMENTAL PROPERTY OF «REALITY».

Annotation: Time in the conditions of modern philosophy and natural science is still a paradoxical scientific problem. The approach proposed by the authors of the article in its solution includes two principal grounds: firstly, the need to refrain from explaining the nature of time from the position of «objectivity – subjectivity». Secondly, the position of adopting and using the principle of the opposite of Being and Reality as objects of research and, at the same time, with their unity in the cognition of Reality and its properties. We use the term «Reality» to mean the unity of knowledge, behavior and views of the world. Within and on the basis of the proposed breeding of Being and Reality as the various objects of scientific knowledge, the following is substantiated. Time is an essential phenomenon not of Being, but Reality, and its «delay – acceleration» are special properties that characterize the duration and pace of the processes of changes (for us) of objects, subjects, things and structures of Reality.

Keywords: *philosophy, natural science, time, Being and Reality, philosophical problems of GR and SRT, classical and non-classical scientific picture of the world.*

References

1. Bernatsky V. O., Makukhin P. G. Deĭstvitel'nost' kak metodologicheskaĭa osnova resheniĭa paradoksa vremeni [Reality as a methodological basis for solving the

- paradox of time] // *Sovremennaiia nauka aktualnye problemy teorii i praktiki: Seriiia Poznanie*. Pp. 61-65.
2. Bernatsky V. O., Makukhin P. G. *Antropnyi kosmologicheskii printsip kak problema filosofii i estestvoznaniia : monografiia* [Anthropic cosmological principle as a problem of philosophy and natural sciences: monograph]. Omsk: OmGTU, 256 p.
 3. Bernatsky V. O. *Ob ob'ekte i predmete deistvitel'nosti* [On the object and the subject of reality]. // *Problems of development and integration of science, vocational education and law in the global world. Materials of the II All-Russian Scientific Conference with International Participation*. Ch. 1. Krasnoïarsk: IPTs SFU, 2007. Pp. 58-62.
 4. Bernatsky V.n O. *Ontologiia: bytie ili rassuzhdenie o deistvitel'nosti?* [Ontology: being or reasoning about reality?] // *Vestnik Omskogo otdeleniia Akademii gumanitarnykh nauk*. 2000. Vol. 5. Pp. 6-14.
 5. Buzmakov I. B. *Printsip otnositel'nosti i zamedlenie vremeni* [Principle of relativity and dilation of time] // *Nauchnaya perspektiva*. 2014. № 12. Pp. 80-81.
 6. Lebedev V.I. *Ob interpretatsii reliativistskikh éffektov zamedleniia vremeni* [On the interpretation of relativistic effects of time dilation] // *Aktual'nye problemy estestvennykh nauk i ikh prepodavaniia*. Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchenoi 100-letiiu MGU imeni A. A. Kuleshova. Mogilëv: Mogilevskii gosudarstvennyi universitet imeni A. A. Kuleshova 2013. Pp. 115-118.
 7. Malinin A. N. *Íavlíatsiá li predskazaniem teorii otnositel'nosti i éksperimental'nyim faktorom tak nazyvaemyi «reliativistskii éffekt zamedleniia vremeni»?* [Is the prediction of the theory of relativity and an experimental fact of the so-called «relativistic effect of slowing down time»?] // *Problemy fiziki i tekhnologii ee prepodavaniia Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Lipetsk: Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2012. Pp. 43-51.
 8. Razinov Y. A. *Vremiá i opyt: éffekty zamedleniia i uskoreniia* [Time and experience: the effects of deceleration and acceleration] // *Mixtura verborum' 2013: Vremya, istoriya, pamyat. PFilosofskii ezhegodnik / pod obshchei redaktsiei S. A. Lishaeva*. Samara: Samarskaia gumanitarnaia akademiia, 2014. Pp. 31-41.
 9. Taganov I. N. *Spiral' Vremeni. Kosmologicheskoe zamedlenie khoda vremeni* [Spiral time. Cosmological dilation of the time course]. Izd. 2-e ispr. i dop. SPb.: TIN, 2004. 188 p.
 10. Fateev V. F., Sysoev V. P., Rybakov, E. A. *Éksperimental'noe izmerenie gravitatsionnogo éffekta zamedleniia vremeni s pomoshch'iu perevoziomykh kvantovykh chasov* [Experimental measurement of the gravitational effect of time dilation with the help of the transported quantum clocks] // *Izmeritel'naja tehnika*. 2016. № 4. Pp. 41-43.
 11. Becker W., Morozov P. and other. *Ultrafast time measurements by time-correlated single photon counting coupled with superconducting single photon detector* // *Review of Scientific Instruments*. 2016. № 87, 053117. <https://aip.scitation.org/doi/10.1063/1.4948920>

12. Klauder J. R. Scalar field quantization without divergences in all spacetime dimensions // *Journal of Physics A: Mathematical and Theoretical*. 2011. Volume 44, Number 27. <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1751-8113/44/27/273001/pdf>
13. Facchi P., Pascazio S. Quantum Zeno dynamics: mathematical and physical aspects // *Journal of Physics A: Mathematical and Theoretical*. 2008. Volume 41, Number 49. <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1751-8113/41/49/493001/pdf>
14. Crease R. P. *Philosophy of Physics*. IOP Publishing Ltd 2017. <https://iopscience.iop.org/book/978-0-7503-1542-5/chapter/bk978-0-7503-1542-5chl>
15. Soheily-Khah S., Marteau P.-F. Sparsification of the alignment path search space in dynamic time warping // *Applied Soft Computing*. May 2019, Volume 78, Pp. 630-640.
16. Erpshenko IU. N. *Novosti fiziki v seti Internet (po materialam elektronnykh preprintov)* [Physics news on the Internet (based on electronic preprints)] // *Uspekhi fizicheskikh nauk*. 2003. Vol. 173 (11). P. 1246.
17. Bothwell T., Kennedy C.J., Aeppli A. et al. Resolving the gravitational redshift across a millimetre-scale atomic sample // *Nature*. 2022. № 602. P. 420-424.
18. Bernatsky V. O., Makukhin P. G. Antropnyĭ kosmologicheskiĭ printsip kak problema edinstva filosofii i fiziki [Anthropic cosmological principle as a problem of the unity of philosophy and physics] // *Sovremennye issledovaniia sotsialnykh problem*. 2016. № 3-3 (27). P. 62-71.
19. Kudriavtsev IU S. O fizicheskom i nefizicheskom vremeni ili fizika bez formul [About physical and non-physical time or physics without formulas] // *Evraziiskoe*, *Nauchnoe Obieedinenie*. 2017. Vol. 5 (27), Pp. 15-22.
20. Bernatsky V. O., Makukhin P.G. O predvoskhishchenii dialektiki bytiia i deĭstvitel'nosti v antichnykh razmyshleniiakh o prirode vremeni: dosokratiki [About anticipation of dialectics of being and reality in ancient reflections about the nature of time: pre-Socratics] // *Rossiya i mirovyie tendentsii razvitiya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Omsk, 13-15 maia 2019 g.)*. Omsk: Izd-vo OmGTU, 2019. Pp. 8-15.
21. Bernatsky V. O., Makukhin, P.G. O predvoskhishchenii dialektiki bytiia i deĭstvitel'nosti v antichnykh razmyshleniiakh o prirode vremeni: klassiki [About anticipation of dialectics of being and reality in ancient reflections about the nature of time: classics] // *Rossiya i mirovyie tendentsii razvitiya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Omsk, 13-15 maia 2019 g.)*. Omsk: Izd-vo OmGTU, 2019. Pp. 16-23.
22. N'uton I. *Matematicheskie nachala natural'noi filosofii* [Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica]. M.: Nauka, 1989. 688 p.
23. Zhiulia D. *Vremia* [Time] // *Zhiulia D. Filosofskiĭ slovar'*. M.: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2000. P. 70.
24. Samchenko V. N. Tri kontseptsii prostranstva i vremeni [Three conception of space and time] // *Teoreticheskii zhurnal CredoNew*. 2013. Vol.3

- http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr3-2015/28476-tri-koncepcii-prostranstva-i-vremeni.htm.
25. Keshelava V. V. Vremia i prostranstvo [Time and space] // *Filosofskii slovar' / Pod red. I. T. Frolova*. 7-e izd., pererab. i dop. M.: Respublika, 2000. P. 104.
 26. Khoking S. Mir v orekhovoi skorlupke [The universe in a nutshell]. SPb: «Amfora», 2007. 218 p.
 27. Kaku M. Kosmos Eĭnshteĭna: Kak otkrytiia Al'berta Eĭnshteĭna izmenili nashi predstavleniia o prostranstve i vremeni [Einstein's cosmos: how albert einstein's vision transformed our understanding of space and time]. M.: Al'pina non fikshn, 2016. 272 p.
 28. Polani M. Lichnostnoe znanie [Personal knowledge]. M.: «Progress», 1985. 344 p.
 29. Penrouz R., Khoking S. Priroda prostranstva i vremeni. [The nature of space and time]. Izhevsk: NITs «Reguliarnaia i khaoticheskaia dinamika», 2000. 160 p.
 30. Khoking S. Viden li konets teoreticheskoi fiziki? [TIs the end in sight for theoretical physics?] // *Priroda*. 1982. № 5. P. 48-56.
 31. Infel'd L., Eĭnshteĭn A. Eĭvoliutsiia fiziki. Razvitie ideĭ ot pervonachal'nykh poniatiĭ do teorii otноситel'nosti i kvantov. [The evolution of physics. The growth of ideas from early concepts to relativity and quanta]. SPB.: OOO «Torgovo-izdatel'skii dom: «Amfora»», 2015. 258 p.
 32. Eĭnshteĭn A. K elektrodinamike dvizhushchikhsia tel [On the electrodynamics of moving bodies] // *Eĭnshteĭn A. Sochineniia: V 4 t. T. 1*. M.: Nauka, 1965. Pp. 7-35.

Сведения об авторах

Бернацкий Владилен Осипович – доктор философских наук, профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» ОмГТУ.

E-mail: Bernatskiy33@rambler.ru

Макухин Пётр Геннадьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» ОмГТУ.

E-mail: petr_makuhin@mail.ru

Vladilen O. Bernatsky – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History, Philosophy and Social Communications of Omsk State Technical University.

E-mail: Bernatskiy33@rambler.ru

Petr G. Makukhin – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Communications of Omsk State Technical University.

E-mail: petr_makuhin@mail.ru

УДК: 114 + 115 + 116

ПАРАДОКСЫ МЕТАФИЗИКИ ПРОСТРАНСТВА (МЕСТА) И ВРЕМЕНИ
У АРИСТОТЕЛЯ

Олейник В.А.

Аннотация. Цель статьи состоит в выявлении специфического круга проблем существования времени. В статье эта тема раскрывается посредством применения методологического хода К. Мейясу. В связи с этим в рамках исследования выделяется корреляционистская пара место-движение в философии Аристотеля, из которой эксплицируется основная онтологическая структура этого отношения. В ходе анализа данного отношения выявляется метафизическое определение места как «границы объемлющего тела» и рассматриваются парадоксы, следующие из этого определения, которые приводят к идее времени. Проблема времени раскрывается в контексте отношения время-место, время-движение. Из соотношения время-место анализируется проблема смежности их определений у Аристотеля через понятие границы; выявляется их ключевое отличие. В свою очередь, из соотношения время-движение выделяется и анализируется значение времени как меры движения. Спекулятивная глубина понятия времени у Аристотеля формирует горизонт множества проблем современной философии времени. В рамках данной статьи были выявлены и рассмотрены следующие онтологические проблемы времени: проблема корреляционизма понятия времени с понятием пространства, проблема соотношения времени и различия на основе их онтологического и концептуального значения.

Ключевые слова: время, место, движение, различие, корреляционизм, онтология, Мейясу, Аристотель.

Введение

Излишне много говорить о том, как важен Аристотель для истории философии, как он актуален для той философской эпохи, которую мы сегодня называем своим настоящим. Достаточным будет сориентировать относительно траектории нижеследующего исследования проблемы пространства и времени у Аристотеля, которое мы будем проводить.

Одна из важнейших проблем идеи времени заключается в статусе его существования. Эта основополагающая онтологическая проблема времени, возобновляющая свою актуальность вновь и вновь на протяжении всей философской истории этого вопроса от Платона до современных философских теорий времени. Все они в той или иной степени воспроизводят одну и ту же апорию: как может существовать время, если нет его предмета. Каждая философия времени попадает в этот круг, повторяя в том или ином виде этот упрямый вопрос. Начало этой проблемы лежит в философии Аристотеля, где пространство и время были объединены в единую

теорию. Корреляционная пара место-время у Аристотеля приводит к некоторым парадоксам, которые в дальнейших их историко-философских трансформациях сформировали и закрепили философский образ времени в статусе фиктивного понятия и в качестве проблемы, относящейся к теории субъективности.

Мы нисколько не ставим себе целью решение этой проблемы, иначе мы не сможем называться современными исследователями. Нашей целью является обозначения слабых сторон онтологии времени, основанной на корреляционной связи место-время, каковой, на наш взгляд, является аристотелевская теория времени. Мы должны будем выяснить, как справляется с этими недостатками и парадоксами аргументация метафизики, и где она «проседает», то есть, где метафизика наталкивается на границы собственных интерпретативных возможностей. Вместе с тем метафизика здесь может нас приятно удивить своей способностью адаптироваться под объект, с которым имеет дело, оставляя за ним возможность изменяться в процессе философского осмысления, как мы увидим из рассуждений Аристотеля. Эта едва уловимая изменчивость объекта и податливость метафизики имеют, казалось бы, очевидный недостаток – невозможность строгого определения объекта. Однако для нашего исследования это не является недостатком, поскольку не противоречит нашей конечной цели.

Стоит сделать несколько замечаний на тему того, как будет производиться наше исследование. В работе К. Мейясу – сторонника современного философского течения спекулятивного реализма – раскрывается тезис о корреляционизме любой философской системы после И. Канта¹. Это тезис представляется нам очень интересным, однако рассматривать его сильные и слабые стороны не входит в нашу задачу. В данной статье также не будет применяться эта методологическая схема в чистом виде, поскольку вопрос об универсальности такого подхода ко всей философии представляется нам дискуссионным. В свою очередь, положение о корреляционистской двухходовке [pas de danse], на наш взгляд, может быть применен в нашем анализе проблемы времени у Аристотеля в его, если можно так сказать, слабой версии, как нам представляется. Слабая версия этого тезиса, как мы полагаем, может заключаться в локальном применении принципа корреляционизма в той или иной онтологии, для выявления проблемного поля некоторого феномена. Терминологически предлагается назвать это «корреляционной парой». Применительно

¹ «Назовем «корреляционистским кругом» аргумент, согласно которому невозможно помыслить «в себе», не впадая в порочный круг, в противоречие самому себе, и назовем «корреляционистской двухходовкой» [pas de danse] другую фигуру рассуждения, столь излюбленную философами и часто встречающуюся в современных трудах, в соответствии с которой «было бы наивно мыслить субъект и объект как две разных сущности [deux étants], которые имеют самостоятельное существование, и каждая из которых дополняется отношением к другой». [3, с. 12]. «В целом, «двухходовка» современности – это вера в первичность отношения перед членами отношения, вера в конститутивную силу их взаимного отношения. «Ко-» «корреляции» («со-» «со-данности», «со-отношения», «со-зарождения», «со-присутствия» и т. д.) – грамматическая частица, подчинившая себе современную философию, ее подлинная «химическая формула». Таким образом, можно было бы сказать, что до Канта одной из основных философских проблем было как помыслить субстанцию, в то время как после Канта — как помыслить корреляцию». [3, с. 12]

к нашему исследованию это будет состоять в следующем: в рамках проблемы времени в контексте онтологии Аристотеля ключевой корреляционной парой является отношение место-время. Отношения внутри этой пары между сопряженными зависимыми элементами и между элементами состава самой этой пары порождают определенную онтологическую структуру и образует систему отношений, из которых можно выделить специфический круг онтологических проблем времени. В случае с Аристотелем можно утверждать о некотором поле онтологических проблем времени, поскольку ключевые вопросы существования времени были заявлены именно в этой философской системе в более строгом виде, чем это было у Платона, и сформировали круг проблем, которые в том или ином виде поднимались в дальнейших теориях времени.

1

Итак, нашей первостепенной задачей на данный момент является выяснить, какова онтология пространства у Аристотеля, какими парадоксами и трудностями она обладает, и в какой связи появляется время.

О пространстве, как и о времени, Аристотель говорит в четвертой книге «Физики». «Физическое» в понимании Аристотеля связано с уяснением начал бытия в широком смысле этого слова. Начала характеризуют устройство Вселенной. Эпистемологическая непосредственность древнегреческого мышления не нуждалась в каких-то элементах теории познания, которая дала бы доступ человеку к его миру. Возможно, оттого что человек тогда еще был частью Вселенной, а не границей видимого мира. Современный философ – это мастер выпиливания симпатичных рамок, в которые будет посажен предсказуемый «мир». Природа для Аристотеля – это начало движения и изменения [См.: 2, с. 103], понимание которого возможно только из прояснения вопроса о месте, пустоте и времени. Проблема движения распределяется между тремя этими феноменами, каждый из которых будет раскрывать какую-то часть сложной идеи движения. Первая будет раскрыта Аристотелем в тезисе, согласно которому из движения и места «слагается» существование. Вторая часть регулирует отношение и различие между местом и пустотой по принципу бытия/небытия. Третья составляющая этой проблемы касается разграничения двух видов движения между местом и временем.

Идея места у Аристотеля имеет мало общего с любым философским пониманием пространства. Если мы и говорим о «пространстве» у Аристотеля, то в силу скорее привычки, которую описывал Д. Юм в своем знаменитом Трактате, чем реальном родстве этих понятий. Определяя место, Аристотель отрицает её тождество с формой, материей или протяжением [См.: там же: с. 131]. Отталкиваясь от негативного определения места, Аристотель отдает предпочтение следующей формулировке: «...необходимо, чтобы место было...границей объемлющего тела... Я разумею под объемлемым тело, способное двигаться путем перемещения» [См.: там же: с. 132]. Мы чувствуем здесь разницу между объемлющим телом и телом объемлемым. Граница тела объемлемого – это его форма. Однако, если сменить фокус и «точку отсчета»,

можно сказать, что объемлющее тело имеет собственную границу, то есть имеет форму, а, следовательно, также является объемлемым телом относительно какого-то другого объекта большего масштаба. В примере Аристотеля с рекой, река будет местом, а лодка – объемлемым телом. Однако, если взять остров, где течет эта река вместе с лодкой (допустим, что кроме нее больше вообще ничего нет на этом острове), то уже остров будет объемлющим, а река – объемлемым. Этот пример нам показывает, что место для Аристотеля является не тем, «в чем» происходит движение, а корреляционной парой движения, из соотношения с которым можно определить существование².

Иллюстрация с лодкой показывает характерный принцип аристотелевской метафизики: своего рода спекулятивную игру, предшествующую понятию. В ходе этой игры вещь попеременно проскальзывает между двумя семантическими глубинами (высотами) этого понятия. Оказываясь сначала внутри, а потом – вовне, у самой границы. Можно привести следующий пример для иллюстрации спекулятивной игры. В основе нашего абстрактного, можно даже сказать, примитивного, примера будет находиться мячик (шарик) в мешке, где мы заметим качественное изменение описания «мира» и поведение такой онтологии «мира» мячика, воспринятой с двух позиций. Спекулятивная игра происходит здесь на основании положения шарика – внутри или снаружи. Аналогично тому, как для шарика, находящегося внутри, «мир» имел бы одни характеристики, так и для шарика, находящегося снаружи вывернутого наизнанку мешка, «мир» имел бы другие характеристики. Эти два «мира» будут в чем-то сходиться, а в чем-то быть противоположными и/или просто другими, являясь при этом одним и тем же единым «миром», рассматриваемым с разных сторон. Различия, аналогии, противоречия и др., выявляемые при этом, составляют понятийную глубину (высоту) «мира» в спекулятивной игре переворачивания (опрокидывания) «мира». Возвращаясь к нашему примеру с лодкой, в одном случае река будет объемлющим, а в другом – объемлемым, однако все это может входить в содержание её понятия, выпадающим в ходе спекулятивной игры.

Место выступает принципом установления того, что можно назвать находящимся в движении на основании умозрительной неподвижной границы, относительно которой устанавливается движение вещи. Место является фиксированной системой отношения двух вещей, относительно которых мы хотим установить их движение. В такой системе есть объемлющее тело, относительно которого определяется движение объемлемого тела, где граница объемлющего тела, определяющая наличие/отсутствие движения тела объемлемого, выступает маркером изменения системы – то есть местом [См. там же: с. 132]. Место, разумеется, имеет также значение того, «в чем» происходит эти изменения. Однако это «в чем» не является каким-либо протяжением пустого пространства, но предстает в качестве некоторой системы динамического различия, внутри которой мы определяем движение между вещами.

2

² «И место находится как граница в ограничиваемом [теле], так как в месте [находится] не все существующее, а только способное к движению тело». [там же: с. 133].

Наша версия о месте, как корреляционном элементе определения существования вещей, подтверждается аристотелевской полемикой с пустотой, то есть в споре Аристотеля с атомистами. Для Аристотеля этот вопрос напрямую связан с построением онтологии пространства, поскольку прежняя философия исходила из понимания пустоты, существование которой допускалось для обоснования движения. Аристотелевская теория движения опирается на корреляционную онтологию места, что, на наш взгляд, можно считать новаторской идеей своего времени, требующей доказательной и сильной аргументации. Кратко опишем содержание его позиции на тему пустоты. Во-первых, Аристотель сторонник непрерывности. Непрерывность по определению отрицает пустоту. Здесь Стагирит выступает на стороне теории о целостности мира, в противовес лакунообразному миру атомистов. Утверждение непрерывности позволит Аристотелю определить время как целостный феномен. Во-вторых, согласно Аристотелю, пустота признается одними и отрицается другими по причине подмены содержаний понятий: пустоту путают с местом, определяя её как то, в чем происходит движение. Если придерживаться более строгого определения, о котором говорит Аристотель, то пустота – это отсутствие различия [См. там же: с. 138], а потому не является необходимым или каким-либо вообще условием движения, поскольку движение познается из различия. Пустота безразлична, а потому в ней нет движения. Отсутствие и невозможность появления движения в пустоте отрицает реальность её бытия, в завершение своего рассуждения Аристотель заключает, что пустота не является существующей.³

С прояснением отличия пустоты и причины отрицания ее существования мы можем теперь уточнить наше ранее высказанное определение места. Место, напротив, обладает различием, которое можно установить путем сравнения. В качестве примера Аристотель использует перемещение предметов относительно друг друга. Аристотель акцентирует внимание на том, что место при этом не является ни самим перемещением, ни изменением, ни каким-либо континуальным протяжением для перемещения. Два существенных обстоятельства, указанных выше, могут помочь нам в понимании этого. Речь идет о способности к различию и принципе определения существования. Эти два утверждения тем интересны и значительны для данной онтологии, что они, во-первых, напрямую концептуально связаны между собой и, во-вторых, позволяют составить представление о положении места в аристотелевской онтологии в целом. Первый тезис уже раскрыт нами, и поэтому здесь только кратко напомним о нем: идея места воплощает в себе систему отношений между предметами вообще, это некоторое предписание поведения системы отношений между вещами, которое основывается на возможности различия этих предметов и формирования системы связей. Место здесь является условием для любого различия. Второй тезис – о существовании – следует из первого. Различить одну вещь от другой – значит суметь её определить, то есть выявить её бытие из какой-либо системы отношений с другой

³ «...ведь как “ничто” не заключает в себе никаких различий, так и не существующее. Пустота представляется чем-то несуществующим и лишенностью, а перемещение по природе различно... Итак, или ни один [предмет] никуда не перемещается ..., или, если это происходит, нет пустоты». [Там же, с. 139].

вещью. И здесь уместно вспомнить, что Аристотель отрицает существование пустоты по причине её неразличимости. Следовательно, определить или утвердить существование чего-либо – это значит быть подлежащим различению. Соединив две характеристики, можно предполагать, чем может являться место в этой онтологии; местом называется условие бытия, в качестве которого выступает возможность различения чего-либо из некоторой системы отношений. С этой точки зрения место представляет некоторую ситуацию, в которой нечто может быть различено.

Итак, место как граница объемлющего тела может быть понято в качестве системы отношений, из которой проявляются качественные характеристики бытия вещи. Место является той возможностью спекулятивной игры, границей глубины (высоты) спекулятивной игры; выявления бытия вещи, её начал. Границу можно понимать здесь как то, с чего начинается бытие вещи. Подобная интерпретация позволяет разрешить (точнее, исключить) противоречие, которое присутствует в рассуждениях Аристотеля о месте. Так он сначала утверждает, что пространство отделимо от предмета [См.: там же: с. 126], но буквально через несколько страниц мы встречаем: «...место [существует] вместе с предметом, так как границы [существуют] вместе с тем, что они ограничивают» [там же: с. 132]. Допускать мысль, что основатель формальной логики допустил такую очевидную ошибку, наивно. По этой причине наша интерпретация восполняет некоторые пробелы, реконструкцию которых требует наше исследование.

3

На стыке темы отношения места и движения появляется проблема времени. Вернемся к уже рассмотренной нами проблеме пустоты. Пустота онтологически безразлична и не обладает количеством или качеством; она однородна и в этой однородности – самотождественна. В этом смысле именно пустота Аристотеля имеет большее сходство с пониманием пространства в философии, чем идея места. Движение является «антагонистом» пустоты и подлежит различию. Если пустота – это ноль, то движение, в свою очередь, – это множественность, количество, то есть число. Движение и место связаны в единую систему различия, которое может быть выражено в числовом отношении. В этой системе различие может быть установлено между движениями двух вещей посредством числа [См. там же: с. 141]. Здесь в систему место-движение вступает время. Время появляется в качестве меры различия, поскольку аккумулирует в себе эту идею числового отношения и является носителем идеи числа как множественности.

В контексте проблемы времени движение приобретает значение не только количественного, но еще и качественного изменения, мерой чего оно и выступает. Заметим также, что в рамках рассмотренной нами проблемы места и движения мы обнаружили несколько ключевых концептуальных элементов онтологии Аристотеля: возможность, граница, движение, начало, о которых речь будет идти и в отношении времени. Существенным уточнением здесь будет определения, которые дает этим

понятиям Аристотель в «Метафизике»⁴. Время как мера движения и изменения имеет уже не только значение перемещения, но также и любого качественного изменения, к числу которых относится рождение и умирание, например. Здесь движение имеет максимально широкий смысл, который имеет онтологическое основание в понятии возможности. Спекулятивная амплитуда понятия движения, как и других связанных понятий, основывается на имплицитной неопределенности его основания – понятия возможности. Строгость понятия возможности растворяется во множественности собственного значения, опирающегося на понятие начала. Стоит отметить, что определение начала имеет релятивный характер. Так начало определяется как причина изменения, развития или счета, в том числе и, в первую очередь, как первая мера – единое. Спекулятивное дерево метафизики «в» и «с» онтологии Аристотеля категориально ветвится и разрастается.

Спекулятивная игра прослеживается и в определении времени. Время – мера изменения. В этом смысле время в системе место-движение-время онтологически берет на себя функцию различия как такового, о чем уже было сказано выше. Во-вторых, время, выражающее различие имеет здесь также значение своеобразной трансценденции. Время всегда иное; оно является мерой движения и, как мера, однородна с измеряемым⁵ [см.: там же: с. 255], то есть выражает соотношение изменения вещей и явлений. Время – это безосновное различие, покидающее и возвращающееся к себе. Время – это мера, задача которой заключается в координации и соотношении движения в широком смысле слова внутри системы место-движение. В этой системе время как мера различия выступает в качестве трансценденции, то есть способности выходить за рамки одной системы отношений в другую, обеспечивая полноту понятия. Понятое таким образом, время как феномен здесь не имеет

⁴ «Способностью, или возможностью (*dynamis*), называется [1] начало движения или изменения вещи, находящееся в ином или в ней самой, поскольку она иное...[2] начало, откуда вещь приводится в движение иным или ею самой, поскольку она есть иное». [1, с. 162].

«Началом называется [1] то в вещи, откуда начинается движение, например у линии и у пути отсюда одно начало, а с противоположной стороны — другое» [там же: с. 145]; «...ибо все причины суть начала» [там же: с. 145]. «А существо единого — в том, что оно некоторым образом есть начало числа, ибо первая мера — это начало; ведь то, с помощью чего как первого познаем, — это первая мера каждого рода; значит, единое — это начало того, что может быть познано относительно каждого [рода]» [там же: с. 154-155].

«Мера есть то, чем познается количество; а количество как таковое познается или через единое, или через число, а всякое число — через единое, так что всякое количество как таковое познается через единое, и то первое, чем познаются количества, есть само единое; а потому единое есть начало числа как такового. Отсюда и во всех остальных областях мерой называется то первое, чем каждая вещь познается, и для каждого мерой служит единое — в длине, в ширине, в глубине, в тяжести, в скорости («тяжесть» и «скорость») одинаково применимы к противоположностям, ибо каждая из них имеет двойное значение; так, тяжесть приписывается и тому, что имеет хоть какой-либо вес, и тому, что имеет чрезвычайно большой вес, а скорость — и тому, что совершает хоть какое-либо движение, и тому, то что движется чрезвычайно быстро: ведь есть некоторая скорость и у того, что движется медленно, а тяжесть — у более легкого)» [там же: с. 253-254].

⁵ Время не является первой мерой, как единое, но является просто мерой чего-либо.

основания и не имеет собственного содержания как понятия, хотя обладает спекулятивной флуктуацией псевдопонятия⁶.

Заключение

Итак, мы рассмотрели противоречивые аспекты онтологии места и времени у Аристотеля. Опираясь на ход аргументации Аристотеля, мы реконструировали систему онтологических связей релевантных двум этим феноменам. Выявленные проблемы, к числу которых мы отнесли: концептуальную смежность определения места и времени через понятие «граница»; полисемия определения времени как меры; фактическую онтологическую функцию времени как различия; показали нам неоднозначность метафизического понимания времени у Аристотеля. Примененный нами принцип понимания отношения места и времени как отношения корреляционной пары, позволил дифференцировать, в каком смысле понимается общее для обоих понятие «границы». Так место в корреляционной паре имеет значение условия, которое позволяет выявить вид движения вещи, то есть является необходимым принципом построения онтологии предметности, где движение является признаком существования. В свою очередь, время здесь является границей в значении меры, то есть интенсивности разделения движения в видах качественного и количественного модусов, которая принимает форму числового отношения (отношения множественности).

Время является мерой движения, понимаемого уже не только, как перемещение объектов относительно друг друга, но и как степень качественного изменения чего-либо без перемещения, например, становление, рост, развитие. Заложённая в отношении перемещения сравнимость, наполняет содержанием понятие времени как меры, наряду с потенциальной интенсивностью – определением степени качественного изменения. Ввиду этих двух оттенков значения меры время выполняет онтологические функции различия и интенсивности. Образую с местом корреляционную пару, время как различие обладает, с одной стороны, очевидным значением – отличия видов движения, – но также имеет онтологическое значение, которое позволяет времени вносить различие между видами бытия, определяя меру существования и несуществования.

С этой онтологической ролью времени становится заметно его преобладающее значение в онтологии место-движение-время у Аристотеля. Способность различия является ключевой в плане определения места времени в данной онтологии, поскольку сближает время и бытие. Иными словами, «внести различие», «определить меру», значит определить единое бытие в его форме, индивидуальности, качественной и количественной особенности, уникальности, родо-видовой принадлежности – категоризировать бытие. Аристотель концептуально связывает меру с количеством и

⁶ Вопрос о темном феномене времени и его загадочном содержании был рассмотрен, например, М. Хайдеггером, посвятившим много интеллектуальных сил на герменевтическую процедуру выведения пространственности априористического перфекта мирности из временности [4, с. 367-369], от которой, впрочем, впоследствии отказался [5, с. 405].

числом, которые понимаются из единого – их основания. Аристотель не вносит онтологического барьера между единым бытием и множественностью его видов, что можно отнести к важному составляющему принципу онтологии, поскольку от него зависит значение, которое принимает трансценденция в связи с этим обстоятельством.

Время, внося различие, распределяет единое во множестве, не разрушая онтологической однородности единого бытия. В этом состоит уникальность самого времени для данной онтологии. Здесь время обозначает единое в его интенсивности по качеству и количеству, которое выступает во множественности его видов и форм. Благодаря такой функции времени, Аристотелю удастся сохранить онтологическую полноту единого и непротиворечивость в отношении между единым и множественным. Несмотря на понятийную противоположность, единое и множественное образуют общую онтологическую систему, обладающую спекулятивным характером. Спекулятивный характер такой системы заключается в том, что множественное представляет собой частный случай единого, в то время как единое есть начало множественного. Это преобразование одного и того же бытия в два вида, без внесения онтологического различия между ними. Между множественностью и единым происходит качественное различие, однако онтологическое основание в первоначальности единого бытия остается неизменным.

Для нашего вопроса о возможной онтологии времени из концепции места и движения у Аристотеля здесь важно заметить устойчивую связь между временем и различием. На основании вышеизложенного анализа, мы можем выделить некоторые специфические аспекты этого отношения между временем и различием, из которого формируется поле онтологических проблем такого объекта как время. Время и различие являются двумя объектами, которые получают онтологическое, концептуальное содержание только из этого отношения. Время выступает в качестве источника различия в широком онтологическом смысле: оно регулирует категоризацию бытия, начиная с абстрактного отношения единое-множественное; далее – в отношении место-движение время – пробегает по видам множественной предметности, определяя меру существования/несуществования, то есть формирует систему интенсивности; заканчивая формированием степеней различия в видах качественного изменения души. Различие здесь дифференцировано: оно пронизывает всю онтологию – от более фундаментальных уровней её организации (единое-множественное) до более простых (количество движения и покоя вещей). Являясь дифференцированным, различие всегда подчиняется одному и тому же принципу и остается онтологически целостным.

В свою очередь время приобретает значение за счет различия, которое оно фактически осуществляет. Эта функция выделяет время в отдельную автономную категорию объекта, способного трансформировать структуру онтологических связей внутри концепта. Это можно обнаружить из поведения онтологии в ситуации, когда Аристотель объявляет тезис о зависимости времени от души: «Если же ничему другому не присуща способность счета, кроме души и разума души, то без души не может существовать время, а разве [лишь] то, что есть как бы субстрат времени...» [2, с. 157]. Заметим, что Аристотель устанавливает необходимость отношения между

временем и душой для возможности определения движения, однако не устанавливает жесткого подчинения времени душе. Вопрос о существовании времени поднимается Аристотелем в связи с числом, то есть множественностью, которая может быть сосчитана, то есть различена и категоризована. Мы обнаруживаем время, когда обнаруживаем бытие и пытаемся его определить. Субъективизм времени здесь исчезает, если придерживаться аристотелевского определения времени как меры качественного и количественного движения. Трансформация онтологии здесь состоит в том, что время, сохраняя свою функцию различия, включает в онтологию еще один элемент равный себе по уровню онтологического влияния (душу), и даже попадает в определённую зависимость от неё. Таким образом, время обладает не только онтологическим значением, но и, выходящим за его пределы, концептуальным – структурообразующим для данной онтологии.

Учитывая обстоятельство, что метод исследования посредством корреляционных пар выявил спекулятивное определение трансценденции и её временное подчинение, можно заметить, что к еще одному специфическому аспекту времени можно отнести его трансцендентный характер и его двойное значение и возможность синтеза обоих этих значений. Одно из которых заключается в его онтологической роли различия, второе – отражает его возможность выходить за рамки онтологии, тем самым выявляя свое концептуальное значение по трансформации онтологии. Данное исследование раскрывает нам трудности времени в контексте проблемы души, что представляет интерес не только для онтологии, но и для проблемного поля философской антропологии. На этом наш спекулятивно-герменевтический анализ подошел к концу.

Список литературы

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Т. 1. – М.: Мысль, 1976. С. 63-369.
2. Аристотель. Физика / пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской // Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Т. 3. – М.: Мысль, 1981. С. 59-263.
3. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. с фр. Л. Медведевой. – Екб; М.: Кабинетный ученый, 2015. – 196 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихин. – СПб.: Наука, 2006. – 451 с.
5. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем., сост., вступит. ст., комм., указат. В.В. Бибихин. – М.: Республика, 1993. С. 391-407.
6. Хаксли О. О дивный новый мир: роман / пер. с англ. О. Сороки. – М: АСТ, 2021. – 351 с.
7. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании / пер. с англ. С.И. Церетели // Юм Д. Сочинения: в 2 т. / вступ. ст. А.Ф. Грязнова; прим. И.С. Нарского. Т. 1. – М.: Мысль, 1996. С. 61-327.

Varvara A. Oleinik

**PARADOXES OF THE METAPHYSICS OF SPACE (PLACE) AND TIME IN
ARISTOTLE**

The purpose of the article is to identify a specific range of problems of the existence of time. In the article, this topic is revealed through the application of the methodological course of K. Meyasu. In this regard, the research highlights the correlationist pair place-movement in the philosophy of Aristotle, from which the main ontological structure of this relationship is explicated. During the analysis of this relation, the metaphysical definition of place as the "boundaries of the enclosing body" is revealed and the paradoxes following from this definition that lead to the idea of time are considered. The problem of time is revealed in the context of the relationship time-place, time-movement. From the time-place relation, the problem of the adjacency of their definitions in Aristotle is analyzed through the concept of boundaries; their key difference is revealed. In turn, the value of time as a measure of movement is extracted from the time-motion ratio and analyzed. The speculative depth of the concept of time in Aristotle forms the horizon of many problems of the modern philosophy of time. Within the framework of this article, the following ontological problems of time were identified and considered: the problem of correlationism of the concept of time with the concept of space, the problem of the correlation of time and difference based on their ontological and conceptual meaning.

Keywords: time, place, movement, difference, correlationism, ontology, Meyasu, Aristotle.

References

1. Aristotle. *Metafizika [Metaphysics]*. Aristotle. *Sochineniya: v 4 t. [Works: in 4 vol.]*, Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1976. P. 63-369.
2. Aristotle. *Fizika [Physics]*, transl. from Ancient Greek by N.V. Braginskaya. Aristotle. *Sochineniya: v 4 t. [Works: in 4 vol.]*, Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ. 1981. P. 59-263.
3. Meillassoux K. *Posle konechnosti: Esse o neobxodimosti kontingentnosti [After the finiteness: An essay on the necessity of contingent]*, transl. from French by L. Medvedeva. Ekb; M.: Cabinet scientist, 2015. – 196 p.
4. Heidegger M. *Bytie i vremya [Being and time]*, transl. from Germ. V. V. Bibihin. St. Petersburg.: Nauka, 2006. – 451 p.
5. Heidegger M. *Vremya i bytie / M. Heidegger // Vremya i bytie: stat`i i vystupleniya [Time and Being. Time and Being: articles and speeches]*. transl. from Germ., compil., notes by V. V. Bibihin. Moscow, 1993 P. 391-407.

6. Huxley O. O divnyj novyj mir: roman [Brave New World], transl. from Eng. O. Soroka. Moscow: AST, 2021. – 351 p.
7. Hume D. Traktat o chelovecheskoj prirode. Kniga pervaya. O poznanii [A treatise on human nature. The first book. About cognition]. transl. from Eng. S.I. Cereteli. Hume D. Sochineniya: v 2 t. [Works: in 2 vol.], notes I.S. Narskii. Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ, 1996. P. 61-327.

Сведения об авторе

Олейник Варвара Андреевна – соискатель философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, магистр философских наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, г. Москва.

Email: varvara994@yandex.ru

Varvara A. Oleinik – Candidate of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University, Master of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Email: varvara994@yandex.ru

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ «ВЗГЛЯД НА МИР»: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕОГРАФИИ

Лю К., Тан М., Лю Ж., Цинь Я.¹

Перевод с английского Н. Сеитмамутова

Аннотация. Современная философия науки предполагает, что обсуждение онтологических проблем имеет в широком смысле фундаментальное значение в рамках конкретных дисциплин. Исследования в области естественных наук и общественных наук неотделимы от философского руководства; например, философия географии является идеологической основой географии. Традиционная философия географии ориентирована на методологию, которая в первую очередь подчеркивает «логическую структуру объяснений в географии», но игнорирует обсуждение ее онтологии. Данное исследование в контексте философии науки рассматривает отношения между методологией, онтологией и философией географии, определяет коннотации географической онтологии, анализирует связи и различия между философской онтологией и научной онтологией географии, проясняет природу географической онтологии, и обобщает его теоретическое значение. Онтология географии включает в себя философско-онтологические убеждения географов и географических школ, а также онтологическую приверженность теории географии. Поскольку разные географы придерживаются разных философских точек зрения, их онтологические убеждения различны; одна географическая теория утверждает онтологическую приверженность «тому, что есть», определяющая характер и типы целей, на которые указывает теория. Онтологические убеждения географов определяют их эпистемологию, методологию и аксиологию, а онтологическая приверженность географической теории является предпосылкой и основой этой теории.

Ключевые слова: география, философия науки, онтология, плюрализм, методология, теоретическая ценность

1. Введение

Термин «онтология» происходит из Древней Греции. Этимологически «онто» означает «бытие», «существование», а «логос» по-гречески означает «наука». Таким образом, онтология – это дисциплина, которая исследует «бытие» [15], а также наука,

¹ Перевод выполнен по изданию: Liu, K., Tang, M., Liu, R. *et al.* Geography's «World view»: The Ontological Issues of Geography // Journal of Geographical Sciences 2017 27 (12), pp. 1541–1555.

исследующая общую природу и законы бытия [61]. Ученые в области вычислительной техники и информации ввели философскую онтологию в свои собственные дисциплины и определяют ее как науку, которая исследует тип объекта, структуру, атрибуты, процессы и отношения во всех значимых областях [46]. Широкая философия науки определяет онтологию науки как «то, что существует в мире» в соответствии с теоретической идеей, которая широко принята современной наукой» [55]. Философы рассматривают онтологию как синоним метафизики [46]. Например, Хайдеггер [18] считает, что «все метафизические суждения являются онтологией или они ничто».

Современные исследования (социальной) философии науки показывают, что онтология является важной теоретической проблемой в философии науки и теоретических исследованиях в конкретных дисциплинах [5], и каждая эмпирическая наука требует определенных метафизических оснований [10, 11]. В связи с современным возрождением онтологии [60], онтологий экономики [37], политики [8, 47], истории [39], естественных наук (научный реализм) [55], математики [52], физики [14] и проч., данные области ныне широко и глубоко обсуждаются. Эти философские дискуссии способствуют теоретическому развитию соответствующих дисциплин. По сравнению с более широкой онтологией, которая является основным исследовательским содержанием философии, онтология, относящаяся к конкретной дисциплине, отражает основные убеждения и представления исследователя об объекте исследования.

Начиная с концепции современной географии сущность и методология этой науки обсуждались на протяжении всего ее развития [34]. Иммануил Кант одним из первых исследовал систему знаний и природу географии и предложил определять ее как «науку о пространстве». Именно эти философские идеи в некоторой степени сформировали методологию таких географов, как Хеттнер [19] и Хартшорн [16], и положили начало систематическим философским исследованиям географии. После 1920-х годов, когда философия науки, созрев, стала влиять на географию, возник спор между методологиями Хартшорна [16] и Шефера [45], который положил начало количественной революции, направленной на теоретизацию. После 1970-х годов появление и развитие гуманистической географии, радикальной географии и постмодернистской географии разнообразили философские и методологические исследования в соответствующей области знаний. Географы начали проявлять интерес к методологическим принципам различных философских школ в рамках географических исследований и к всестороннему обсуждению своих философских убеждений и онтологии [21]. С широким применением методов пространственного анализа в географии некоторые ученые начали понимать, что дискуссиями об онтологии географии несправедливо пренебрегали [22].

Систематические философские исследования географии в Китае восходят к «Философии географии», написанной Баем в Китайской Республике [36]. Однако в то время как отечественная² география добилась больших успехов после основания Китайской Народной Республики, философские исследования и теоретические исследования высокого уровня в области географии постоянно отставали в

академических кругах [6; 57]. Бай [2] приписал источник этого пренебрежения философской бедности географии. Такие ученые, как Цай и Вы активизировали обсуждение и обновление географической методологии [50; 59], а также философские и теоретические исследования в области географии [29; 59]. Некоторые исследователи участвовали в обсуждении географической методологии, где был достигнут определенный прогресс [7; 51]. При этом философские исследования в области географии в целом все еще отстают, и изучение онтологии географии по-прежнему не воспринимается серьезно. Отсутствие интереса напрямую связано с историческим развитием онтологии; вместе с тем оно также отражает слабое развитие географической философии в Китае. В силу того, что онтология служит необходимым предусловием эпистемологии и методологии, обсуждение онтологии географии имеет первостепенное значение. Цель этой работы состоит в том, чтобы обсудить определение, коннотацию и природу онтологии географии и ее взаимосвязь с методологией, с позиции философии науки. Кроме того, в ней кратко излагается ценность и практическая значимость исследований в области онтологии для теоретического и философского развития географии.

2. Значение методологии и онтологии географии.

Научное и философское сообщество придерживаются сходных взглядов на то, что научное исследование требует философского руководства, размышления и определенной метафизической основы [12]. Физик Макс Планк [41] отметил, что «общая философская мысль исследователей будет оказывать определяющее влияние на их научно-исследовательскую работу от начала и до конца». Философ Витгенштейн [54] подчеркивал, что основная цель философии – прояснить мысль логически и дать ее определение. Географы также осознают роль философии в их науке. Например, Хилл [20] отметил, что «все исследования руководствуются философскими убеждениями, которые влияют на выбор темы и метода исследования..., так что философские вопросы пронизывают все аспекты географических исследований». Анукин [1] выдвинул гипотезу о том, что «теория географии была так или иначе связана с философией во все времена и во всех странах».

Географическая методология всегда является основной проблемой в философии географии. В истории этой науки имело место несколько значительных дискуссий, которые способствовали обновлению географической мысли и обогатили географическую философию. Разные ученые обсуждали значение методологии в географии с разных точек зрения. Например, Шефер [45] выдвинул гипотезу о том, что «методология имеет дело с положением и масштабом области исследования в общей системе наук, а также с характером и природой ее концепций», а Хеттнер [19] указал, что «научное исследование методологии важнее выработки её определений». Однако были предложены различные гипотезы в отношении смысла методологии. Джонстон [21] предположил, что методология – это «набор правил и процедур, указывающих, как

² отечественная география – имеется ввиду отечественная китайская география (Прим.перев.)

проводятся исследования и строится аргументация в той или иной дисциплине», в то время как Цай и др. (2011) предположили, что методология – это сциентизация метода.

Географические исследования требуют как методологии, так и законченной философской концепции. Харви [17] предположил, что «логически последовательный выбор методологии сам по себе не может решить географические проблемы – для этого требуется нечто большее». «Нечто большее» означает соответствующую географическую философию. Если заранее не принято философское решение для определенного объекта исследования, невозможно также выбрать лучшее методологическое решение. Здесь «философское решение» для «определенного объекта исследования» подразумевает определенную онтологию.

Джонстон [21] выдвинул гипотезу о том, что «каждая дисциплинарная философия содержит и эпистемологию, и онтологию..., которые используются для определения методологии». Китчин и Тейт [23] вместо этого определили методологию как «набор правил и процедур для исследования определенного явления (с учетом эпистемологии и онтологии в рамках этой структуры)», в то время как онтология – это «ряд конкретных предположений, поддерживающих теоретическую и идеологическую систему». Обсуждая методологию географической науки, Цянь Сюэсэнь требовал соблюдения логического принципа объединения общей онтологии и методологии [48].

Таким образом, методология – это один из аспектов исследования в области географической философии. Последняя одновременно исследует методологию и рассматривает онтологию. Эти действия соответствуют логической согласованности и внутреннему условию совершенствования и развития географической философии. После основания Китайской Народной Республики географическая философия в Китае обсуждалась в рамках эпистемологии и методологии, что привело некоторых ученых к неправильному пониманию географической философии как эпистемологии и методологии в узком смысле; это запутало взаимосвязь между философией географии, эпистемологией и методологией, излишне заузив понимание географической философии учеными. Это, по-видимому, ограничивало обновление географической теории до границ эпистемологии и методологии, а также вело к пренебрежению тем фактом, что источником географической идеологической трансформации является революция во «взгляде на мир» и онтологии географа. Таким образом, изучение онтологии географии полезно для ученых, если они желают глубже понимать географическую философию, систематически развивать ее и отыскивать новые пути и аспекты теоретического развития географии.

3. Философско-логические основы исследования онтологии географии

3.1 Возрождение онтологии и пробелы в исследованиях

Онтология когда-то была ядром традиционной западной философии. Современная западная философия началась с осознания противоположности мышления и бытия. Люди не могут правильно воспринимать онтологию мира с позиции противопоставления субъекта и объекта. В связи с эпистемологической

направленностью современных философских исследований традиционная онтология постепенно исчезает. Логический позитивизм делит суждения на эмпирические и метафизические и, оценивая последние по эмпирическому лекалу, полагает, что их невозможно проверить или фальсифицировать, и в итоге отвергает все метафизические и онтологические суждения, как бессмысленные. В результате этого онтологические исследования пришли в упадок.

Уиллард Ван Орман Куайн возродил изучение проблем, свойственных онтологии [57], а критика «двух доктрин» логического эмпиризма изменила его теоретическую основу. Куайн заявил о том, что базовая онтология может быть просто сведена к «тому, что есть», и что онтология необходима для формулирования теоретических утверждений и создания системы знаний [42]. Мартин Хайдеггер предположил, что философия должна сначала обратиться к истине самого бытия, отличая бытие от сущего [64]. С помощью этих предложений онтология может восстановить свой заслуженный статус. По сравнению с традиционной онтологией, стремящейся к поиску происхождения и первопричин, в современной онтологии подчеркивается относительность, субъективность и конструктивность её построений. В эпоху постлогического позитивизма философии науки «теория парадигмы» Куна [24], «исследовательская традиция» Лаудана [27], «исследовательская программа» Лакатоса [25] и «научная реалистическая теория» Бунге [3] признают фундаментальную и обязательную роль онтологии в научной теории. Тимоти Уильямсон продемонстрировал неизбежность онтологии [33]. Онтология Мартина Хайдеггера выдвигает гипотезу о том, что научная практика опирается на трансцендентальное понимание физического «бытия» в этой области, которое определяет методологию и концептуализацию науки [44]. Ученые обнаружили, что наука основывается на определенной метафизике [41; 31], и научные объяснения, требующие онтологической приверженности, стали консенсусом, поддерживаемым большинством ученых [56].

Традиционная философия географии фокусируется в основном на методологии, или диапазон исследований обычно ограничивается методологией и эпистемологией, и, таким образом, обсуждаемые вопросы часто ограничены рамками «логической структуры географического объяснения» или подчеркивают онтологию философии [21, 22]. В онтологии географии не хватает детализации, что является общей проблемой в Китае, по ряду причин. Во-первых, наблюдается отсутствие интереса к философским исследованиям географии. Во-вторых, эмпиризм и позитивизм всегда доминировали в географических исследованиях [50]. Последний заметный момент – это вычислительный подход в географии. Когда люди моделируют и прогнозируют географическую систему, используя компьютер, клеточный автомат³, многоагентные системы⁴ и связанные с ними технологии, эти исследования ведутся без анализа предпосылок, природы и следствий, с точки зрения онтологии, что в целом отражает отсутствие исследований по онтологии географии.

В географической дисциплине онтология не привлекла внимания общественности, редки исследования, обсуждающие современные

³ Клеточный автомат – дискретная динамическая система, представляющая собой совокупность одинаковых клеток, одинаковым образом соединенных между собой (Прим. перев.).

⁴ Многоагентные системы – то система, образованная несколькими взаимодействующими интеллектуальными агентами (Прим. перев.).

географические теоретические и философские проблемы с онтологической позиции. Некоторые географы указали на отсутствие онтологических дискуссий в научной печати. Например, Джонстон [22] утверждал, что «эпистемология пространственного анализа является важным вопросом. Однако, по сравнению с условием, что большинство людей применяют статистические методы после волны количественной революции, почти никто не обсуждает эпистемологию и онтологию подробно».

3.2 Философско-логический базис исследования онтологии географии

Философия – это систематическое и теоретическое мировоззрение и методология, а онтология – это, по сути, мировоззрение [62; 65]. Философская онтология исследует универсальное бытие, в то время как онтология науки исследует конкретное бытие в определенной области. Следовательно, их отношения находятся между общим и частным, и онтология философии направляет онтологию науки [49]. Чтобы исследовать неизвестные природные или социальные объекты, наука должна сначала определить онтологическую предпосылку для внешнего мира [56]. При исследовании объекта и содержания конкретной науки предполагаются диапазон, тип, способ существования и природа объекта исследования, а также их взаимосвязи, и устанавливается онтология исследователей. Например, при повторном изучении географического вопроса о «крестьянском хозяйстве» в географии признается существование понятие «крестьянского хозяйства». Затем предполагаются природа и тип, которые являются специфическими географическими онтологическими предпосылками.

Современные философы науки предложили теории, включающие онтологию. Например, «смена парадигмы», предложенная Томасом Куном, в основном состоит из трех частей, а именно: онтологии, методологии и аксиологии; первопричина заключается в фундаментальном изменении мировоззрения и онтологии научного сообщества [26]; «исследовательская традиция», предложенная Лауданом [27], состоит из онтологии и методологии [38]: «Исследовательская традиция – это “что делать” и “чего не делать” из набора онтологии и методологии». В «теоретически нагруженных наблюдениях» Хансона [13] также указывается, что наблюдение зависит от теории, а теоретическая основа и определение объекта наблюдения являются онтологической предпосылкой наблюдателя [35]. В кругах географических исследователей Харви [17] выдвинул гипотезу о том, что мировоззрение и философские убеждения являются решающими для географических исследований: «Ключевой момент нашей текущей цели – указать, что такая философия зависит от убеждений... Однако мы не можем проводить анализ без его обоснования... Следовательно, философские убеждения или сущность географии являются решающими для включения в материальную географическую работу». Анукин [1] выдвинул гипотезу о том, что «теоретические концепции географов отражают взгляды определенных философов». Кроме того, Джонстон [22] предположил, что «использование методологии позволяет накапливать дисциплинарный запас знаний,

результаты работы, направленные на понимание конкретной темы, и которые принимаются как действительные, потому что они были собраны в рамках критериев эпистемологии и онтологии, которые являются частью соответствующей философии».

Парадигма любой естественной и социальной науки имеет последовательные принципы и располагается на онтологическом уровне. Эти фундаментальные и трансцендентальные онтологические предпосылки для «того, что есть» в конкретной области, фундаментально ограничивают и определяют выбор соответствующей методологии и парадигмы. Кроме того, они обеспечивают основу для повторного изучения соответствующих конкретных вопросов. Онтология составляет ключевые компоненты метафизики. Таким образом, метафизика отличается от конкретной науки, которая решает соответствующие уникальные проблемы и выступает за снятие ограничений с индивидуального опыта. В современных научных исследованиях философские и научные исследования влияют друг на друга. С дальнейшим расширением области исследований и требований к теоретическим разработкам рациональное онтологическое решение становится базовой предпосылкой для решения других проблем. Подобно другим наукам, географические исследования проводятся под руководством определенной философской структуры, в которой онтология является предпосылкой и обладает фундаментальным статусом. Онтология географии – это «взгляд на мир», который предполагает как существование, так и способ существования, которые служат метафизической основой географии.

В научных философских и географических исследовательских кругах признается, что онтология и мировоззрение являются основными факторами в научных исследованиях. География изучает неизвестный географический мир, и основная концепция географов о «том, что существует» в этом географическом мире, отражает онтологическую предпосылку внешнего географического мира. Без объяснения этой основной предпосылки выбор любого географического исследования и методологии будет демонстрировать слепое поведение без оснований и логических предпосылок. Метафизические интерпретации и анализы очень распространены в географических исследованиях. Философы, географы и ученые-географы часто используют различные метафизические факты при критике, оценке, поддержке и интерпретации географической практики. Имея онтологическую предпосылку для методологии и всей своей философской основы, география требует онтологического изучения и осмысления, отличных от методологических изменений.

4. Смысл и природа онтологии географии

4.1 Два уровня смысла в онтологии географии

Философская онтология – это «теория и исследование основной природы всех реальностей» [60]. Философия науки интернализует исследование того, «что такое объектный мир» для определенных дисциплин, т.е. «какова его природа». Согласно Куайну [43], основная онтологическая проблема может быть сведена к вопросу «что есть (что существует)?» и его природе. Следовательно, онтология географии обращается к вопросу: «Что есть в географическом мире?» Различные ответы на этот вопрос отражают различные онтологические убеждения географов и географических

теорий. Например, географы (такие как Ратцель), выступающие за социально-биологическую онтологию (социальный дарвинизм), выдвигают гипотезу о том, что «государство – это биологический организм», который подобен организму или биологической органической форме организации и поведение которого соответствует биологическим правилам. Географы, выступающие за онтологию механизма, выдвигают гипотезу о том, что «географический мир – это машина», а отношения между объектами в географическом мире механически детерминированы. Географы, выступающие за онтологию вычислительного подхода, выдвигают гипотезу о том, что «географический мир – это компьютер», и рассматривают географическую систему как клеточный автомат.

Для географов онтология географии отражается в их основных убеждениях относительно географического мира и в их базовом определении географического существования. Это предполагает объект, диапазон, содержание, природу и характеристики географического мира. Например, каковы элементы географического мира? Являются ли они материальными или духовными? Какие географические объекты они включают? Как они сочетаются? Какие принципы управляют их функциями и изменениями? Какова природа географической причинно-следственной связи? Верен ли детерминизм географической среды? Какова взаимосвязь между географическими элементами? Как развивался и развивался ли вообще географический мир? В первую очередь онтология географии отражает мировоззрение географов, то есть их общие мнения и концепции, которые можно назвать географическим миром географов. То есть географический мир – это часть мира, которая имеет свой собственный диапазон и отличается от других миров. История географической мысли говорит нам, что диапазон и содержание географического мира для разных географов неопределенны, постоянно меняются по мере развития дисциплины.

Какие виды других биологических, физических и социальных существ предполагаются как существа географического мира? Какие зависимые отношения существуют между географическими явлениями в географическом мире, т.е. детерминированные, недетерминированные, простые линейные или сложные нелинейные? Существование строгого географического закона в географическом мире также является важным онтологическим вопросом. Является ли географический объект «местоположением» [4], «ландшафтом» [53], «региональными различиями» [16] или «ареальной системой взаимоотношений человека и земли»? Это онтологическая предпосылка и подразумевает определенные трансцендентальные утверждения о природе объекта. Содержание, диапазон и природа географического объекта определяются онтологическими ориентирами географа. Набор таких онтологических ориентиров имеет системный мировоззренческий характер, который определяет, как отбираются объекты, относящиеся к географии, из этого мира. Более того, это мировоззрение задает основные характеристики и природу географического бытия. Такие онтологические ориентиры географов играют фундаментальную роль – более фундаментальную, чем другие факторы в системе их убеждений. Более того, как только они получены, их трудно исправить. Между тем они получены через

предположение, а не посредством логического вывода. Когда географ сталкивается с конкретной проблемой, такое философское убеждение преобразуется в предпосылку конкретной географической проблемы, а именно: «каков объект исследования (что существует)?». Кроме того, согласно онтологическому аргументу Куайна, теоретически «вопрос об онтологических ориентирах теории – это вопрос о том, что, согласно этой теории, существует» [42]. Следовательно, онтология географии – это «вопрос о том, что является объектом определенной географической теории или какие географические объекты существуют в соответствии с определенной географической теорией».

Таким образом, смысловая структура онтологии географии должна включать, по крайней мере, два аспекта. Первый – это философско-онтологические убеждения географа или географической школы. Философская онтология исследует всеобщее бытие, его сущность и законы. Разные географы и географические школы имеют разное мировоззрение и онтологические убеждения. Второй аспект – это онтологическая предпосылка географической теории. А именно, какое географическое бытие предполагает эта теория (какие реалии)? Какова их природа? Какова взаимосвязь между элементами? Как они эволюционируют и развиваются? Первая – это философская онтология географии, а вторая – научная онтология географии. Более того, философская онтология традиционно рассматривается как имеющая приоритет над научной онтологией, с точки зрения логики и эпистемологии [63]. Основанная на базовой перспективе философской онтологии, научная онтология географии является ключевым предположением географической теории.

Философская онтология географии отражает основную концепцию и философскую точку зрения географа и географической школы на бытие. Например, онтология эмпиризма заключается в том, что «вещи, которые мы переживаем в опыте, – это вещи, которые существуют», онтология гуманизма заключается в том, что «то, что существует, – это то, что люди воспринимают как существующее» [21]. Считая, что дух является источником мира, онтология идеализма заключается в том, что «быть – значит быть воспринятым». Напротив, считая, что источником мира являются материальные объекты, онтология материализма заключается в том, что дух является «объективным отражением материального». Онтологической предпосылкой географической теории является то, какие географические сущности предполагаются этой теорией? Какова их природа? Какова взаимосвязь между географическими элементами? Как они развиваются и развиваются? Основная концептуальная структура этой теории отражена в ее форме.

Первый аспект может быть сформулирован в общей форме: «Каковы онтологические и мировоззренческие убеждения географической школы или географа?» или «Какие онтологические убеждения есть у ‘гуманистической географии?’» Последнее можно резюмировать следующим образом: «что предполагает географическая теория Т для Р?» В частности, «классическая теория местоположения сельского хозяйства» в экономической географии предполагает, что влияние одного фактора определяет местоположение использования сельскохозяйственных земель, а его основная концептуальная структура –

«сельскохозяйственное местоположение, единственный фактор расстояния, детерминизма и изолированного состояния, а также постоянных условий». Для сравнения, «современная теория сельскохозяйственного местоположения» предполагает, что такие факторы, как технология, природа, общество, экономика и поведение, определяют сельскохозяйственное местоположение, и ее основная концептуальная структура – «решение о сельскохозяйственном местоположении», «природный, социальный, экономический, технический и поведенческий многофакторный, неполный детерминизм и региональные различия».

4.2 Диверсификация, относительность и открытость онтологии географии

Различные онтологические варианты выбора для разных географов отражают их различные мировоззренческие представления о географическом мире и их онтологические предпосылки при исследовании конкретных географических проблем и теории. В частности, этот выбор будет включать тип объектов и объектов, которые географы предполагают для конкретных областей или проблем – их природу, структуру, процесс и взаимосвязь, а также теорию и модельную основу, используемые для анализа проблем, которые являются логической отправной точкой исследования для географа. Разные географы и географические школы философски придерживаются разных онтологических концепций. Более того, они придерживаются различных онтологических ориентиров на уровне географической теории, что отражается в их разнообразии.

Когда возникают и решаются конкретные географические проблемы, различные ответы на онтологический вопрос «что существует» отражают использование разных теоретических рамок, концептуальных систем, путей познания и выбор различных методов и процедур. В отношении этой проблемы Джонстон [21] утверждал, что «наука – это стремление к систематическому и формализованному знанию, и как таковая она не ограничивается какой-либо конкретной эпистемологией». Например, философской основой позитивистской географии является логический позитивизм, который отвергает онтологическую проблему, или, другими словами, он придерживается мнения, что «приемлемыми доказательствами являются только те вещи, которые можно непосредственно наблюдать» [21]. Он выдвигает гипотезу о том, что существование определенного географического явления влечет за собой существование определенных опытных переживаний, которые требуют доказательств, подтверждающих их существование; логический позитивист – это реалист определенных опытных переживаний. Гуманистическая география философски основана на феноменологии, которая требует, чтобы явление было отправной точкой всех онтологий, «видимость» – это «реальность», субъект и объект едины в восприятии явления, и люди воспринимают существование определенных географических явлений.

С развитием науки и практики изменился и взгляд общества на мир. Онтология также прошла через современную «спиритуальную онтологию» (такую, как у Гегеля) и «материальную онтологию» (такую, как у Маркса), отказ от онтологии современным логическим позитивизмом, перестройку онтологии Куайном и его коллегами,

феноменологическую онтологию с «феноменом» и «реальностью». История онтологии показывает, что онтология относительна, открыта и развивается. Следовательно, онтология географов также должна быть относительной, открытой и развивающейся. В истории географической мысли различные точки зрения на взаимоотношения человека и земли, географическое мировоззрение и природу географических объектов являются основными выражениями онтологических различий.

4.3 Предпосылки, фундаментализм и ограничения онтологии географии

Философская онтология – это основа философии. Если бы онтология была корнем большого дерева, то философию, эпистемологию, аксиологию можно было бы рассматривать как ветви этого дерева [32]. Онтология определяет эпистемологию, является ее предпосылкой, ограничивает и направляет ее направление и метод. Направление и различие путей эпистемологии являются признаком онтологического различия [62]. Поскольку методология и онтология едины, метод является средством достижения реальности. Методология – это способы решения проблем, основанные на определенном мировоззрении или в соответствии с онтологическими принципами. Следовательно, онтология определяет ответы на методологические и эпистемологические вопросы, определяя выбор метода исследования [9].

Любая научная теория и мысль требуют определенного онтологического основания, а именно основы, принципа и логической отправной точки, составляющих эту теорию и мысль. Как сказал Куайн [43], «онтология человека является основой концептуальной схемы, с помощью которой он интерпретирует все переживания, даже самые банальные» и «наша онтология определяется, как только мы фокусируемся на общей концептуальной схеме, которая должна соответствовать науке в самом широком смысле». Более конкретно, все научные теории придерживаются определенных онтологических точек зрения и подразумевают отрицание или признание онтологической предпосылки «что-то существует». Как утверждал Пит [40], «так называемая теория означает повествовательную систему, которая имеет эпистемологическое суждение, онтологическое определение и демонстрацию особого опыта, устанавливает определенный концептуальный диапазон». Каждая независимая наука имеет свой собственный особый объект исследования, а его понимание и определение являются базовыми онтологическими вопросами, которые определяют базовое мировоззрение и стандартизируют категорию объекта исследования. Следовательно, конкретное построение онтологии географии определяет отправную точку соответствующей географической теории, соответствующую методологию, логическую структуру и теоретическую форму. Для географов онтология является основным содержанием их мировоззрения, которое также является базовым суждением и предпосылкой объекта географического исследования и играет фундаментальную направляющую роль благодаря своему внутреннему единству с методологией.

Рациональный ответ на вопрос об онтологии географии является предпосылкой и решающим фактором в отношении теоретического развития географии. Географическая мысль, интерпретация, теория и методология содержат определенные

онтологические допущения. Более того, эпистемология и методология не могут быть философски и логически отделены от онтологической предпосылки. Не существует эпистемологий или методологий с нейтральными онтологиями.

5. Теоретическая ценность онтологии географии

Для географической интерпретации, теоретического развития и решения конкретных проблем ценность онтологии заключается в ответе на следующие вопросы: Какова философская онтология определенного географического мышления? Каковы онтологические предпосылки определенной географической теории? Как такие предпосылки ограничены и определяются научно-мировоззренческими убеждениями географов? Рациональны ли эти предположения? Как мы можем проверить и оценить их? Существуют ли определенные географические явления? Ответы на эти вопросы являются основной отправной точкой для теоретических и практических прикладных исследований в области географии, которые отражают основные идеи, касающиеся объекта исследования географов.

5.1 Анализ онтологии географии

Во время географических исследований онтология является ведущей идеей и предпосылкой географов относительно объекта исследования. Чтобы интерпретировать объективный географический мир, географы должны определенно или неявно предполагать онтологический ответ на фундаментальный вопрос «что существует в географическом мире?». Такое предположение очень распространено и, в сущности, необходимо для географов. Для определенной географической теории и мышления онтология является предпосылкой и основой для того, чтобы высказать свою точку зрения. Без такой предпосылки невозможно провести базовый теоретический анализ и логические рассуждения. Поэтому для анализа основной идеи в географической теории и школе онтологический анализ является очень полезным методом. С помощью такого анализа мы можем овладеть основной идеей, предпосылкой и идеологической коннотацией географической теории и соответствующей мысли в рамках научной школы. Кроме того, мы можем раскрыть его рациональные и нерациональные места, а также подход и меры по теоретическому совершенствованию этой науки. Географическая интерпретация должна строиться на основе предпосылок географической реальности для географов. Анализ этих предпосылок может помочь нам выбрать рациональные географические теории для интерпретации и анализа, делая теоретическую и интерпретационную онтологическую предпосылку согласованной. Для конкретных задач ценность анализа географической онтологии заключается в определении границ для конкретных географических задач и обеспечении основы для используемой географической теории и модели. Объективный географический мир меняется и развивается, что требует от нас анализа онтологических характеристик объекта исследования при изучении географических проблем. Мы должны стремиться к тому, чтобы теоретические предпосылки и предпосылки анализа соответствовали объективной реальности, что приведет нас к более научным и разумным предположениям и интерпретациям. Основные методы

онтологического анализа включают языковой анализ, концептуальный анализ и исторический анализ.

5.2 Самоанализ в онтологии географии

Когда географы проводят географические исследования, самоанализ в онтологии – это онтологическое исследование, самоанализ и размышление над используемой географической мыслью, теорией, моделью и методом. Как правило, этот самостоятельный отбор производится на основе предположений о географических фактах и основных компонентах их базового академического образования. Метафизические убеждения географов, научные онтологические представления о географии и онтологические предпосылки географических проблем очень важны и непосредственно влияют на результаты их интерпретации. Пренебрежение онтологической проблемой географии и подчеркивание значимости методологии приводит к недостаточному вниманию к онтологическим предпосылкам, сформулированным для исследования и интерпретации географических проблем. Определенные отклонения от базовых определений конкретной географической проблемы, суждения о практической природе и взаимосвязях географического объекта, не соответствующие объективному миру, или используемые теория и модель, не соответствующие реальности, – все это может быть результатом пренебрежения онтологией.

Онтологический самоанализ географии также включает в себя философскую и научную онтологию. Самоанализ первой отражает самоанализ философской точки зрения, которую мы используем. Для сравнения, самоанализ онтологии науки отражает используемую теорию, модель и предпосылку проблемы. Например, является ли наша философская точка зрения идеалистической или материалистической? Является ли это механическим детерминизмом или используется сложное системное мировоззрение? Эти вопросы относятся к предыдущему самоанализу философии. Существуют ли определенные географические явления? Уместно ли использовать эту модель? Подходит ли используемая теория для конкретного географического явления? Эти вопросы относятся к последнему самоанализу науки. Предположения имеют определенный онтологический статус, который является базовым суждением о географических объектах. Такое суждение влияет на основной результат анализа. Суть географической модели заключается в том, что она имеет теоретический онтологический статус, который суммирует существенные отношения между географическими объектами.

5.3 Критика в онтологии географии

В философском контексте на значение критики оказал влияние Иммануил Кант. Критика обычно определяется как рефлексивная проверка эффективности и ограниченности человеческих возможностей или ряда философских положений. В философии онтологическая критика часто представляет собой рефлексивную проверку предпосылки онтологической рациональности для других основ философской мысли,

которая представляет собой спекулятивное применение критического мышления. Что касается значения философской критики, то онтологическая критика географии представляет собой систематическое исследование, представляющее собой общий обзор философской основы и теоретической основы определенных убеждений. Критика в этом контексте направлена на то, чтобы понять эффективность, ограничения и применимость географии.

Онтологическая критика географии – это основной подход к рефлексивному пониманию и предварительному применению различных географических идей, основных концепций и различных теоретических предпосылок и допущений. В научно-географических кругах Китая всегда наблюдался относительный недостаток критического мужества, духа и практики, что приводит к отсутствию критического мышления в отношении отечественных исследований географической мысли и теории, а также к недостаточному диалогу [50]. Эта ситуация неблагоприятна для дальнейшего развития теории. Конструктивная критика теории и мышления требует онтологической критики, которая благоприятна для здорового развития академических споров и создания здоровой академической среды для академических инноваций, что приведет к развитию и продвижению новых идей и теорий.

6. Выводы

Географическая философия – это философское отражение и обобщение географии. Подобно другим естественным и социальным наукам, философские исследования в географии включают в себя онтологические вопросы. Онтология географии – это ее «взгляд на мир», который предполагает существование в географическом мире, способ существования и взаимодействие. Постановка и рассмотрение онтологических вопросов в географии имеет важное значение для философских и теоретических исследований. Развитие географической теории и практики, а также обновление географической методологии невозможны без инноваций в философской мысли и прорыва в онтологических и эпистемологических областях. Предпосылка и фундаментальный статус онтологических вопросов для философии и теории географии имеют определенные предусловия. Мы должны занимать онтологически осмотрительную позицию при решении конкретных географических проблем, проявлять восприимчивость и экспериментальный подход, занимаясь географической теорией, и обеспечивать открытие перспектив для решения философских проблем. Обновление современной географической теории, концепций и методологии также требуют систематического мышления в свете онтологии. Разработки в области географической философии являются источником и движущей силой теоретического прогресса географических дисциплин. Географическая философия остается слабым звеном в фундаментальных географических исследованиях. В современной географии исследование философских проблем географии с онтологической позиции делает возможным как систематические наблюдения, так и новые направления исследований. Это полезно для установления правильной онтологической предпосылки и методологических изменений при

исследовании конкретных географических проблем, а также для обогащения философских концепций в географии и повышения философского сознания географов.

Список использованной литературы

1. Anujin B A, 1994. The Theoretical Problems of Geography. Beijing: The Commercial Press, 83–84. (in Chinese)
2. Bai G, 1995. The philosophical predicament in the development of geography. *Acta Geographica Sinica*, 50(3): 279–287. (in Chinese)
3. Bunge M, 2001. Scientific Realism: Selected Essays of Mario Bunge. Martin M ed. New York: Prometheus Books.
4. Bunge W, 1991. Theoretical Geography. Sweden: The Royal University of Lund, 231–232.
5. Burian R M, Trout J D, 1995. Ontological progress in science. *Canadian Journal of Philosophy*, 25(2): 1–17.
6. Cai Y, 1992. Preliminary views on some problems in the study philosophy of geography. *Human Geography*, 7(4): 1–5. (in Chinese)
7. Cai Y, Ye C, Chen Y *et al.*, 2011. Methodology of Geography. Beijing: Science Press. (in Chinese)
8. Chatterjee A, 2011. Ontology, epistemology and multimethod research in political science. *Philosophy of the Social Sciences*, 43(1): 73–99.
9. Cuba E G, Lincoln Y S, 1994. Competing paradigms in qualitative research. In: Handbook of Qualitative Research. Thousand Oaks: Sage Publications, 105–117.
10. Dilworth C, 1996. The Metaphysics of Science. London: Kluwer Academic.
11. Esfeld M, 2006. The impact of science on metaphysics and its limits. *Abstracta*, 2(2): 86–101.
12. Fry I, 2012. Is science metaphysically neutral? *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*, 43(3): 665–673.
13. Hanson N R, 1958. Patterns of Discovery: An Inquiry into the Conceptual Foundations of Science. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Harre R, 1997. Is there a basic ontology for the physical sciences? *Dialectica: International Journal of Philosophy*, 51(1): 17–34.
15. Hartshorne R, 1958. The concept of geography as a science of space, from Kant and Humboldt to Hettner. *Annals of the Association of American Geographers*, 48(2): 97–108.
16. Hartshorne R, 1959. Perspective on the Nature of Geography. Chicago: Rand McNally & Company, 6–7.
17. Harvey D, 1996. Explanation in Geography. Beijing: The Commercial Press. (in Chinese)
18. Heidegger M 1996. The Selected Works of Heidegger. Shanghai: Joint Publishing Company, 764–765. (in Chinese)
19. Hettner A, 1927. Die geographie: Ihre geschichte ihe wesen und ihre methoden. Breslau: Ferdinand HIRT, 131–132.

20. Hill M R, 1981. Positivism: A 'hidden' philosophy in geography. In: Themes in Geographic Thought. London: Croom Helm, 38–60.
21. Johnston R J, 1986. Philosophy and Human Geography. Baltimore: Edward Arnold.
22. Johnston R J, 2003. Order in space: Geography as a discipline in distance. In: A Century of British Geography. Oxford: Oxford University Press, 303–345.
23. Kitchin R, Tate N J, 2000. Conducting Research into Human Geography: Theory, Methodology and Practice. London: Pearson Education, 7–8.
24. Kuhn S T, 1996. The Structure of Scientific Revolution. Chicago: University of Chicago Press.
25. Lakatos I, 1978. The Methodology of Scientific Research Programmes. Cambridge: Cambridge University Press.
26. Laudan L, 1984. Science and Values. Berkeley: University of California Press, 68–69.
27. Laudan L, 1991. Progress and Its Problem. Shanghai: Shanghai Translation Publishing House, 80–81. (in Chinese)
28. Lawson T, 2015. A conception of ontology. In: Social Ontology and Modern Economics. London: Routledge, 19–52.
29. Li J, 2003. Geography call for new theory. *Geography Teaching Reference of Middle School*, 25(4): 5–6. (in Chinese)
30. Li S, Wang Y, Cai Y, 2010. The paradigm transformation of geography from the perspective of complexity sciences. *Acta Geographica Sinica*, 65(12): 1315–1324. (in Chinese)
31. Li X, 2008. The metaphysical foundation of science: Science presuppositions. *Academics in China*, 23(2): 15–34. (in Chinese)
32. Liu J, 1996. Philosophy and ontology. *Journal of Beijing Normal University (Social Science Edition)*, 57(6): 11–19. (in Chinese)
33. Liu J, 2016. On Williamson's necessitism. *Studies in Dialectics of Nature*, 32(2): 19–23. (in Chinese)
34. Liu K, 2013. On the issues of ontology of geography. *Studies in Dialectics of Nature*, 29(10): 111–117. (in Chinese)
35. Lund M, Chang H, 2011. N R Hanson: observation, discovery, and scientific change. *ISIS*, 102(3): 593–595.
36. Ma L, Fang X, 2010. Bai Meichu's ideas on geography expressed in his geographical philosophy. *Studies in the History of Natural Sciences*, 29(2): 177–184. (in Chinese)
37. Mäki U, 2001. The Economic World View: Studies in the Ontology of Economics. Cambridge: Cambridge University Press.
38. Meng J, 1989. On the theory of value of science of Larry Laudan. *Studies in Dialectics of Nature*, 5(3): 18–25. (in Chinese)
39. Pang Z, 1988. The ontology, epistemology and methodology of history. *Historical Research*, 28(1): 3–13. (in Chinese)
40. Peet R, 2007. Modern Geographical Thought. Beijing: The Commercial Press, 17–18. (in Chinese)

41. Plank M, 1989. Physics and philosophy. *The Philosophical Problems of Natural Science*, 8(2): 68–69. (in Chinese)
42. Quine W V, 1953. *From a Logical Point of View*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
43. Quine W V, 1966. *The Ways of Paradox and Other Essays*. New York: Random House, 127–128.
44. Rouse J, 2015. Scientific law, natural necessity, and Heideggerian ontology. *Journal of Dialectics of Nature*, 37(5):103–115. (in Chinese)
45. Schaefer F K, 1953. Exceptionalism in geography: A methodological examination. *Annals of the Association of American Geographers*, 43(3): 226–249.
46. Smith B, 2003. Ontology. In: *Blackwell Guide to the Philosophy of Computing and Information*. Oxford: Blackwell, 155–166.
47. Stanley L, 2012. Rethinking the definition and role of ontology in political science. *Politics*, 32(2): 93–99.
48. Sun J, Pan Y, Tang M *et al.*, 2013. The strategic directions for geography. *Acta Geographica Sinica*, 68(2): 268–283. (in Chinese)
49. Sun X, 1985. All sciences are ontology and methodology. *Social Journal*, 18(6): 39–41. (in Chinese)
50. Tang M, 2009. The diversification of research approaches in human geography in Chinese Mainland. *Geographical Research*, 28(4): 865–882. (in Chinese)
51. Tang M, 2010. The methodological issues of human geography researches in mainland of China. *Human Geography*, 25(4): 1–6. (in Chinese)
52. Tymoczko T, 1991. Mathematics, science and ontology. *Synthese*, 88(2): 201–228.
53. Williams M, 1989. Historical geography and the concept of landscape. *Journal of Historical Geography*, 15(1): 92–104.
54. Wittgenstein L, 1996. *Tractatus Logico-Philosophicus*. Beijing: The Commercial Press.
55. Worrall J, 1994. *The Ontology of Science*. Brookfield: Dartmouth.
56. Wu K, 2006. On the issues of world view of system theory. *Academics in China*, 21(5): 99–108. (in Chinese)
57. Yang C, 2008. Scientific meaning of Quine’s thought for ontological commitment. *Studies in Dialectics of Nature*, 24(10): 6–12. (in Chinese)
58. Ye C, Cai Y, 2009. Re-evaluating Schaefer and his criticizing on exceptionalism in geography: A case study of the innovation of methodology. *Acta Geographica Sinica*, 64(9): 1134–1142. (in Chinese)
59. Ye C, Cai Y, 2010. The geographical methodology between subjectivity and objectivity. *Geographical Research*, 29(5): 947–958. (in Chinese)
60. Yu W, 2002. The resurgence and tendency of research in ontology. *Zhejiang Academic Journal*, 25(1): 46–52. (in Chinese)
61. Yu X, 2012. Ontology. Shanghai: Shanghai People’s Publishing House, 304–305. (in Chinese)
62. Zhang H, 1995. Ontology and epistemology: The basic problem of philosophy. *The Journal of Humanities*, 21(2): 11–15. (in Chinese)

63. Zhang N, 2000. The evolution and destiny of Western ontology theory. *Philosophical Trends*, 22(1): 37–40. (in Chinese)
64. Zhang Y, 2005. The truth of existence and existers: The rejuvenation of ontology in contemporary philosophy and the promise of ontology in modern philosophy. *Theoretical Investigation*, 14(1): 35–39. (in Chinese)
65. Zhou M, 2003. Philosophical ontology that pursues the highest rational wisdom. *Academic Research*, 34(4): 25–28. (in Chinese)

Сведения об авторах

Лю Кай – школа наук о ресурсах и окружающей среде, Хэнаньский университет экономики и права, Чжэнчжоу 450002, Китай;

Тан Маолин – школа географических наук и Цзянсуский Центр совместных инноваций в разработке и применении географических информационных ресурсов, Нанкинский педагогический университет, Нанкин 210023, Китай;

Лю Жун Чжэн – главная лаборатория геопространственных технологий Министерства образования для Среднего и Нижнего течения реки Хуанхэ, Университет Хэнань, Кайфэн 475001, Хэнань, Китай

Цинь Яочен – главная лаборатория геопространственных технологий Министерства образования для Среднего и Нижнего течения реки Хуанхэ, Университет Хэнань, Кайфэн 475001, Хэнань, Китай

КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЛОКАЛЬНОГО И ГЛОБАЛЬНОГО: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Оводова С.Н.

Аннотация. Постановка проблемы создания коммуникативной модели локального и глобального требует обращения к традиции изучения системы отношений, связывающих коммуникацию и культуру. Даже простая перестановка понятий в попытке связать коммуникацию и культуру дает совершенно разные смыслы: коммуникативная культура и культура коммуникации не равны друг другу. В данной статье анализируется история возникновения концепта коммуникативная культура, связанного с творчеством американского кросс-культурного исследователя Э. Т. Холла – младшего. Считается, что работа Холла «Беззвучный язык» (*Silent language*)), вышедшая в 1959 году оказала влияние на концепцию М. Маклюэна. В культурологической, философской, социолингвистической рецепции Холл объект критики, его модель «высококонтекстной» и «низкоконтекстной» культурной коммуникации считается эмпирически неподтвержденной. Значит ли это, что от модели коммуникативной культуры следует отказаться? В настоящем исследовании обосновывается позиция, что модель Холла неприменима к распространенной в культурологии модели коммуникативного доминирования отдельной культуры. В случае, когда принципы коммуникации присущие отдельной культуре начинают претендовать на всеобщность, модель «высококонтекстной» и «низкоконтекстной» коммуникации работают на ее «разрыв». В случае, если мы подходим к культуре с позиций межкультурной полицентричной коммуникации, модель Холла начинает работать, определяя особенности коммуникации между разными культурами, что могут проходить на разных уровнях. Этот подход не следует отождествлять с мультикультурализмом, так как для постколониализма мультикультурализм продолжает Просвещение, предпосылая правила коммуникации ее субъектом, универсализируя локальные практики общения.

В статье обосновывается положение, что коммуникативная модель локального и глобального позволяет уйти от заведомого упрощения отношения содержания одного понятия к другому, сосредоточиться на изучении процессов коммуникации, а не доминирования.

Ключевые слова: глобальное, локальное, культура, коммуникативная модель.

Целью статьи является рассмотрение принципов построения коммуникативной модели локального и глобального в культуре, выявление ключевых позиций во взаимодействии культур в процессе коммуникаций. Для достижения данной цели будут решены следующие задачи: изучение истории использования понятия коммуникативная культура, выявление возможностей и ограничений теории коммуникативной культуры в описании процессов межкультурного взаимодействия;

сформировать принципы построения модели коммуникации в культуре исходящие из специфики взаимодействия между культурами, а не специфики самих субъектов коммуникации.

Начиная с лингвистического поворота вопросы коммуникации в теории культуры являются одними из важнейших. Однако самое общее восприятие одной лишь идеи коммуникативной модели культуры вызывает парадокс – о чем она? Если следовать за исследователем, что ввел в культурологический дискурс понятие коммуникативная культура, Эдвардом Твичеллом Холл-младшим (Edward Twitchell Hall, Jr.), то мы будем говорить о двух типах коммуникации в культуре – высококонтекстном и низкоконтекстном, выделенных им в работе «Безмолвный язык» (Silent language) [1]. Коммуникация высококонтекстной культуры имеет собственную историю, контекст сообщения в ней имеет первостепенное значение, собственно вне контекста сообщение не может быть прочитано, оно нагружено памятью культурных смыслов, отсылает к предшествующим коммуникациям. В этом типе коммуникации гармония и благополучие группы предпочтительнее индивидуальных достижений. Низкоконтекстная коммуникация – явная, прямая, продуманная. Смысл сказанного – в том, что сказано и не определяется отношениями между говорящими. Альбом Ольги Лариной, полный рисунков, стихов и эпиграмм Владимира Ленского – пример высококонтекстной культуры, а актуальное объявление оставленное на интернет-сервисе – пример низкоконтекстной культуры. «Безмолвный язык» Холла образец свойственной теории и философии культуры практики описания культуры через бинарную оппозицию (дионисийское и апполоновское начало в культуре у Ф. Ницше, иранство и кушитство у А.С. Хомякова – из их числа). Зададимся вопросом, мог ли Владимир Ленский помимо тех стихотворений, что он оставлял в альбоме своей возлюбленной, сопровождая их рисунками как своеобразными ключами к тому, что им сказано, что не сказано, что могло быть сказано... писать объявления в уездные ведомости о пропаже крепостных крестьян или покупке дуэльного пистолета? Скорее всего, мог. Так два типа культуры становятся двумя типами коммуникации в одной культуре. Слабая рецепция работ Холла связана, на наш взгляд, с эмпирической непроработанностью его концепции. «[Эта] теория никогда не описывалась Холлом с какой-либо эмпирической строгостью, и ни одно известное исследование с использованием какого-либо инструмента или меры контекста не подтверждает ее», – писал Питер Кардон (Peter W. Cardon) [2, с. 422].

Прежде чем применять коммуникативную модель анализа к конкретному материалу, необходимо оговориться, о двух типах коммуникации в данной модели: модель доминирования отдельной культуры в коммуникации и модель межкультурной полицентричной коммуникации (заметим, «intercultural communication» в англоязычной литературе – это коммуникация не столько между культурами, сколько между социальными группами, чья идентичность формировалась под воздействием различных религиозных, социальных, этнических, образовательных контекстов).

При описании модели коммуникации, исходящей из транслирования норм отдельной культуры, первоочередным становится вопрос о правилах (принципах) этой глобальной коммуникации, устойчивость которой будет обеспечиваться апелляцией к

последним достоверностям, безусловному авторитету божественного откровения (теология), чистому свету разума (континентальная рационалистическая философия Просвещения) или исходить из законов человеческого опыта (англо-саксонский эмпиризм).

Если начинается осуществляться коммуникации между культурами, то на первый план выступает проблема переноса, «транслита» смыслов: правила могут быть масштабированы из установок одной из культур, опередившей остальных в борьбе за гегемонию (когда обоснование правил коммуникации в культуре становятся для неё самообоснованием), что происходит при доминировании одной культуры над другими, или носить конвенциональный (договорной) характер, что происходит в модели межкультурной полицентричной коммуникации.

Первый подход (модель доминирования отдельной культуры в коммуникации) одновременно просвещенческий по своей сути и колониальный по способу реализации. Все, что не соответствует правилам (природно-эмпирическим или механистическо-разумным) выносится за пределы культуры. Прежде чем стать просвещенческим, этот подход был теологическим. Восприятие коммуникации в культуре как разворачивание предпосланных ей религиозных законов характерно для средневековой, иерархически понимаемой системы мира. Теологическое объяснение мира, несмотря на объявленную ему Просвещением войну: «свет разума редко доходит до святош» [3, с. 559], как писал в свое время Гельвеций, не было исчерпано в эпоху торжествующего сциентизма, существуя в качестве не поддающейся научной колонизации альтернативной теоретико-методологической формы мышления. О. Павел Флоренский демонстрирует приверженность ей, рассуждая о кресте как о живом существе, предшествующем миру и силе связывающей человека с источником всего существующего: «Итак, Крест – живое существо, разумное, сознательное, духовное, способное слышать наши молитвы и отзываться на них. Ставимый между Честнейшею Херувим и Небесными силами бесплотными в прощении литии, в отпусе и т. д. <...> Он – зиждущая сила мира, «назnamenательная миру», хранитель мира, путеводитель мира, идея мира – София. И в целом, и в частях вселенная крестообразна, и крестообразность проникает вселенную во всех направлениях, во всех делениях, во всех смыслах» [4, с. 40]. Цельность крестообразного мира, есть предзаданная идея, которая транслируется в коммуникации, человек говорит с миром через преклонение кресту, что есть и разум и мир. Культура в такой модели определено целостна, выстроенные в ней коммуникативные связи устойчивы, связывая собой не только культурные пространства, но и обеспечивая коммуникацию прошлого, настоящего и будущего. Культура в такой модели так же и определено центрична, близость к центру, ядру культуры, определяет актуальность и полноту коммуникаций, постижимость ее элементов. Поэтому Платон и Плотин для А. Августина, несмотря на значительную временную удаленность друг от друга и от самого Августина, оживая друг в друге, более близки и понятны последнему, чем современные ему академики. По этой же причине европоцентризм в его просвещенческой форме ищет у Ш. Монтескье причины не доверять Востоку вследствие его удаленности, климатической, антропологической, культурной

инаковости. Монтескье создает один из первых концептов Востока, еще прямо не подчиняющий и дискриминирующий его по отношению к Западу, но уже отказывающий Востоку в возможности развиваться самостоятельно: «Если к этой нежности органов, благодаря которой народы Востока получают самые сильные в мире впечатления, вы присоедините некоторую леность ума, естественно, связанную с такою же леностью тела, что делает их неспособными ни к какому подвигу, ни к какому усилию, ни к какому самообладанию, вы поймете, почему душа их, раз восприняв те или иные впечатления, не может уже более изменить их. Вот отчего законы, нравы и обычаи, относящиеся даже к таким, по-видимому, безразличным вещам, как одежда, остаются и теперь на Востоке такими, какими они были тысячу лет тому назад» [5, с. 353-354]. Почему мы находим здесь принадлежность к коммуникативному концепту? Культура по Монтескье целостна, но становится разнообразна и пестра по мере удаления от рационально мыслящего центра, на окраине культуры располагается человеческое детство, ребячество и только Просвещение принесет проживающим там народам зрелость. В подобном духе рассуждали не только Монтескье, но и Гердер, Кант, Гегель. Последнее, что необходимо отметить, что культура в таком концепте *текстуальна*. Именно текст помещается в ядро культуры, понимаемой как целостность. Классический текст – иерархичен, древовиден, логичен и последователен. В разное время в ядре европейской культуры оказывались «Илиада», «Евангелия», «Encyclopédie» Д'Аламбера и Дидро, «Наука Логики», «Манифест Коммунистической партии», и, до недавнего времени «Конец истории и последний человек» Ф. Фукуямы. Исторические этапы данной коммуникативной концепции могут быть стабилизированы ареалами мировой торгово-экономической и культурной коммуникации *Pax Romana*, *Pax Mongolica*, *Pax Britannica*, *Pax Americana*, *Pax Sinica*. Эпоха *Pax Americana*, переживающая ныне свою мемориальную стадию, в своем культурном ядре имела упомянутый труд Ф. Фукуямы.

Вторая коммуникативная межкультурная полицентричная модель, в основание которой может быть положена идея коммуникации культур, отдельных локальностей. Именно эта коммуникативная модель культуры исключает господство и тотальность, это не зона конкуренции и борьбы за участие в дискурсе. Это иная система правил, иная философия. В данном ключе рассуждал и автор теории коммуникативного действия, Ю. Хабермас, отмечая: «По видимому, философское мышление, которое отказывается от позиции тотальности (*Totalitätsbezug*), теряет также и удовлетворенность собою» [6, с. 230]. Коммуникация культур также подразумевает независимые локальности. Точнее локальное как таковое, не отдельный вид глобального, не вариант его масштабирования, а самостоятельное локальное, согласующееся с латинским существительным «*lokus*» или место. То, что принадлежит месту – «*localis*» или местное. Локальное – то, что имеет место, что устойчиво, что поставлено. И в каком то смысле, противопоставлено другому локальному. Другое локальное – подразумевается при философском рассуждении о локальном, даже если рядом с ним ничего не поставлено. Исторически эта модель может быть зафиксирована в практике фиксации и сохранения культурных традиций – мультикультурализме. И хотя дискурсивная фиксация местных традиций происходит

в мультикультурализме в акцентуации их различий, сам факт признания множества культур делает пространство их коммуникации полилогичным. Подробный анализ мультикультурализма произведен как его сторонниками, так и противниками. Среди последних выделяется работа Джона М. Хедли «Проблема мультикультурализма: уникальность и универсальность западной цивилизации» (2012 г.) [7] в которой автор предполагает, что идея законности инакомыслия и культурного разнообразия является порождением западной цивилизации, распространение которой несет угрозу прежде всего самому Западу, утрачивающему представление о своей уникальности. В данном тезисе мы зафиксировали позицию малораспространенную, но нуждающуюся в проговаривании вследствие широкой рецепции альтернативной позиции постколониального подхода: западный вариант мультикультурализма еще один способ ведения экспансионистской политики, совокупность либеральных идей и практик. Для постколониального дискурса мультикультурализм по сути продолжает Просвещение предпосылая правила коммуникации ее субъектом, универсализируя локальные практики общения, надстраивая официальный, гражданский уровень коммуникации (для всех) над намеренно экзотизируемым национальным (для себя). Это и есть глобализм, но только в форме мультикультурализма.

В полной мере критика обеих коммуникативных моделей осуществляется в деколониальном подходе, где осуществляется радикальное размежевание с модерностью посредством создания эпистемологического плюрализма [8]. Деколониальная оптика проблематизирует позицию говорящего и контекст, исходя из которого производится высказывание [9], ибо глобальное понимается деколониалистами как то, что стирает многообразие и конструирует сплошное единое пространство модерна с универсальными ценностями. В прикладных исследованиях культуры применение данной теории предполагает акцентуацию разрыва между модерностью и Другими, ранее вытесняемыми на периферию модерна, актуализацию иных культурных практик вне оценки их с точки зрения нормы. В частности, пример реализации такого подхода в выявлении коммуникативных схем между культурами можно проследить в работе Анжелы Янсен, где она наглядно демонстрирует, как практики нормирования Другого тела конструируют представление о глобальной моде [10].

Таким образом, имеет место парадоксальная ситуация – выделение подходов к созданию коммуникативной модели культуры посредством обособления модели доминирования отдельной культуры в коммуникации от модели межкультурной полицентричной коммуникации дает результаты, позволяет подобрать теоретические источники и привести конкретные примеры, но не дает нам возможности провести различие. На уровне дискурса модель доминирования отдельной культуры в коммуникации и модель межкультурной полицентричной коммуникации проявляют черты универсализации, иерархизации, утраты субъектности акторами коммуникации. Поэтому, чтобы сформулировать принципы коммуникативной модели культуры нам придется вернуться к началу исследования, к эвристическим возможностям теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, для которого, в отличие от Холла, вопросы коммуникации не были центральными, его метазадача состояла в решении

проблемы рациональности. Именно по отношению к проблеме рациональности Хабермас противопоставляет друг другу две объяснительные модели, реализацию которых мы наблюдаем в *инструментальном распоряжении*, двигателе бюрократического воспроизводства, либо в практике *коммуникативного понимания*. Хабермас пишет: «Первая позиция, которую я для простоты называю «реалистической», исходит из онтологической предпосылки мира как случайности, чтобы на этой основе выяснить условия рационального поведения (а). Другая позиция, которую мы можем назвать «феноменологической», дает этой постановке вопроса трансцендентальное звучание и отражается в том обстоятельстве, что те, кто действует рационально, сами должны выступать как предпосылка объективного мира (б)» [6, с. 241]. В контексте данного высказывания и следует, осуществлять продуктивный поиск оснований коммуникативной модели культуры, что не будет вступать в противоречие с эмпирическими моделями. «Реалистическая» позиция фиксирует сциентистский, формализованный, прямой дискурс, в котором познающий или повелевающий субъект активен, противопоставленный ему объект пассивен и подчинен. «Феноменологическая» позиция обращена к опыту субъектов, что вынуждены договариваться пребывающих (имманентных) в нем объектах, включая их в свой жизненный мир. При этом «феноменологическая» позиция не равна антисциентизму, существуя наряду с «реалистической» позицией, она компенсирует отсутствие в той внутреннего оправдания, Противоречие «реалистической» и «феноменологической» позиции имеет логическую природу, в действительности они связаны отношениями, прояснить которые может, взятая в качестве частного случая коммуникативной модели культуры, коммуникативная модель глобального и локального. Почему? Во-первых, как мы пытались обосновать выше, коммуникативная модель культуры вряд ли может быть описана вне бинарных оппозиций, входящих в противоречие с эмпирическими моделями (опыт Холла достаточно показателен). Она лишь первая интенция, черновик, максимально общая рамка соединяющая коммуникацию и культуру. Во-вторых, глобальное и локальное это всегда определенная культура, культура не только в вопросе «что?», но и в вопросе «где?», имеющая пространственное измерение. Глобальное и локальное как понятия политического, социального, отчасти культурологического дискурса, рассматриваются через подчинение или противопоставление локального глобальному. Иные варианты, например, не замечать локальное или отрицать глобальное возможны как манифест, но не как исследовательская практика. В самом общем виде, коммуникативная модель локального и глобального (порядок в котором упоминаются понятия не принципиален) позволяет уйти от заведомого упрощения отношения содержания одного понятия к другому. Следует признать, что эти понятия связаны. Глобальное не возможно без локального, отрицание одной позиции в отношении ведет к отрицанию другой, их подчинение и противопоставление также сопровождается утратой смыслов, что не подлежат подчинению, что не могут быть противопоставлены. Коммуникативная модель глобального и локального, предполагая в качестве своей внешней рамки, что глобальное есть то, что ориентировано на всеобщность, на присутствие в пространстве, а не в конкретном месте, а локальное есть то местное, для

которого значима его уникальность, позволяет «феноменологически» принимая их независимость, сосредоточиться на изучении коммуникационных процессов. То, что глобальная коммуникация может быть ориентирована на поддержание самой себя и поэтому бессубъектна, что места-локальности могут иметь множество каналов взаимодействия, не выносимых на глобальный уровень, предполагает, что первое приближение к специфике коммуникации глобального и локального может быть произведено путем нахождения свойств, фиксирующих их специфику и неравенство (предположение, что глобальное = локальному, обнуляет оба понятия). В первую очередь таким свойством (группой связанных свойств) является интенсивность, насыщенность и плотность коммуникации. Его анализ показывает, что вторичность локального во взаимоотношениях с глобальным – устойчивое клише глобалистики.

Результаты проведенного исследования, можно обобщить в следующих положениях. Глобальная коммуникация, в терминологии Холла – *низкоконтекстна*, формализована, мы же предполагаем, что ее отличает и *низкая плотность*. Причина в ограниченности каналов коммуникации, формализации требований к ней, упрощенно – мы говорим о коммуникации во всем понятном формате. Выход на глобальный уровень коммуникации с локальным контентом возможен через его усечение до соответствия формату глобальной площадки. Даже научная коммуникация, несмотря на представление о единой, планетарной науке, не имеющей национальных границ, создается в рамках отдельных школ, выстраивающих сложную сеть отношений друг с другом.

Локальная коммуникация происходит в режиме *высокой контекстуальности* и *высокой плотности*, реализуясь через вербальные и невербальные каналы. Взгляд на локальное через систему «центр – провинция», как правило, отмечает снижение интенсивности жизни, ее затухание, умирание в провинции. Высокая плотность коммуникации, производимой множеством акторов, где говорящих столько же, сколько и воспринимающих, демонстрирует обратное: сфера коммуникативного действия происходящего в месте, а также исходящего из места (локуса) в место (локус) насыщена собственными смыслами, исследование которых способно преодолеть многие исследовательские клише, существующие как в глобалистике, так и теории и философии культуры.

Коммуникативная модель локального и глобального, способная уйти от заведомого упрощения отношения содержания одного понятия к другому, простого переноса свойств субъекта коммуникации на характер коммуникации, возможна. При ее построении мы предлагаем учитывать установленные свойства глобальной коммуникации: *высокая формализованность* при *низкой плотности* коммуникации и ее *низкой контекстуальности*, наряду с выявленными свойствами локальной коммуникации: *низкая формализованность* при *высокой плотности* коммуникации и ее *высокой контекстуальности*.

Список использованной литературы

1. Hall E.T. Silent language. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1959. 240 p.

2. Cardon P.W. A Critique of Hall's Contexting Model // Journal of Business and Technical Communication. 2008. 22 (4). 399–428 p.
3. Гельвеций Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1974. 687 с.
4. Флоренский П.А., священник. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004. 685 с.
5. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 803 с.
6. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) // Вопросы социальной теории. 2007. Том I. Вып. 1. С. 229 – 245.
7. Headley J.M. The problem with multiculturalism: The uniqueness and universality of Western civilization. New Brunswick: Transaction Publishers, 2012. 122 p.
8. Тлостанова М.Д. Деколониальность бытия, знания и ощущения: сб. статей. Алматы: Центр Современной Культуры «Целинный», 2020. 192 с.
9. Деколониальность: настоящее и будущее. Сборник статей. М.: Горизонталь, 2022. 154 с.
10. Янсен А. Мода и фантазмагория современности: введение в деколониальный дискурс о моде // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2021. № 59. С. 9-34.

S. N. Ovodova

COMMUNICATIVE MODEL OF THE LOCAL AND GLOBAL: PROBLEM STATEMENT

Annotation: The formulation of the problem of creating a communicative model of the local and global requires an appeal to the tradition of studying the system of relations linking communication and culture. Even a simple rearrangement of concepts in an attempt to connect communication and culture gives completely different meanings: communicative culture and communication culture are not equal to each other. This article analyzes the history of the concept of communicative culture, associated with the work of the American cross-cultural researcher E. T. Hall Jr. It is believed that Hall's work "Silent Language", published in 1959, influenced the concept of M. McLuhan. In the cultural, philosophical, sociolinguistic reception, Hall is the object of criticism, his model of "high-context" and "low-context" cultural communication is considered empirically unconfirmed. Does this mean that the model of communicative culture should be abandoned? The present study substantiates the position that the Hall model is inapplicable to the model of communicative dominance of a particular culture common in cultural studies. In the case when the principles of communication inherent in a particular culture begin to claim universality, the model of "high-context" and "low-context" communication works to "break" it. If we approach the culture from the standpoint of intercultural polycentric communication, the Hall model begins to work, defining the features of communication between different cultures, which can take place at different levels. This approach should not be identified with multiculturalism, since for postcolonialism multiculturalism continues the Enlightenment,

prescribing the rules of communication by its subject, universalizing local practices of communication.

Key words: global, local, culture, communicative model

References

1. Hall E.T. Silent language. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1959. 240 p.
2. Cardon P. W.A Critique of Hall's Contexting Model // Journal of Business and Technical Communication. 2008. 22 (4). 399–428 p.
3. Gel'vecij Sochineniya v 2-h tomah [Works in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1974. 687 p.
4. Florenskij P.A., svyashchennik. Sobranie sochinenij. Filosofiya kul'ta (Opyt pravoslavnoj antropodicej) [Collected works. Philosophy of the cult (Experience of Orthodox anthropology)]. Moscow: Mysl', 2004. 685 p.
5. Montesk'e SH.L. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955. 803 p.
6. Habermas YU. Teoriya kommunikativnogo dejstviya (fragmenty) [Theory of communicative action (fragments)] // Voprosy social'noj teorii. 2007. Vol. I. № 1. Pp. 229 – 245.
7. Headley J.M. The problem with multiculturalism: The uniqueness and universality of Western civilization. New Brunswick: Transaction Publishers, 2012. 122 p.
8. Tlostanova M.D. Dekolonial'nost' bytiya, znaniya i oshchushcheniya: sbornik statej. [Decoloniality of being, knowledge and sensations: a collection of articles]. Almaty: Centr Sovremennoj Kul'tury «Celinnij», 2020. 192 p.
9. Dekolonial'nost': nastoyashchee i budushchee. Sbornik statej [Decoloniality: present and future. Digest of articles]. Moscow: Gorizontal', 2022. 154 p.
10. Yansen A. Moda i fantasmagoriya sovremennosti: vvedenie v dekolonial'nyj diskurs o mode [Fashion and the phantasmagoria of modernity: an introduction to the decolonial discourse on fashion] // Teoriya mody. Odezhda. Telo. Kul'tura. 2021. № 59. Pp. 9-34.

Сведения об авторах

Оводова Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии факультета теологии, философии и мировых культур, заведующая научно-исследовательской лабораторией социальных и институциональных исследований Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, доцент
E-mail: snovodova@mail.ru

Svetlana N. Ovodova – Candidate of Philosophical Sciences, Assistant professor, Head of the research Laboratory for Social and institutional research, Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky
E-mail: snovodova@mail.ru

УДК 173. 7

**ЛИКИ СЕМЬИ: ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ, ОБЪЕКТИВАЦИЯ,
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ**

Грива О.А. Мильшин А.О.

Аннотация. Данная статья продолжает серию исследований семьи, как комплексного, обусловленного многими факторами явления. Отмечая сложность семьи и семейных отношений, как предмета исследования, авторы рассматривают в данном случае аспекты семьи, связанные с феноменологической социологией знания. В частности, в статье достигалась цель определить значение и содержание некоторых аспектов семьи, как социального института, охарактеризовав основные из них, такие как интересубъективность, объективация и институционализация. В данном случае рассмотрен вопрос интересубъективности семьи, как комплекса качеств, возникающих и существующих в результате взаимодействия нескольких субъектов, создающих семью. Исследуя процесс объективации семейных отношений, изучены его этапы и особенности, характеризующие изменения, переживаемые институтом семьи в процессе развития. Изучая аспекты, связанные с институализацией семьи, авторы рассматривали семейные отношения как такие, что, обладая относительной самостоятельностью, проявляются в обратном влиянии на социальные контексты семейной жизни и завершают цикл воспроизводства семейных отношений в обществе.

В статье отражен процесс изучения семьи, как социального института, с учетом основных подходов к его пониманию, его сущностной взаимосвязи с процессами социализации личности. Поскольку, рассмотрение семейных отношений в рамках русской религиозной философии, произведенное авторами в предыдущих материалах, давало возможность осознания личностно-экзистенциальных факторов семейной жизни, но не позволяло создать полной социально-философской модели для ее описания, они обратились к некоторым методологическим концепциям и идеям западной философии и наук о человеке и обществе XX века, отвечающим выделенным критериям. В частности, к теории интересубъективности А. Шютца и возникшим на ее основе идеям социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана, известным под общим названием «феноменологическая социология знания».

Ключевые слова: семья, семейные отношения, феноменология, феноменологическая социология знания, интересубъективность, объективация, институционализация, социализация, социальный институт.

Постановка проблемы в общем виде

Отмечая сложность природы семейных отношений, особо обратим внимание на диалектически взаимосвязанные аспекты семьи, как феномена. Рассмотрение только объективных детерминант, не позволяет понять многомерность феномена, поэтому необходимо рассматривать явление семьи всесторонне.

Попытки сделать это предпринимались философами прошлого, однако, преимущественно, на идеалистической основе и носили, как правило, морализаторский характер. При этом, недостатком является игнорирование совокупности важнейших материальных, физических и психологических факторов, воздействующих на развитие семейных отношений. Эти факторы, в свою очередь, детерминированы огромным множеством свойств и качеств окружающей среды в конкретном месте и в конкретный отрезок исторического времени. Онтологизация субъективных факторов семейной жизни, характерная для религиозно-идеалистической философии, не позволяет полностью понять некоторые реальные процессы и стороны семейных отношений.

Современный философский анализ субъективных сторон семейных отношений должен учитывать, на наш взгляд, следующие требования:

- избегать ловушки онтологизации, т.е. наделения идеальных конструкторов и феноменов самостоятельным статусом реально существующих сущностей;
- избегать одностороннего морализаторского подхода, отдающего предпочтение описанию должного, в ущерб объяснению сущего;
- опираться на обобщенные данные современной психологической и социологической науки, но не сводиться к ним;
- стремиться к построению концептуальной модели, дающей адекватное теоретическое описание субъективной стороны семейных отношений.

Цель статьи. Определить значение и содержание некоторых аспектов семьи как социального института, связанных с феноменологической социологией знания, охарактеризовав основные из них, такие как интерсубъективность, объективация и институционализация.

Задачи:

- Изучить вопрос интерсубъективности семьи, как комплекса качеств, возникающих и существующих в результате взаимодействия нескольких субъектов (создающих семью).
- Исследовать процесс объективации семейных отношений: его этапы и особенности, характеризующие изменения, переживаемые институтом семьи в процессе развития.
- Рассмотреть семейные отношения как такие, что, обладая относительной самостоятельностью, проявляются в обратном влиянии на социальные контексты семейной жизни и завершают цикл воспроизводства семейных отношений в обществе.
- Продолжить изучение семьи как социального института с учетом основных подходов к его пониманию, его сущностной взаимосвязи с процессами социализации личности.

Изложение основного материала.

Рассмотрение семейных отношений в рамках русской религиозной философии, произведенное нами в предыдущих материалах [1; 2; 3] дает возможность осознать необходимость изучения личностно-экзистенциальных факторов семейной жизни, но не позволяет создать полную научно-философскую модель ее описания. С этой целью мы обратимся к некоторым методологическим концепциям и идеям западной

философии и науки XX века, отвечающим выделенным критериям.

Субъективная сторона общественной и индивидуальной жизни человека является предметом многих направлений современной философии. Одна из наиболее последовательных концепций в рассмотрении данного вопроса, с позиции феноменологической методологии, – теория интересубъективности А. Шютца и возникшие на ее основе идеи социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана. Комплекс идей, разрабатываемых этими авторами, известен под общим названием «феноменологическая социология знания». Несмотря на то, что данное направление причисляется к фундаментальной теоретической социологии, оно имеет самое непосредственное отношение к социальной философии, о чем неоднократно заявляли сами его создатели.

Необходимо отметить, что семейные отношения возникают не автоматически, а при участии человеческого сознания, они создаются, творятся, конструируются людьми. Отношения эти являются и актами сотворчества партнеров брачной диады. При этом партнеры выступают своеобразными социальными агентами, реализующими как объективные общественные, так и субъективные личные задачи и цели. Несмотря на то, что родовые, хозяйственно-экономические, бытовые и другие функции семьи являются объективно детерминированными, осознаются они (частично или полностью) и реализуются субъектами. Тем самым, зарождение, функционирование и развитие семейных отношений зависит от творческой активности субъектов, и могут быть рассмотрены в социально-конструктивистском ключе как процесс «объективации человеческой субъективности» [4, с.61-63].

Объективистский подход к изучению семейных отношений проявляется в том, что они рассматриваются со стороны «внешней фактичности», известной дозы «принудительности» по отношению к субъекту. Однако, по выражению Бергера и Лукмана, это во многом «сконструированная объективность», то есть созданная самим человеком и отчужденная от него. Она кардинально отличается от объективности природных отношений, как происхождением, так и своей большей «прозрачностью». Вступая в эти отношения, человек не просто участвует в их созидании, но и раскрывает свою собственную субъективность и, вместе с тем, открывает для себя субъективность своего партнера.

Указанная субъективность отличается от той, о которой принято говорить, когда рассматривается «внутренний мир личности». Субъективность человеческих отношений, согласно указанным авторам, это «внешняя субъективность», или, точнее, интересубъективность, так как она возникает не по воле одного из субъектов, а в результате взаимодействия двух или более противоположных субъективностей. Поэтому считаем, что семейные отношения, как и многие другие межличностные отношения, нуждаются в специальном рассмотрении в аспекте их интересубъективности.

Философское понятие «объективация» до Бергера и Лукмана использовалось представителями некоторых направлений философии экзистенциального толка, а по своему содержанию оно во многом близко к понятию «опредмечивания», встречающегося в философии К. Маркса [6, с.121]. В теории же социального

конструктивизма под объективацией понимается «процесс, посредством которого экстернализированные продукты человеческой деятельности приобретают характер объективности» [4, с. 101-105].

Рассмотрим как объективируются семейные отношения. Поскольку семейная жизнь включает в себя различные формы человеческой активности, то и результаты ее объективации представляются достаточно многообразными. Совместная деятельность по организации семейного быта, рождению и воспитанию детей, интимное общение супругов и их бытовая коммуникация, взаимное познание особенностей психологического склада друг друга и собственная рефлексия – эти и другие процессы, как известно, составляют содержательную сторону семейных отношений. Их объективация может носить как грубый «овеществленный», так и более тонкий, но, тем не менее, также внешне фиксируемый характер. Следует отметить, что не все субъективное содержание обязано объективироваться, но, вместе с тем, объективация составляет важную сторону человеческой активности.

Подчеркнем, что исследования объективации семейных отношений включают в себя как онтогенетический, так и филогенетический аспекты. Поскольку семейные отношения возникают между двумя индивидами и разворачиваются в конкретных социальных условиях, то есть в определенном социальном пространстве и времени, а также имеют типичные фазы и циклы своего становления, развития и завершения, то можно говорить об их онтогенетическом развитии.

Онтогенетическая объективация семейных отношений связана с появлением внешних атрибутов семейной жизни, доступных стороннему наблюдателю: жилище, предметы быта, потомство, поведенческие привычки и особенности, приобретенные и выработанные в процессе семейной жизни, появление семейной истории, рефлексия на историю семьи и т.п.

Филогенетический аспект исследования объективации семейных отношений связан с их институализацией и охватывает более широкие временные отрезки. Превращение семейных отношений в социальные институты брака и семьи, процесс довольно сложный и длительный. Однако с социально-конструктивистской точки зрения возможна теоретическая модель его описания.

Взаимодействие людей на постоянной основе ведет к типизации их действий. Под типизацией понимается усвоение и приобретение индивидом типичных форм социального поведения. Частным случаем типизации, имеющим непосредственное отношение к формированию семейных отношений, является полоролевая типизация, как процесс приобретения определенных стереотипов поведения, типичных для данного пола. Типизация осуществляется совместно с целостностью, то есть формированием определенных привычек восприятия и действия. Благодаря целостности действие становится образцом, «может быть воспроизведено с экономией усилий и *ipsofacto* осознано как образец его исполнителем» [4, с. 58-63]. Типизация и целостность охватывают все формы человеческой активности, включая коммуникацию, труд, территориальное размещение и т.п. Главным ее следствием является то, что первоначально неорганизованные формы активности и взаимодействия становятся привычными, рутинными и предсказуемыми. То есть они

оформируются в определенный тип упорядоченных социальных отношений, включая семейные отношения.

На этой стадии наиболее важным приобретением является то, что теперь каждый может предвидеть действие другого. Значит, их взаимодействие становится предсказуемым. Формула «Он делает это снова» превращается в новую формулу «Мы делаем это снова». Это значительно ослабляет напряжение взаимодействующих индивидов. Сформированное пространство отношений становится тем порядком, той основой или фоном, который конструируется индивидами и способствует «стабилизации как их раздельных действий, так и взаимодействия» [4, с. 97-100].

Следующий важный шаг в совершенствовании и институализации осуществляется с появлением новых поколений. Отношения, сформировавшиеся в одном поколении, при передаче их другому поколению, обретают два новых качества, а именно – историчность и объективность. «Это означает, что институты, которые теперь выкристаллизовались (например, институт отцовства, как он видится детям), воспринимается независимо от тех индивидов, кому «довелось» воплощать их в тот момент. Другими словами, институты теперь воспринимаются как обладающие своей собственной реальностью: реальностью, с которой индивид сталкивается как с внешним принудительным фактом» [4, с. 58-63]. Все сказанное выше имеет непосредственное отношение к филогенетической объективации семейных отношений, ибо уже в процессе первичного взаимодействия брачных партнеров происходит типизация их действий, в результате чего формируется упорядоченное пространство отношений между супругами. Это уже новая, частично отчужденная от своих создателей реальность. Бергер и Лукман характеризуют ее как объективность, которая «остаётся незначительной, легко изменяемой, почти игровой», этот план «остаётся довольно доступным для обдуманного вмешательства» со стороны взаимодействующих индивидов. И хотя эта реальность имеет «тенденцию упорно сохраняться», возможность ее «изменения и даже аннулирования остаётся в сознании» [4, с. 101-102].

Взаимодействующие индивиды сами «ответственны за конструирование этого мира» и в состоянии изменить или аннулировать его. «Более того, пока они сами создают этот мир в ходе их общей биографии, которая на их памяти, созданный таким образом мир кажется им абсолютно не прозрачным. Они понимают мир, который создан ими» [4, с. 103-106].

В последующем, происходит передача этих первично институализированных отношений новому поколению. Можем согласиться с Бергманом и Лукманом, что «Объективность институализированного мира увеличивается и укрепляется не только для детей, но и благодаря зеркальному эффекту» для родителей тоже [4, с. 106].

В процессе объективации, мир, создаваемый взаимодействующими людьми, сначала является «абсолютно прозрачным», «игровым», «изменяемым», «обладающим возможностью аннулирования», а после передачи его последующим поколениям в чем-то теряет эти свои качества.

Но можно ли назвать абсолютно прозрачный, почти игровой, изменяемый людьми мир зарождающейся социальности объективностью? Объективность, как

известно, это независимость от сознания субъекта. Однако Бергер и Лукман указывают на то, что этот мир как раз сильно зависит от воли его создателей, хотя уже отчужден от них и имеет тенденцию к сохранению. Очевидно, что в процессе объективации зарождающихся социальных отношений, включая семейные отношения, еще до того, как они обретут объективный институциональный статус, субъекты обладают качеством интересубъективности.

Интерсубъективность тем самым выступает как важная категория, которую необходимо рассмотреть для того, чтобы понять механизм формирования семейных отношений.

Современные исследователи отмечают, что термин «интерсубъективность» входит в научную литературу и начинает активно использоваться в начале XX века, хотя сама проблема имеет давнюю предысторию, которую, например, подробно анализирует в своей диссертации И.Д.Зайцев [7]. Считается, что впервые это понятие в эпистемологическом и феноменологическом значениях использовали при разработке проблемы познавательной активности человеческого сознания Р.Карнап и Э. Гуссерль [7; 8]. Позже термин «интерсубъективность» встречается в работах Г. Марселя А., Шютца и других философов.

Следует отметить, что его смысловое наполнение колеблется от широких объективно-онтологических трактовок к узким субъективно-экзистенциальным [8, с. 79–100].

Иногда интересубъективность трактуется, как общности восприятия и понимания мира у множества индивидов. Поскольку каждый человек наделяет вещи разным значением в силу того, что он занимает собственное и уникальное место в социальном и физическом пространстве, а также обладает своим единственным и неповторимым жизненным опытом.

Очевидно, что, несмотря на все внешние и внутренние, биологические и социальные, физические и психологические различия между мужчиной и женщиной как потенциальными брачными партнерами, существует нечто общее, служащее основой для их взаимопонимания и установления семейных отношений. Это общее и можно понять через категорию интересубъективности в трактовке А. Шютца.

В ее основе лежат два постулата: первый, «о взаимозаменяемости перспектив», согласно которому партнеры верят в то, что при взаимном изменении их позиций понимание ситуации в обоих случаях останется неизменным и «о совпадении системы релевантностей», основанном на вере в то, что оценки и действия любого из партнеров в определенной ситуации не должны различаться [12, с.6].

Интерсубъективность, трактуемая с позиции социальной философии, может, на наш взгляд, стать ключом к пониманию внутренней субъективной динамики семейных отношений. Рассматривая интересубъективность, как основу для установления отношений, взаимопонимания и коммуникации индивидов, важно конкретизировать ключевые механизмы, лежащие в основе данного феномена, идеализацию и типизацию.

На базе этих постулатов, лежащих в основе повседневного мышления, любой из партнеров идеализирует предметы и ситуации, то есть воспринимает их не как

уникальные, а как типичные, характерные для любого человека, независимо от его места и личной биографии. Эти внутренние типизирующие структуры («идеальные типы» в веберовском понимании или «стереотипы восприятия», в современной психологической терминологии) и становятся основой для первичного взаимопонимания людей в социальном поведении, включая выстраивание семейных отношений.

Формируются эти структуры в сознании личности в процессе ее социализации и поэтому они носят универсальный характер. Подобные имманентные структуры присутствуют в сознании каждого индивида и, проще говоря, к ним относится та часть нашего сознания, которая отвечает за понимание мотивов, слов и действий других людей. Это потенциальная интерсубъективность, которая укоренена в сознании и бытии отдельной личности и присутствует в ней даже до самого акта взаимодействия с партнером.

Здесь необходимо отметить, что потенциальная интерсубъективность не является априорной, так как она формируется в процессе взаимодействия человека с обществом. Но, поскольку семейные отношения обычно устанавливаются между двумя сформировавшимися личностями, то их идеальные типы носят характер относительной априорности.

О наличии подобной (потенциальной) интерсубъективности говорили многие философы. Так, например, Г. Марсель утверждал, что при внимательном изучении внутреннего опыта интерсубъективность может быть обнаружена не только в отношениях между индивидами, но и в глубине каждого из индивидов. Он справедливо подчеркивал, что интерсубъективное в действительности интериорно по отношению к самому субъекту, с учетом чего можно утверждать, что у индивида существует внутренняя потенциально-идеальная основа для внешней актуальной реальной его коммуникации с другими. В аспекте семейно-брачных отношений их можно трактовать как взаимные ожидания.

Эти типизирующие структуры или «идеальные типы», позволяют любому индивиду устанавливать социальные отношения с другими как близкими, так и далекими, или даже с целыми группами и общностями.

Благодаря этим структурам потенциальные брачные партнеры, обладающие разной биологией и жизненным опытом, принадлежащие к разным социальным слоям и субкультурам, могут понимать друг друга, устанавливать и развивать близкие отношения. Эти структуры формируются в процессе социализации, с учетом половой и социальной дифференциации людей, а потому напрямую связаны с биологическим, социальным (гендер) и психическим (гендерная идентичность) полом каждого индивида.

Понятно, что у женщины с ее «женским самосознанием» и набором выполняемых ею «женских ролей» будет сформирована своя система идеальных типов, позволяющая ей понимать, интерпретировать и адекватно реагировать на действия мужчины как потенциального брачного партнера. То же можно сказать о потенциальной интерсубъективности мужчины.

Идеальные типы, существующие в сознании потенциальных партнеров, в чем-

то детерминируют отношения между ними, существуют еще до момента их установления. Без наличия таких типизирующих структур установление отношений было бы просто невозможно, так как они обеспечивают первичное взаимодействие, взаимопонимание, коммуникацию и даже выбор будущего брачного партнера. При этом первичное понимание другого всегда приблизительно, «притянута» к некоторому уже известному нам «типу», как справедливо считает А.Б. Демидов, указанная приблизительность понимания может иметь разные степени. Мы стремимся уточнить, углубить свое понимание другого до тех пор, пока достигнутая степень не покажется достаточной [11, с. 39].

Для начального установления семейных отношений соответствующая готовность предполагает интенсификацию отношений между людьми.

В процессе устойчивого взаимодействия, благодаря многочисленным реальным взаимодействиям происходят два важнейших изменения, как в бытии, так и в сознании брачных партнеров. Во-первых, меняется пространственно-временная организация их бытия, формируется новое поле их взаимодействия, то есть в пространственном и темпоральном аспекте создается та сфера со-бытия, в которой партнеры существуют уже не по одиночке, а вместе. Во-вторых, благодаря совместной деятельности, общению и переживанию жизненных ситуаций начинает формироваться и все более обогащаться их общая биография, которая кардинально меняет основания их взаимопонимания.

Если первоначальное понимание еще далеких друг от друга людей было основано на сформированном обществом в их сознании идеальных типах, то дальнейшее взаимопонимание близких партнеров уже в большей степени опирается на то, что можно назвать их общей биографией. В данном случае нельзя согласиться с А. Шютцем в том, что типизация является единственным механизмом взаимопонимания людей; в дальнейшем следует развитие взаимопонимания на основе процесса индивидуализации восприятия, мышления и действий партнеров. Если типизация «подгоняет» реальные факты жизни и общения под общий идеальный тип, то индивидуализация ведет к формированию специфических представлений, более адекватно отражающих особенности личности партнера, характер его действий и манеру общения. Через опыт совместного проживания происходит сближение идеального и реального в представлениях и действиях партнеров, что ведет к формированию их большей согласованности и взаимной адаптации, идеальный тип конкретизируется и индивидуализируется.

Таким образом, формируется новое intersubъективное пространство семейных отношений, которое существует по своим собственным законам и правилам. Эта новая реальность, которая частично отчуждается от своих создателей и имеет тенденцию к сохранению. Она в чем-то описывается формулой Бергера – Лукмана «Мы делаем это снова», и ей присущи такие признаки, как «прозрачность», «изменяемость», «игровой характер», «способность к аннулированию» и т.д. Это новая intersubъективность, которую можно назвать актуальной. Взаимные ожидания сопровождаются осознанием и распределением будущих обязанностей в качестве брачных партнеров.

Чем же указанная intersубъективность отличается от потенциальной? Если вторая находится в сознании партнеров в виде идеальных типов, позволяющих устанавливать первичные отношения и взаимопонимание, то первая формируется в ходе реальных интеракций брачных партнеров на основе их общего со-бытия и единой семейной биографии. Она является внешней, частично отчужденной от своих создателей. Это новое пространство «Мы», которое рождается в процессе личного со-творчества взаимодействующих «Я» и «Ты» и, следовательно, становится результатом этого осмысления ролей брачных партнеров.

В терминологии А. Шютца так называемые «мы – отношения» кардинально отличаются от другого типа «они – отношения». Если вторые свойственны современникам, лично не знакомым и воспринимающим друг друга абстрактно, то первые возникают между сосуществующими в одном пространстве индивидами, они конкретно знакомятся более или менее с «биографическими ситуациями» возможных партнеров [13, с. 122-132]. В опыте реального взаимодействия потенциальная intersубъективность брачных партнеров перерождается в актуальную intersубъективность, основанную на единой семейной биографии и восприятии супругов друг другом как уникальных личностей.

Именно эта устойчивость семейного взаимодействия может быть названа содержанием семейных отношений, которые существуют и осознаются партнерами как важнейшая часть их жизни. Однако на этом развитие семейных отношений не заканчивается. Их дальнейшее развертывание и функционирование связано с процессами объективации и институализации.

Сформированные в итоге легитимные брачные отношения обладают относительной формализованностью. Она проявляется, прежде всего, в новых формах взаимодействия супругов. В семейной жизни можно выделить три основных вектора такого влияния.

Первый – это взаимодействие самих супругов. Они, безусловно, влияют друг на друга, помимо прямого процессуального взаимного влияния, с учетом их новых социальных ролей на них оказывает сильное воздействие и само intersубъективное пространство, сформированное в ходе совместной жизни. Семейные отношения intersубъективны, так как формируются не одним, а двумя взаимодействующими индивидами, в этом принимают косвенное участие и другие значимые субъекты (например, родственники супругов, друзья и др.), это лишь опосредованное влияние, оно воспринимается лишь сквозь призму субъективности самих супругов. Накапливаемый семейный опыт не просто укоренен в субъективности супругов, его следы отыскиваются в памяти многих субъектов, с ними связанных, он также частично объективирован (например, содержится в семейных архивах, фотографиях, письмах и т.д.), что делает его и близким, и отчужденным от индивидуальной субъективности. Эта «внешность» семейных отношений (что, по сути, связано с их актуальной intersубъективностью и объективированностью) наделяет их реальностью и превращает во внешнюю активную силу, обратно влияющую на своих авторов. В этой связи семейные отношения выступают мощным фактором социализации как самих супругов, так и их детей, которые со временем будут «по-

своему» и одновременно «по-родительски» формировать свои семьи в соответствии с их социально одобряемыми образами.

Вторым вектором влияния на семейные отношения становятся дети супругов, взрослеющие, которые потенциально становятся зрелыми гражданами. Для них отношения родителей включаются в определенную систему социальных отношений со своими родителями и вне семьи. Дети наблюдают и усваивают модели и образцы взаимодействия родителей и под влиянием их примера, формируют идеальные типы, которые в дальнейшем становятся основой для выбора ими будущего брачного партнера и установления собственных семейных отношений. Это направление семейных отношений, является важнейшим элементом социализации личности, определяющим ее самостоятельную социальную жизнь, детерминирующим и жизнь семейную.

Третьим вектором влияния становится ближайшее и дальнейшее окружение семейной пары. Поскольку в обществе существует множество брачных пар, с жизнью которых и моделями их взаимоотношений может быть знаком тот или иной индивид, чужие семейные отношения становятся для него возможным образцом построения собственных отношений. Подобные образцы, передаваемые в процессе личного общения или через средства массовой коммуникации, с помощью художественных или документальных сюжетов, также становятся основой для формирования идеальных типов индивида, необходимых ему для первичной предбрачной коммуникации. При недостаточности или полном отсутствии прямого влияния родителей (например, у детей, воспитывающихся в неполных семьях или детских домах) этот канал добрачной и предбрачной социализации становится основным.

В заключении сделаем следующие **выводы**.

1. О необходимости исследования субъективной стороны семейных отношений писали многие философы прошлого, однако присущая им объективно-идеалистическая установка долгое время не позволяла адекватно их проанализировать. Диалектика семейных отношений состоит в том, что, с одной стороны, они представляют собой «сконструированную объективность», то есть созданную человеком и отчужденную от него реальность, а с другой – обладают качеством интерсубъективности, в том смысле, что возникают и существуют в результате взаимодействия нескольких субъектов. Нами была предпринята попытка рассмотреть семейные отношения как процесс «объективации человеческой субъективности». Именно поэтому описание семейных отношений предполагает использование таких философских категорий, как «объективация» и «интерсубъективность».

2. Объективация семейных отношений многообразна и включает в себя онтогенетический и филогенетический аспекты. На первом этапе объективации осуществляется типизация совместных действий субъектов складывающихся отношений. В результате этого формируется объективность, отличающаяся качеством «прозрачности» и «изменяемости». На втором – происходит передача новой реальности следующему поколению, что ведет к ее полному отчуждению от своих создателей и институализации созданных отношений. В результате анализа данного

процесса установлено, что в ходе объективации зарождающихся отношений и до обретения ими объективного институционального статуса субъекты обладают качеством интерсубъективности.

3. В философии под интерсубъективностью понимаются разные аспекты внутренней стороны личности. В трактовке А. Шютца интерсубъективность характеризует общность восприятия мира и его понимания у разных субъектов. В основе общности лежат механизмы идеализации и типизации явлений, предметов и ситуаций. Категория «интерсубъективности» трактуется нами как ключевая для понимания механизмов функционирования и развития семейных отношений.

4. Анализ этапов развития семейных отношений позволяет выделить потенциальную и актуальную интерсубъективность. Под первой понимаются типизирующие структуры, сформировавшиеся в процессе социализации индивида и укоренившиеся в его сознании. Они существуют для брачного партнерства с другим и служат основой для первичного взаимопонимания, установления, поддержания и развития семейных отношений. Актуальная интерсубъективность складывается в процессе взаимодействия партнеров, когда формируется не только единое поле их коммуникации, но и создается совместная биография, выступающая в качестве основы для более глубокого взаимопонимания партнеров.

5. Семейные отношения обладают относительной самостоятельностью, которая проявляется в обратном влиянии на социальные контексты семейной жизни, оказывают влияние на детей, формируя у них представления о конструктивных семейных отношениях. Данные виды влияния завершают цикл воспроизводства семейных отношений в обществе, и осуществляется этот процесс через механизмы добрачной, предбрачной и семейной социализации индивидов.

В целом категориальный анализ семейных отношений с учетом основных подходов к их пониманию, а также их рассмотрение в ракурсе интерсубъективности приводит к необходимости социально-философского выявления их сущностной взаимосвязи с процессами социализации. Несмотря на то, что данный термин в своих истоках выводится из контекста социологических и психологических исследований, его аналоги, так или иначе, просматриваются и в социальной философии.

Список литературы

1. Грива А.О., Мильшин А.О. Потенциал религиозных ценностей для социального благополучия современной семьи // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. Том 5 (71). — 2019. — № 4. — С. 12–20.

2. Грива О.А. Значение образа Божия для образования в религиозной и нерелигиозной культурах // [Духовно-нравственная культура в высшей школе: нравственные ценности и будущее студенческой молодежи](#). Сборник статей V Международной научно-практической конференции в рамках XXVI Международных Рождественских образовательных чтений. 2018. — С. 51—60.

3. Грива О.А. Религиозный фактор становления личности в поликультурной и поликонфессиональной среде // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. — 2016. Т. 2 (68). — № 2. — С.18—26.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995.- 323 с.
5. Бердяев Н. *Творчество и объективация. Опыт эсхатологической метафизики.* — М.: Экономпресс, 2000. — 178 с.
6. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. 1975-1981 гг. Т. 42. — М.: Издательство политической литературы, 1974 — 513 с.
7. Зайцев И.Д. Интерсубъективность как проблема социальной философии. Автореферат дисс. на соискание уч. степени кандидата философских наук Специальность: 09.00.11 - Социальная философия. — М., 2008. — 41 с.
8. Огурцов А.П. Интерсубъективность как поле философского исследования // Личность. Культура. Общество. — М., 2007. Т. IX. Вып. 1(34). С. 58–70 и М., 2007. Т. IX. Вып. 2 (36). — С. 79–100.
9. Тавризян Г.М., [Габриэль Марсель: Бытие и интерсубъективность](#) // История философии. — № 1. — М., 1997. — С.33–45.
10. Шютц А. Проблема трансцендентальной интерсубъективности у Гуссерля // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. — С.46–95.
11. Демидов А.Б. Феномены человеческого бытия. — Минск: ЗАО Издательский центр «Экономпресс», 1999. —180 с.
12. Шютц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. — 1988. — № 2. — С. 1–14.
13. Шютц Альфред Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; науч. ред. перевода Г.С. Батыгин. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. — 336 с.

References

1. Griva A.O., Milshin A.O. Potensial religioznykh tsennostey dlya sotsialnogo blagopoluchiya sovremennoy semi. [Family Values in World Religious Denominations and their Influence on the Russian Family] // Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Filosofiya. Politologiya. Kulturologiya. Tom 5 (71). — 2019. — № 4. — S. 12–20.
2. Griva O.A. Znachenije obraza Bozhiya dlya obrazovaniya v religioznoy i nereligioznoy kulturakh [The Significance of the Image of God for Education in Religious and Non-Religious Cultures] // Dukhovno-nravstvennaya kultura v vysshey shkole: нравственные ценности и будущее студенческой молодежи. Sbornik statey V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh XXVI Mezhdunarodnykh Rozhdestvenskikh obrazovatelnykh chteniy. 2018. — S. 51—60.

3. Griva O.A. Religioznyy faktor stanovleniya lichnosti v polikulturnoy i polikonfessionalnoy srede [Religious factor in the formation of a personality in a multicultural and polyconfessional environment] // Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kulturologiya. — 2016. T. 2 (68). — № 2. — S.18—26.
4. Berger P. Lukman T. Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya. [Social construction of reality. Treatise on the Sociology of Knowledge]. — M.: Medium, 1995.- 323 s.
5. Berdyayev N. Tvorchestvo i obyektivatsiya. Opyt eskhatologicheskoy metafiziki. [Creativity and objectification. An experience of eschatological metaphysics]. — M.: Ekonompress. 2000. — 178 s.
6. K. Marks. F. Engels. Cochineniya. Izdaniye vtoroye. 1975-1981 gg. [Compositions. Second edition. 1975-1981]. T. 42 – M., 1974: Izdatelstvo politicheskoy literatury. – 513 s.
7. Zaytsev I.D. Intersub'yektivnost kak problema sotsialnoy filosofii. [Intersubjectivity as a problem of social philosophy]. Avtoreferat diss. na soiskaniye uch. stepeni kandidata filosofskikh nauk Spetsialnost: 09.00.11 - Sotsialnaya filosofiya. – M.. 2008. – 41 s.
8. Ogurtsov A.P. Intersub'yektivnost kak pole filosofskogo issledovaniya [Intersubjectivity as a field of philosophical research] // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. – M. 2007. T. IX. Vyp. 1(34). S. 58–70 i M. 2007. T. IX. Vyp. 2 (36). – S. 79–100.
9. Tavrizyan G.M. Gabriel Marsel: Bytiye i intersub'yektivnost [Gabrielle Marcel: Being and Intersubjectivity]// Istoriya filosofii. – № 1. – M. 1997. – S.33–45.
10. Shyuts A. Problema transtsedentalnoy intersub'yektivnosti u Gusserlya [Husserl's problem of transcendental intersubjectivity]// Shyuts A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii. – M.: Institut Fonda «Obshchestvennoye mneniye». 2003. – S.46–95.
11. Demidov A.B. Fenomeny chelovecheskogo bytiya. [The phenomena of human existence]/ – Minsk: ZAO Izdatelskiy tsentr «Ekonompress». 1999. –180 s.
12. Shyuts A. Struktura povsednevnogo myshleniya [The structure of everyday thinking] // Sotsiologicheskiye issledovaniya. – 1988. – № 2. – S. 1–14.
13. Shyutts Alfred Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii [The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology] / Sost. A.Ya. Alkhasov; per. s angl. A.Ya. Alkhasova. N.Ya. Mazlumyanovoy; nauch. red. perevoda G.S. Batygin. – M.: Institut Fonda «Obshchestvennoye mneniye». 2003. — 336 s.

**PHENOMENOLOGICAL ASPECTS OF THE FAMILY AS A SOCIAL
INSTITUTION: INTERSUBJECTIVITY, OBJECTIVATION,
INSTITUTIONALIZATION**

Annotation

This article continues a series of studies of the family as a complex phenomenon caused by many factors. Noting the complexity of family and family relations as a subject of

research, the authors consider in this case the aspects of the family associated with the phenomenological sociology of knowledge. In particular, the article achieved the goal of defining the meaning and content of some aspects of the family as a social institution, characterizing the main ones, such as intersubjectivity, objectification and institutionalization.

In this case, the issue of intersubjectivity of the family is considered, as a complex of qualities that arise and exist as a result of the interaction of several subjects creating a family. Investigating the process of objectification of family relations, we studied its stages and features that characterize the changes experienced by the institution of the family in the development process. Studying the aspects associated with the institutionalization of the family, the authors considered family relations as such that, having relative independence, manifest themselves in the opposite influence on the social contexts of family life and complete the cycle of reproduction of family relations in society.

The article reflects the process of studying the family as a social institution, taking into account the main approaches to its understanding, its essential relationship with the processes of personality socialization. Since the consideration of family relations within the framework of Russian religious philosophy, produced by the authors in previous materials, made it possible to understand the personal-existential factors of family life, but did not allow creating a complete socio-philosophical model for its description, they turned to some methodological concepts and ideas of Western philosophy and the sciences of man and society of the 20th century that meet the selected criteria.

In particular, to A. Schutz's theory of intersubjectivity and the ideas of social constructivism of P. Berger and T. Luckmann, which arose on its basis, known under the general name "phenomenological sociology of knowledge".

Key words: family, family relations, phenomenology, phenomenological sociology of knowledge, intersubjectivity, objectification, institutionalization, socialization, social institution.

Сведения об авторах

Грива Ольга Анатольевна – доктор филос. наук, профессор, заведующая кафедрой религиоведения, г.Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского.

E-mail: ogriva@yandex.ru

Мильшин Андрей Олегович – соискатель кафедры философии, г.Брянск, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского.

E-mail: andrey-milshin@yandex.ru

Olga A. Griva – Doctor philos. Professor, Head of the Department of Religious Studies, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

E-mail: ogriva@yandex.ru

Andrey O. Milshin – Candidate of the Department of Philosophy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

E-mail: andrey-milshin@yandex.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК: 002.1

ДОКУМЕНТ КАК АТРИБУТ СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Абрамова Э. Г.

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема понимания роли документа в культуре, где он предстает как инструмент культурных практик, культурных индустрий и технологий, как инструмент хранения и трансляции традиций. Показано, что документ выступает конструктором нравственных и поведенческих норм личности, влияет на социум в целом, определяя направленность и возможности его развития.*

***Ключевые слова:** культура, документ, артефакт, духовный потенциал документа, культурная функция.*

Начнем с выбора определения «культуры», которое лучше всего соответствует проблеме документа. Как междисциплинарная научная категория культура еще более расплывчата, чем документ. Понятие культура – одно из фундаментальных в современном гуманитарном знании, характерной чертой которого является многозначность (полисемантизм) интерпретаций (греч. poly – много, sema – знак), обусловленная многообразием реальных форм существования культуры как явления. Культура — это специфическая форма социального движения и развития, суть которой заключается в бесконечном воспроизводстве опыта предыдущих поколений. В процессе культурной деятельности происходит «опредмечивание» социальной информации в материальном субстрате общества: его предметная физическая форма превращается в человеческую культурную форму, которая содержит в закодированном («окаменелом») виде опыт социальной деятельности. Практическое применение и использование подобного рода вещей связано с «распредмечиванием» закодированного в них социального опыта, его актуализацией и последующем «опредмечиванием» в социальной деятельности. В этом непрерывном «опредмечивании» и «распредмечивании» общественной информации и скрытая фундаментальная сущностная характеристика культуры [1, с. 60-61]. Таким образом, культура является способом социального движения и воспроизводства общественного опыта коллективной жизнедеятельности людей. Культура не наследуется генетически, а усваивается с помощью обучения социально нормированным движениям. Внешне культура находит свое онтологическое измерение в ценностях, правилах (нормах), обычаях, традициях.

Контур проблемы документа и культуры обозначены «классическим» документоведением, представляющим документ как средство закрепления и передачи

культурной традиции и культурный образец [2, с. 13]. Архивоведение и археография расширяют ее, рассматривая документ как артефакт и документальный памятник. Однако есть и другие аспекты проблемы, которые остались за рамками этих дисциплин. Во-первых, «культурная» функция документа является одной из его инструментальных функций. Следовательно, в культуре документ предстает как инструмент культурных практик, культурных индустрий и технологий, как инструмент хранения и трансляции традиций, социальных и нравственных норм, как инструмент мировоззренческих построений и целеполаганий. Во-вторых, в культуре документ может играть роль культурного символа.

Но есть и другие толкования этого понятия. С точки зрения философских определений культура предстает как универсум искусственных объектов (идеальных и материальных объектов, объективированных действий и отношений), созданных человечеством в процессе освоения природы. Один из этих объектов – документ. В культуре документ выступает как ее продукт, как идеальный объект, объективизирующий социальное действие. С точки зрения социальных наук – культура является одной из подсистем социальной реальности [3, с. 322], как система регулирующих механизмов, включая планы, рецепты, правила, инструкции, которые служат для управления поведением [4, с. 48]. Культурологический анализ предопределяет интерпретацию документа как факта социума и культуры. В данной статье мы не претендуем на полноту раскрытия проблемы документа как явления культуры, мы лишь пытаемся ее поставить и привлечь к ней внимание.

Нормы культуры возникли раньше права и передавались из поколения в поколение в форме духовной культуры, подобной мифу. Как отмечает Б. Илизаров, мифология первобытного общества – это не историческое знание, а средство приобщения к настоящему [5, с. 63]. В архаических культурах устный миф был одновременно и генеалогией, и «летописью», сводом законов, религиозным канонам и сводом нравственных и моральных норм. Миф был одновременно и «документом», и «книгой». Миф принимает форму письменных писаний – текстов, занимающих центральное место в различных религиях: иудаизме, христианстве, исламе и др. И они рассказывают о происхождении человека, мира, о нормах поведения и законах существования. Христианское Священное Писание – Библия, включает Ветхий Завет, написанный примерно во II веке до н.э. и Новый Завет, состоящий из Евангелий, Деяний и Посланий Апостолов. Возникает вопрос: Библия – это документ? Это памятник духовной культуры?

Однако, ни одну вещь невозможно понять, исходя из нее самой. В онтологическом смысле, скорее всего, нет. Несмотря на то, что Библия содержит Пятикнижие Моисея (Тора) – традиционный еврейский закон, в строгом и существенном смысле это не документ. Нормы церковного права (канона церкви), которые регулируют внутреннюю дисциплинарную (каноническую) жизнь церкви и отношения между церковью и государством – можно отнести к документам. Канон – это правило, позиция учения; церковный закон [6, с. 260]. Так назывались церковные правила, которые произошли от И.Христа и апостолов, или были установлены церковью. Они имели форму положительных определений и несли на себе внешнюю церковную санкцию. Устное предание получало характер канона лишь после того, как

было оформлено в постановлении собора. Церковные каноны, и вместе с ними государственные законы относительно церкви были кодифицированы на рубеже VI – VII вв. в сборниках под названием Номоканон – церковное право, которое Русская православная церковь приняла от Византии вместе с вероучением. На Руси Номоканон известен под названием Кормчей [7, с. 306-308]. Современная Русская Православная Церковь осуществляет свою деятельность на основе Священного Писания и Священного Предания; каноны и правила святых апостолов, святых вселенских и поместных соборов; постановления Поместного Собора, Архиерейского Собора и Священного Синода, указы Патриарха Московского и всея Руси, Устав Русской Православной Церкви [8].

Таким образом, регулирующая роль, руководство к действию Церкви, принадлежит документам-канонам и апостольским правилам, постановлениям, указам и уставу. Церковь, хоть и отделена от государства, существовать вне него она не может. Церковь зарегистрирована в качестве юридического лица, и поэтому ее деятельность осуществляется посредством организационно-распорядительных документов и делопроизводства, как и любой другой отрасли социального управления, имеющей организационную структуру. Церковь действует на основе действующих законов и устава, оформляет трудовые отношения с клиром на основе трудового законодательства и т.д. Однако основная деятельность Церкви – это каноническое управление, церковное устройство, богослужбная и пастырская деятельность [8].

Эти виды деятельности также сопровождаются документами, образующими систему специальной документации Церкви. Именно она представляет научный интерес для культурологии, так как является совершенно неисследованной. Она обеспечивает соблюдение культурной религиозной традиции. Документы, сопровождающие совершение таинств и треб, не имеют никакой юридической силы в «миру», но имеют значение для канонического права. Все священнодействия (молитва, исповедь, венчание, отпевание, поминовение) осуществляются только по отношению к лицам, прошедшим таинство крещения. Поэтому обряд крещения обязательно документируется.

Записи о крещении встречаются, начиная с III столетия. Столь же древними являются и списки умерших. Порядок ведения книг крещения и бракосочетания в церковных приходах впервые был установлен на Вселенском соборе в г. Триенте (Триденте) в 1545 г. В России первые метрические книги появились в 1646 г. С 1702 г. их стали вести в церковных приходах г. Москвы, а к 1724 г. – во всех церковных приходах России. До 1917 г. метрические книги в России были единственным документом для записи актов гражданского состояния [2, с. 201-204]. На заседании 27 июля 2011 г. Священный Синод утвердил единую форму богослужбного журнала и метрических книг, а также бланков свидетельств о крещении и бракосочетании для употребления в епархиях Русской Православной Церкви. Издательству Московской Патриархии было поручено озаботиться распространением новых форм документов во всех епархиях [9].

Свидетельство о крещении включает в себя следующие реквизиты:

- 1) Ф.И.О.;
- 2) год рождения лица, над которым было совершено таинство крещения;

- 3) Ф.И.О. крестного отца;
- 3) Ф.И.О. крестной матери;
- 4) наименование и место нахождения храма, где было совершено крещение;
- 5) имя и фамилия священнослужителя, совершившего таинство крещения;
- 6) дата крещения (день ангела);
- 7) церковная печать;
- 8) подпись настоятеля;
- 9) дата выдачи свидетельства.

Церковь венчает и отпевает только крещеных. Поэтому свидетельство о крещении предъявляется вместе со свидетельством о браке, выданном органом ЗАГС, при записи на обряд венчания.

Свидетельство о венчании содержит следующие реквизиты:

- 1) Ф.И.О. жениха;
- 2) Ф.И.О. невесты;
- 3) имя и фамилия священнослужителя, совершившего таинство венчания;
- 4) наименование и местонахождение храма, где было совершено венчание;
- 5) печать;
- 6) дата выдачи.

Оба свидетельства, о крещении и о венчании, могут понадобиться и при поступлении в духовную семинарию. В случае утраты свидетельства о крещении или венчании и необходимости подтвердить прохождение таинства, по месту его совершения выдается соответствующая справка. Свидетельство о смерти не оформляется и не выдается.

Таким образом, в религиозных практиках с древнейших времен и до настоящего времени документ выступает как инструмент исполнения ритуалов, поддержания традиций и сохранения обычаев. В процессе исследования мы пришли к выводу, что неотъемлемой частью культуры является система документов, регулирующих поведение людей. Документ – продукт письменной эпохи, памятник культуры. Документ необходимо рассматривать в качестве специализированного артефакта, статусные характеристики которого предопределены целями и практическими задачами, выполняемыми им в обществе.

Список использованной литературы:

1. Воеводин А. П. Культурология: учебное пособие / А. П. Воеводин, Л. П. Воеводина, А. И. Атоян, А. В. Атоян, Ю. Ю. Полулях, Е. В. Скороварова, А. Ю. Галгаш; под. общ. ред. А. П. Воеводина – Луганск: изд-во ЛГАКИ им. М.Матусовского, 2019. – 280 с.
2. Илюшенко М. П. К вопросу о функциях документов // Советские архивы, 1973. - №5. – С.13.
3. Дильтей В. Введение в науки о духе: опыт полагания основ для изучения истории и общества [1883] // Дильтей В. Собр. соч. в 6 т. пер. с нем. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. Т.1.С.325.

4. Гиртц К. Интерпретации культур. – М.: РОСПЭН, 2004. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/girc/ ; Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – С.48.
5. Илизаров Б. С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (В свете представлений о социальной памяти) // Вопросы философии, 1983. – С.63.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва : Мир и Образование : ОНИКС, 2012. – 1375 с.
7. Барсов Н. Канон // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А.Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон. – Т.14. – 1895. – С.306 – 308.
8. Устав Русской Православной церкви. Принят на Архиерейском соборе 2000 г. с поправками, внесенными Определениями архиерейских соборов 2008 и 2011 гг. В исправленной и дополненной редакции 2013 г. Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата // URL: <http://www.patriarchia.ru> (Дата обращения: 15.02.2021)
9. Издательство Московской Патриархии выпустило в свет новые метрические книги и богослужебный журнал. [Электронный ресурс]. Портал Христиане. Info: [Режим доступа]: URL: <http://hristiane.info/novosti/izdatelstvo-moskovskoy-patriarhii> (Дата обращения: 15.02.2021)

Abramova E.G.

DOCUMENT AS AN ATTRIBUTE OF MODERN SPIRITUAL CULTURE.

Annotation. The article discusses the problem of understanding the role of a document in culture, where it appears as an instrument of cultural practices, cultural industries and technologies, as a tool for storing and transmitting traditions. It is shown that the document acts as a constructor of moral and behavioral norms of an individual, affects society as a whole, determining the direction and possibilities of its development. The author claims that in religious practices from ancient times to the present, the document acts as an instrument for performing rituals, maintaining traditions and preserving customs; that an integral part of culture is a system of documents regulating people's behavior. The document is a product of the written era, a cultural monument. Abramova E.G. proposes to consider a document as a specialized artifact, the status characteristics of which are predetermined by the goals and practical tasks performed by it in society.

Key words: culture, document, artifact, spiritual potential of the document, cultural function.

References

- 1.Voevodin A. P. Kul'turologiya: uchebnoe posobie / A. P. Voevodin, L. P. Voevodina, A. I. Atoyana, A. V. Atoyana, YU. YU. Polulyakh, E. V. Skorovarova, A. YU. Galgash; pod. obshch. red. A. P. Voevodina – Lugansk: izd-vo LGAKI im. M.Matusovskogo, 2019. – 280 s. [Voevodin A. P. Culturology: textbook / A. P. Voevodin, L. P. Voevodina, A. I. Atoyana, A. V. Atoyana, Yu. Yu. Polulyakh, E. V. Skorovarova, A. Y. Galgash; under. total ed. A.P. Voevodin - Lugansk: publishing house of Leningrad State Academy of Arts named after M. Matusovsky, 2019 . – 280 p.]
- 2.Ilyushenko M. P. K voprosu o funkciyah dokumentov // Sovetskie arhivy, 1973. - №5. – S.13. [Ilyushenko MP On the question of the functions of documents // Soviet archives, 1973. - №5. - P. 13.]
- 3.Dil'tej V. Vvedenie v nauki o duhe: opyt polaganiya osnov dlya izucheniya istorii i obshchestva [1883] // Dil'tej V. Sobr. soch. v 6 t. per. s nem. M.: Dom intellektual'noj knigi, 2000. T.1.S.325. [Dilthey V. Introduction to the sciences of the spirit: the experience of laying the foundations for the study of history and society [1883] // Dilthey V. Sobr. op. in 6 volumes. with him. Moscow: House of Intellectual Books, 2000. Vol.1.C.325.]
- 4.Girtc K. Interpretacii kul'tur. M.: ROSPEN, 2004. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/girc/; Smelzer N. Sociologiya: per. s angl. M.: Feniks, 1994. S.48. [Geertz K. Interpretations of cultures. - M. : ROSPEN, 2004. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/girc/; Smelzer N. Sociology: trans. from English - M. : Phoenix, 1994 . – P.48.]
- 5.Ilizarov B. S. Rol' retrospektivnoj social'noj informacii v formirovanii obshchestvennogo soznaniya (V svete predstavlenij o social'noj pamyati) // Voprosy filosofii,1983. S.63. [Ilizarov BS The role of retrospective social information in the formation of public consciousness (in the light of ideas about social memory) // Problems of Philosophy, 1983. - P.63.]
- 6.Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov ; pod obshch. red. L. I. Skvortcova. - 28-e izd., pererab. – Moskva : Mir i Obrazovanie : ONIKS, 2012. – 1375 s. [Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language / S. I. Ozhegov; under total. ed. L. I. Skvortsova. - 28th ed., Rev. - Moscow: Peace and Education: ONIX, 2012 . – 1375 p.]
- 7.Barsov N. Kanon // Enciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza i I.A.Efrona. SPb. : Brokgauz-Efron. T.14. 1895. S.306 – 308. [Barsov N. Canon // Encyclopedic Dictionary of FA Brockhaus and IA Efron. - SPb. : Brockhaus-Efron. - T.14. - 1895 . – p. 306 - 308.]
- 8.Ustav Russkoj Pravoslavnoj cerkvi. Prinyat na Arhierejskom sobore 2000 g. s popravkami, vnesennymi Opredeleniyami arhierejskih soborov 2008 i 2011 gg. V ispravlennoj i dopolnennoj redakcii 2013 g. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov'. Oficial'nyj sajt Moskovskogo Patriarhata // URL: <http://www.patriarchia.ru> (Accessed: 15 February 2021) [Charter of the Russian Orthodox Church. Adopted at the Council of Bishops in 2000 as amended by the Determinations of the Councils of Bishops in 2008 and 2011. In the revised and supplemented edition of

2013, the Russian Orthodox Church. Official website of the Moscow Patriarchate // URL: <http://www.patriarchia.ru> (Date of access: 15.02.2021)]

9.Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarii vypustilo v svet novye metricheskie knigi i bogosluzhebnyj zhurnal. [Elektronnyj resurs]. Portal Hristiane. Info: [Rezhim dostupa]: URL: <http://hristiane.info/novosti/izdatelstvo-moskovskoy-patriarii> (Accessed: 15 February 2021) [The publishing house of the Moscow Patriarchate has published new metric books and a liturgical journal. [Electronic resource]. Portal Christians. Info: [Access mode]: URL: <http://hristiane.info/novosti/izdatelstvo-moskovskoy-patriarii> (Date of access: 15.02.2021)]

Сведения об авторе

Абрамова Э. Г. – аспирант кафедры культурологии Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского
E-mail: elechka_abramova@mail.ru

E. G. Abramova – Postgraduate at the Department of Cultural Studies of the Luhansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky
E-mail: elechka_abramova@mail.ru

УДК: 3.378

КУЛЬТУРОСООБРАЗНОСТЬ ВОСПИТАНИЯ

Филатьева Т. В.

***Аннотация.** В статье рассматривается воспитание как процесс формирования личности в системе культуры. Автор рассматривает понятие воспитания средствами культуры. В статье указано, что воспитание и образование – это самостоятельные системы формирования человека. Воспитание – это более древнее явление, возникшее с появлением общества, а образование – возникло с появлением письменности и школы. Главными средствами воспитания в системе культуры являются ценности, которые необходимо беречь и приумножать. Воспитание можно рассматривать как способ существования и воспроизводства культуры, так как понятие воспитания отражает процесс становления человека в социокультурном пространстве. Воспитание – это инструкция к действию, хотение, идеология. Предметом воспитания есть создание системы стимулов к социальной активности. Воспитание в системе культуры является путем обретения некоторой ценностной системы и ее составляющих. В результате исследования автор пришел к выводу, что воспитание ценностей – это трудоемкий процесс, средствами которого являются искусство и художественная культура, а инструментом – эстетическое воспитание.*

***Ключевые слова:** воспитание, культура, ценности, эстетическое воспитание, образование, цели, задачи, человек культуры, культуросообразность.*

Современные тенденции в образовательной системе требуют культурфилософского обоснования. Науки, связанные с формированием человека, требуют уточнения понятия «человек». Человек – это субъект общественно-исторического процесса, развития материальной и духовной культуры; это существо общественное, которое обладает разумом и сознанием, нравственными качествами; это элемент природы, который способен производить орудия труда, продукты культуры. Все эти понятия отражают деятельность человека, то есть его активность, направленную на достижение цели, представляющей интересы, потребности личности. Среди видов деятельности человека можно выделить материальную, трудовую (производственную) и духовную. Реализацию указанных видов деятельности обеспечивают человеческие способности. Именно воспитание является инструментом развития способностей.

В последние десятилетия в педагогической общественности стали обращаться к культурологическим смыслам образования и воспитания. Образование и воспитание

– две категории, которые вызывают у ученых постоянные дискуссии: что важнее в жизни человека? Образование и воспитание единый процесс?! Что первично? Попробуем разобраться в этих вопросах.

Воспитание как явление появилось с возникновением человеческого общества и развивалось вместе с ним. А образование возникло с появлением письменности и школы. Образование с позиции ценностных характеристик рассматривается как развитие субъективных возможностей и сил человека, позволяющих ему осваивать человеческий образ жизни, то есть получать «образ человеческий». Поэтому стержнем образования есть опыт созидания человеком себя и своей жизнедеятельности, продвигаемый духовными ценностями и культурными нормами. С позиций ценностных смыслов задача образования – сформировать человека знающего, подготовленного к жизни, к ориентации в современной культуре, способного осознать свое место в мире. Главный смысл образования заключается в формировании когнитивных показателей личности.

Смысл воспитания состоит в формировании культурных ценностей (идей, вещей, явлений, смыслов конкретного общества), которые несут в себе позитивную значимость для человека. Смыслы воспитания классифицируют по источникам возникновения, по когнитивной направленности и составу содержания. Миссия воспитания заключается в работе со смыслами, ценностями, системой ценностно-смысловых отношений человека к миру, обществу, государству, человеку, к себе как личности. Поэтому ценности – есть ключевое понятие воспитания, его базис.

К вопросам ценностно-смысловой направленности воспитания, его аксиологическую составляющую рассматривали Б. Битинас, И. Зимняя, И. Колесникова, В. Караковский, М. Полякова, Н. Щуркова и др.. Деятельностную природу воспитания, как задающую цели и стратегии жизнедеятельности воспитанников в своих трудах рассматривали К. Альбуханова-Славская, А. Асмолов, В. Андреев, В. Давыдов, С. Рубенштейн и др.. Воспитание как субъектную позицию участников воспитательного процесса, определяющую его диалоговый характер представлено в работах В. Горшкова, В. Библер, И. Колесникова, С. Курганов и др. В трудах В. Ильина, Л. Новиковой, Н. Селивановой, Е. Степанова показана целостность воспитания, связанная с системной организацией воспитательного процесса.

Целью статьи является рассмотрение понятия воспитания в системе культуры, воспитания как идеологического процесса формирования человека.

В современном образовательном пространстве можно выделить качественные изменения: ориентация на поликультурность в содержании образования и воспитания; изменение структуры формального образования; приобретение высшим образованием массового характера [1, С.16].

В данных условиях образовательный процесс становится средством решения социокультурных проблем, проникая во все сферы жизнедеятельности социума; фиксирует в себе новые компоненты и формы человеческой активности, становясь самоценными. Что приводит к противоречию, потому что создание всеобщей образовательной сети сосредотачивает в себе запрограммированные потери ориентации на личность не как на социальную форму, а как на интеграцию

индивидуальных и непрограммируемых черт, качеств, свойств, характеристик в культуре.

Массовость образования приводит к тому, что образование теряет свои смыслы в культуре, исходя из этого, оно перестает быть культурной ценностью. Таким образом, необходимо искать выход из сложившейся ситуации аксиологического кризиса образовательно-воспитательного процесса. Образование и воспитание как две системы, обеспечивающих формирование личности, могут существовать обособленно.

Так, до начала XX века сохранилось генетическое единство культуры и образования: центры образования были одновременно и центрами культуры. Образование как целостная система отвечает за воспроизводство культуры, культура в свою очередь неотделима от общества. Таким образом, образование – это инструмент воспроизводства культуры, это часть культуры. В XX веке обособились научные и художественные направления культуры, но на рубеже XXI века (появились СМИ, Интернет) перед образованием возникла проблема восстановления культурной целостности. Поэтому человечеству необходимо повышение значения культуры. Современная ситуация создает многообразие культур, что дает основание для мультикультурности образовательно-воспитательного процесса.

Воспитание – это ответственный процесс в формировании человека. Употребление термина «воспитание» возможно в широком и узком смысле. В широком смысле воспитание – это передача накопленного социального опыта, норм, ценностей от поколения к поколению. Из этого следует, что воспитание есть воспроизводство культуры.

В узком смысле воспитание представляет собой специально организованное влияние на человека со стороны общественных институтов, отдельных личностей с целью формирования у него определенных качеств, норм, взглядов, ценностей и т.д..

Воспитание как общественное явление – сложный и противоречивый социально-исторический процесс вхождения, включения личности в жизнь общества; в быт, общественно-производственную деятельность, творчество, духовность; становление их людьми, развитыми личностями, создателями собственного счастья. Оно обеспечивает общественный прогресс и преемственность поколений [2].

В социальном смысле воспитание – это целенаправленный процесс, осуществляемый системой учебно-воспитательных учреждений, который отождествляется с процессом становления личности, усвоения нею ценностей, установок, норм и образцов поведения, характерных для данного социума [2].

Воспитание как социальный институт определяет исторически сложившиеся формы деятельности членов общества, взаимодействие между которыми способствует формированию личности определенного социума, в определенных условиях. Поэтому воспитание как социальный институт выполняет функцию сплочения общества, которая осуществляется через создание условий для полноценного развития индивида, удовлетворения его потребностей; подготовку нового поколения, нового человека культуры, необходимого для стабильной эволюции общества; учет профессиональных, половозрастных интересов, что позволяет регулировать поведение человека в обществе.

По сути, воспитание можно рассматривать как способ существования и воспроизводства культуры, так как понятие воспитания отражает процесс становления человека в социокультурном пространстве. Воспитание – это инструкция к действию, хотение. Предметом воспитания есть создание системы стимулов к социальной активности.

Рассмотрим взгляды ученых на воспитание в системе культуры. Вопросы инкультурации человека средствами воспитания в своих трудах раскрыл М. Каган. Он утверждал, что у человечества есть два величайших изобретения: семья и школа. Благодаря этим социальным институтам человек становится культурным существом. Кроме того, М. Каган разработал проблему предметов искусствоведческого цикла в образовательной школе. Исследователь утверждал, что процесс воспитания личности должен основываться на культурных ценностях. Действительно, приобщение человека к аксиологии культуры формирует в личности мировоззренческие позиции, умение обосновывать собственную точку зрения.

Так, М. Каган поясняет воспитание как процесс «восхождения к субъектности» ребенка. Субъектность понимается как динамическая характеристика бытия человека, которая может быть понята только как процесс. Данное понимание теории и практики воспитания приводит к необходимости выделения процессуальных характеристик воспитания, среди которых – интенциональность (направленность на сознание), стадийность, нелинейность и ситуативность.

Интенциональностью называют врожденную структуру, которая не поддается и подвергается прижизненному формированию. Интенциональность сознания выражает направленность переживаний на предмет; соотнесение с предметами опыта; чувственную и интеллектуальную интуицию; интенциональные объекты-феномены.

Ш. Бюлер утверждает, что условия среды и воспитания лишь меняют формы выражения интенциональности, не преобразуя ее сущности. Е. Бондаревская обосновывает понятие «культуросообразное воспитание». Основой такого воспитания автор видит идею ценности, саморазвития ребенка как творческой личности. Кроме того, Е. Бондаревская выделяет компоненты культуросообразного воспитания: 1) человек культуры как предмет воспитания; 2) культура как среда, растящая и воспитывающая личность; 3) творчество как способ развития человека в культуре. Так, Е. Бондаревская выделяет цель воспитания средствами культуры: образ человека культуры как гуманной, духовной, творческой личности. Кроме того, воспитание человека культуры «включает практическую подготовку его к жизни в определенном культурном пространстве» [3].

Принцип культуросообразности в педагогике является основанием для интеграции культуры и учебно-воспитательного процесса. В основе этого принципа лежит понимание педагогического процесса как составляющей культуры общества, семьи, которая базируется на опыте воспитания и обучения прошлых поколений. В процесс воспитания специалистов в области искусства и культуры необходимо активно внедрять принцип культуросообразности, основывающийся на общечеловеческих ценностях с учетом специфики этнической, региональной, семейной культур; формировать умения человека адаптироваться к разным пластам культуры (бытовой, физической, сексуальной, материальной, духовной, политической,

экономической, нравственной, интеллектуальной и др.); способности не только сохранять и потреблять, но и создавать новые культурные ценности [2].

Принцип культуросообразности в процессе воспитания является ключевым в системе взаимодействия воспитания и культуры. Он основывается на общечеловеческих ценностях культуры, поэтому воспитание должно строиться на общечеловеческих нормах и ценностях, на национальных особенностях культуры.

Исходя из этого, культуросообразное воспитание можно рассматривать как деятельность по управлению, поддержке и сопровождению процесса становления человека субъектом культуры, которое строится на таких показателях: освоение норм общества (социально-нормативный аспект), творческое саморазвитие (индивидуально-смысловой аспект), жизненное самоутверждение (ценностно-деятельностный аспект).

Среди целей воспитания по принципу культуросообразности выделяют: приобщение человека к разным пластам мировой культуры, культуры собственного этноса; выработку разных способов адаптации к изменениям, происходящим в самом человеке и окружающем мире; выработку умений находить способы минимизации отрицательных последствий инноваций. Важным в реализации данного принципа воспитания является установление баланса между общечеловеческими ценностями культуры и ценностями конкретного этноса.

Е. Ямбург утверждает, что воспитание в системе культуры – это процесс передачи ценностей культуры последующим поколениям. В. Сериков говорит о том, что «передача культуры» - это внешняя сторона воспитания. Воспитание – это процесс личностно образующий, отличный от научения, привития, дрессировки. Из этого следует иррациональность воспитания, его неодинаковость для вовлеченных в него субъектов. Воспитание разных людей, казалось бы, в одних и тех же условиях (среде), дает различных субъектов [3].

В процессе воспитания первоначально личность – это объект, так как изначально родители помогают ребенку стать человеком, освоить ценности культуры. Субъектами становятся постепенно. Субъектность заключается в саморазвитии, самоутверждении, которые в процессе воспитания проявляются в форме самопознания человека, осознания ним самого себя, своих возможностей, особенностей, недостатков, а также в форме самооценки.

Исходя из данных рассуждений, можно утверждать, *что воспитание в системе культуры понимается как целостный ценностно-смысловой диалог педагога-воспитателя и воспитанника как субъектов процесса жизнедеятельности.*

Воспитание в системе культуры является путем обретения некоторой ценностной системы и ее составляющих. Исходя из этого, мы можем рассматривать воспитание как формирование определенной ценностной системы, обретение подходящей для данной личности эмоционально-ценностной ориентации. Поэтому, воспитание в культурологической парадигме можно рассматривать в узком и широком смысле. В узком смысле воспитание в системе культуры начинается в семье и продолжается в разных социальных институтах, которые человек проходит по жизни, целью которых есть воспитание.

В широком смысле воспитание складывается из разных, не связанных между собой воздействий на формирование ценностной системы личности. В данной

трактовке факторами воспитания могут быть книги, СМИ, друзья и т.д., то есть все субъекты воспитательного процесса, которые не ставят главной целью воспитание. Эмоционально-ценностные ориентации человека формируются до 20 лет. После 20 лет возможны изменения в ценностной системе и мировоззрении человека, но этот процесс будет зависеть только от психофизиологического состояния человека. Если человек поддается внешним влияниям, он может под воздействием определенных факторов изменить свое мировосприятие, ценностные ориентации.

Таким образом, мы говорим о том, что воспитание в системе культуры воспринимается как двойкий процесс, в котором культура рассматривается как цель и как прогнозируемый результат воспитания. Выделим цели воспитания в системе культуры. Е. Бондаревская утверждает, что целью воспитания человека культуры есть воспитание гуманной, духовной, творческой личности, способной адаптироваться к определенному социокультурному пространству.

В. Слободчиков и Е. Исаев выделяют пять результатов воспитания человека культуры: - воспитание личности; - воспитание человека как субъекта жизнедеятельности, способного прожить жизнь достойную человека; - воспитание как раскрытие природных задатков, осуществление человека как индивида; - воспитание человека как творческой индивидуальности, раскрывающей свой оригинальный потенциал в окружающем мире; - обретение человеком универсальности в мире, духовное развитие человека в процессе воспитания [4].

Выделенные результаты и цели воспитания человека культуры ориентированы на формирование человека творческого, способного к самореализации, адаптации в современном социокультурном пространстве. А главным педагогическим средством воспитания человека культуры можно назвать систему явлений культуры.

Таким образом, процесс воспитания в системе культуры рассматривается как взаимодействие в социокультурной среде, как двусторонний процесс, то есть как диалог. Сначала происходит индивидуальное становление личности, которая в последствии нуждается в общении с окружающими, происходит процесс воспитательного взаимодействия, так как любой контакт оказывает влияние на формирование личности в социуме. Так, одним из таких контактов есть воспитатель-педагог, который не демонстрирует воспитаннику готовые образцы нравственной и духовной культуры, а создает их вместе со своим подопечным. Поэтому, мы можем говорить, что содержанием воспитательного процесса в системе культуры является совместный поиск ценностей, норм и законов жизнедеятельности определенного социума в разных формах культуры. Воспитание ценностей – это трудоемкий процесс, средствами которого являются искусство и художественная культура, а инструментом – эстетическое воспитание.

Проблема воспитания в системе культуры не раскрыта достаточно на сегодняшний день, поэтому является перспективной и нуждается в дальнейшей разработке воспитания как идеологического процесса становления личности.

Список использованной литературы:

1. Бенин В. Л., Педагогическая культурология или культурологический взгляд на педагогику / Бенин В. Л. // Инновационные проекты и программы в

образовании. – М. : Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Академия социального управления», 2011. - № 3. – С. 13 – 17.

2. Полякова М. В., Концепты теории воспитания [Текст]: практ.-ориентир. моногр. / М. В. Полякова. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2010. – 172 с.

3. Ибашьян К. Ф. Культурологические основы в системе воспитания человека культуры / К. Ф. Ибашьян // Аналитика культурологи. – Тамбов : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», 2007. - № 7. – С. 189 – 191.

4. Слободчиков В. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для вузов / Слободчиков В. И., Исаев Е. И. – М. : Школа-Пресс, 1995. – 384 с.

T. V. Filatyeva

CULTURAL CONFORMITY OF EDUCATION

The article deals with education as a process of personality formation in the system of culture. The author considers the concept of education by means of culture. The article states that upbringing and education are independent systems of human formation. Education is an older phenomenon that arose with the advent of society, and education-arose with the advent of writing and school. The main means of education in the system of culture are the values that must be protected and multiplied. Education can be considered as a way of existence and reproduction of culture, since the concept of education reflects the process of becoming a person in the socio-cultural space. Education is an instruction for action, a desire, an ideology. The subject of education is the creation of a system of incentives for social activity. Education in the system of culture is the way of acquiring a certain value system and its components. As a result of the research, the author came to the conclusion that the education of values is a labor – intensive process, the means of which are art and art culture, and the tool is aesthetic education.

Keywords: education, culture, values, aesthetic education, education, goals, tasks, cultural person, cultural conformity.

References

1. Benin V. L., Pedagogicheskaya kul'turologiya ili kul'turologicheskii vzglyad na pedagogiku / Benin V. L. // Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii. – М. : Gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya Moskovskoi oblasti «Akademiya sotsial'nogo upravleniYA», 2011. - № 3. – S. 13 – 17. [Benin V. L., Pedagogical, cultural studies or cultural perspective on pedagogy / Benin V. L. // Innovative projects and programs in education. – М. : State budget educational institution

of higher education of the Moscow region "Academy of social management", 2011. - No. 3. – P. 13 – 17].

2. Polyakova M. V., Kontsepty teorii vospitaniya [Tekst]: prakt.-orientir. monogr. / M. V. Polyakova. Ekaterinburg: Izd-vo GOU VPO «Ros. gos. prof.-ped. un-T», 2010. – 172 s. [Polyakova, the Concepts of theory of education [Text]: pract.- landmark. monogr. / M. V. Polyakova. Yekaterinburg: Publishing house of GOU VPO " Russian state prof. - ped. un-t", 2010 – 172 p.]

3. Ibash'yan K. F. Kul'turologicheskie osnovy v sisteme vospitaniya cheloveka kul'tury / K. F. Ibash'yan // Analitika kul'turologi. – Tambov : Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya «Tambovskii gosudarstvennyi universitet imeni G. R. DerzhavinA», 2007. - № 7. – S. 189 – 191. [Ibashyan K. F. Kulturological bases in the system of education of a person of culture / K. F. Ibashyan // Analytics of cultural studies. Tambov: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Tambov State University named after G. R. Derzhavin", 2007. - No. 7. - p. 189-191]

4. Slobodchikov V. I. Osnovy psikhologicheskoi antropologii. Psikhologiya cheloveka: Vvedenie v psikhologiyu sub"ektivnosti. Uchebnoe posobie dlya vuzov / Slobodchikov V. I., Isaev E. I. – M. : Shkola-Press, 1995. – 384 s. [Slobodchikov V. I. Fundamentals of psychological anthropology. Human Psychology: An Introduction to the psychology of subjectivity. Textbook for universities / Slobodchikov V. I., Isaev E. I.-M.: School-Press, 1995. - 384 p.]

Сведения об авторе

Филатьева Татьяна Владимировна – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии Луганской государственной академии культуры и искусств имени М.Матусовского
E-mail: Filateva81@gmail.com

Tatyana V. Filatyeva – associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural Studies Luhansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky
E-mail: Filateva81@gmail.com

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 329.11

РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ: ДУХОВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ЕГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кузьмин П. В., Халанская Л.Г.

***Аннотация.** В статье предпринята попытка анализа роли консервативной идеологии и практики в современном российском обществе, формируются ключевые ценности российского консерватизма, рассматриваются условия развития консерватизма в современной России. Целью статьи выступало выяснение роли консерватизма как идеологии и практики на современном этапе развития российского общества. Задачи заключались в осмыслении ключевых положений славянофилов в становлении русского консерватизма; формировании совокупности ценностей российского консерватизма, актуальных в современных условиях; рассмотрении некоторых условий развития консерватизма в современной России.*

В результате исследования были сделаны выводы о том, что обращение к консервативным ценностям в России после распада СССР стало ответом на вызовы российского общества на создание здесь сильного, суверенного, социального государства, развитие современной экономики, решение демографических проблем, укрепление семьи, преодоление бедности. Актуализация совокупности консервативных ценностей в России в современных условиях преимущественно стало интеллектуальным течением. Оно не привело пока к политической консолидации его сторонников, способных формировать и проводить определенную политику. Одновременно существуют публичные заявления политиков, в том числе и Президента Российской Федерации В.В. Путина, о приверженности к консерватизму в современной российской общественно-политической практике.

***Ключевые слова:** консерватизм, русский консерватизм, славянофильство, ценности современного российского консерватизма, Россия.*

Общественно-политическая практика России в 1990-е годы показала, что либеральные ценности, навязываемые российскому обществу, были отклонены им. Одновременно данные многочисленных опросов свидетельствуют, что россияне тяготеют к консервативным ценностям. В обществе существуют вызовы, связанные с созданием в России сильного, суверенного, социального государства, утверждением принципов справедливости, ценностей нравственности, прочной моногамной семьи.

Осмысление этих и других ценностей, являющихся частью консерватизма, реализация которых может способствовать развитию и модернизации России, является актуальной задачей исследовательской деятельности.

Целью настоящей статьи является выяснение роли консерватизма как идеологии и практики на современном этапе развития российского общества.

Задачи авторов состоят в следующем: осмысление ключевых положений славянофилов в становлении русского консерватизма; формирование совокупности ценностей российского консерватизма, актуальных в современных условиях; рассмотрение некоторых условий развития консерватизма в современной России.

Новизна статьи заключается в комплексном исследовании практики консерватизма в наиболее актуальных политических реалиях российского государства в ее взаимосвязи с теоретическими основами отечественных авторов консерватизма, как идейного течения.

Выяснение возникновения российского консерватизма непростая задача. Ее решение требует, прежде всего, рассмотрения взглядов на сущность и содержание консерватизма вообще. Поэтому обратимся к существующим определениям консерватизма. Составители энциклопедического словаря «Политология», например, трактуют его как «политическую философию, ориентированную на защиту традиционных устоев общественной жизни, незыблемости ценностей, отрицание революционных изменений и недоверие к народным движениям» [16, с.139–141].

В энциклопедии Кирилла и Мефодия консерватизм рассматривается как совокупность разнородных идейно-политических и культурных течений, опирающихся на идею традиции и преемственности в социальной и культурной жизни [2].

Приведем еще одно определение консерватизма, закрепленное в энциклопедии «Британика». По мнению ее авторов, консерватизм представляет собой «приверженность институтам и практике, которые появились в результате исторической эволюции и которые, таким образом, демонстрируют преемственность и стабильность» [2].

Различия в изложенных определениях есть. Отметим, что определение в «Британике» указывает на классическую эволюцию консерватизма, свойственную Западу. Оно вряд ли приемлемо для России, которая в XX столетии пережила несколько революционных катаклизмов, изменяющих социально-политические устои государственности, а также духовно-мировоззренческую составляющую общества. Это «обесточивало» российский консерватизм, лишало его творческого начала, так как сохранение требует большого творчества. Прошедшие революции препятствовали созданию социальной почвы российского консерватизма.

Выясняя суть консерватизма, важно уточнение содержание традиции, а точнее – какие традиции можно и нужно относить к устоявшимся, а какие нет. Не вступая в дискуссию по этому аспекту, отметим лишь, что существует различные точки зрения. Во-первых, включение в российский консерватизм всех ценностей – российских имперских, советских и постсоветских; во-вторых, включение в консерватизм двух групп традиций – имперской и советской, исключение из составляющих современного консерватизма всего того, что связано с либеральным западным, а стало быть, и с советским опытом.

Чтобы определиться с тем, какой из взглядов на традиции в консерватизме актуальнее, обратимся еще к одной точке зрения, помогающей решению этой задачи.

Н.К. Поздняков, в связи с этим, пишет, что консерватизм и традиции, консерватизм и традиционализм имеют общие основания (в том смысле, что многие явления обнаруживают их общую природу). Но, с другой стороны, эти явления не являются тождественными. «Можно утверждать, – указывает исследователь, – все консервативное традиционалистично, но не все традиционалистическое консервативно. Только когда традиционалистическая ориентация обретает черты консервативного способа мышления (стиля), можно говорить о содержательной антипрогрессистской направленности» [15, с. 239].

Традиции, относящиеся к числу консервативных, исходят из исторической памяти фактических периодов развития народов и государств. Традиции такого рода не подвержены сомнениям, не проходят во времени.

В.К. Павленко, исследуя рассматриваемый аспект консерватизма, отмечает, что «консерватизм в России – это прежде всего приверженность определенным социальным, культурным и духовным традициям, сохраняющим актуальность при каждом из сменяющихся политических режимов. Особую роль в обеспечении синтеза этих начал играет взаимодействие традиционных российских конфессий» [14, с. 81].

Важным аспектом осознания русским консерватизмом своей идентичности является решение им вопроса об отношении к славянофильскому наследию. Мы не ставим своей задачей детальный анализ идей и положений этого наследия – достаточно сложного и в известной степени разнородного. Но подчеркнем, прежде всего, что в славянофильстве получила наиболее глубокое обоснование центральная идеологема дореволюционного русского консерватизма – «православие, самодержавие, народность».

Отметим также, что в философском наследии ранних славянофилов (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, К.С. Аксаков, И.С. Аксаков) сильно звучит дух «русского мессианства». Принцип общинности, о котором писал А.С. Хомяков, являлся частью разработанной им идеи православно-церковной соборности. Церковный собор, по А.С. Хомякову, есть выражение идеи «единства во множестве». «Единство же Церкви не мнимое, не иносказательное, но истинное и существенное, как единство многочисленных членов в живом теле» [21, с. 3].

А.С. Карцов в своей статье «Русский консерватизм: в поисках идентичности» отмечает и такую черту ранних славянофилов – несомненный нравственный авторитет. Он пишет: «Благодаря же, во-первых, незаурядности своих дарований, а во-вторых, тому, что их творчество не пришлось на пик консервативно-либерального (не говоря уже о консервативно-радикальном) противостоянии и соответственно не несло следов яростной полемики со всеми ее издержками, ранние славянофилы даже противоположным лагерем воспринимались не столько адептами определенного идеологического течения, сколько в качестве деятелей русской культуры в полном и лучшем смысле этого слова» [7, с. 409].

Рассматривая идентичность русского консерватизма, нельзя обойти личности и труды поздних славянофилов – Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, В.И. Ламанского. Н.Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа» пишет об откровенной враждебности западной цивилизации к русской, а также и к другим не западным цивилизациям, что неизбежно обернется конфликтами, инициаторами которых

выступит Запад. Ученый указывает, что «Россия не иначе может занять достойное себя и славянства место в истории, как став главой особой, самостоятельной политической системы государства и служа противовесом Европе во всей ее общности и целостности», что «всеславянский союз есть единственная твердая почва, на которой может возрасти самобытная славянская культура» [5, с. 475]

К.Н. Леонтьев Россию рассматривал как особую «оригинальную славяно-азиатскую цивилизацию». С его точки зрения, русская нация – есть «из всех славянских наций самая неславянская и в то же время самая славянская». В первом случае коренное отличие русских он видит «по составу (быть может, и по крови), по психическому и умственному строю» от всех других славян; во-втором случае фиксируется внимание на тех качествах русской нации, которые были не свойственны ни европейцам, ни азиатам в чистом виде, но создают новую качественную евразийскую славянскую этическую общность. В этом подлинная историческая миссия русских: «только из более восточной, из наиболее, так сказать, азиатско-туранской нации в среде славянских наций может выйти от Европы духовно независимое» [13, с. 608].

В.И. Ламанский был не просто славянофилом, но и крупным ученым славистом, основоположником исторической школы славистики. В работах В.И. Ламанского содержится целый ряд идей и положений геополитического характера. Он обосновал географическую противоположность двух миров – преобладание «материка» над «берегом» на греко-славянском Востоке, большая пространственность которого породила единое государство с обширной территорией, в то время как «разделенность географических условий» романо-германского мира на Западе предопределила невозможность создания единого государства.

В своем главном геополитическом труде «Три мира Азиатско-Европейского материка» В.И. Ламанский рассматривал три геополитические составляющие: «1) собственно Европа, 2) собственная Азия и 3) средний мир, т.е. ненастоящая Европа и ненастоящая Азия» [10, с. 185].

Таким образом, славянофилы при всем разнообразии их взглядов, стремились сохранить неповторимое духовное и социокультурное своеобразие русского народа. Ключевые смыслы наследия славянофилов – самобытность России и ее фундаментальное отличие от стран Запада.

Рассуждения по поводу консервативной идентификации будут неполными, если мы, хотя бы вкратце не остановимся на таком аспекте как соотношение понятий «русский консерватизм» и «консерватизм западный». На наш взгляд, указанные явления можно рассматривать как отношение общего и частного. Укажем, в связи с этим, на фундаментальные постулаты западного консерватизма, изложенные в работах Э. Берка, Ж. де Местра, Л. Де Бональда. Это, во-первых, понятие естественной аристократии, к которой относятся, по Берку, не только дворяне, но и богатые коммерсанты, образованные люди, законники, ученые, артисты. Богатство по соображениям разума и политики заслуживают привилегированного общественного положения, в противном случае возможны «рецидивы революции». Во-вторых, важную роль играет понятие традиционализма. Традиция противопоставляется разуму и ставится над ним. Традиционализм лежит в основе понимания изменения,

обновления, реформ, проведение которых не должно нарушать естественного хода вещей [9, с. 599].

Продолжая рассуждения о связи русского консерватизма с западным, на наш взгляд, западный (первоначальный) консерватизм содержит идеи и положения, на которые можно опираться, анализируя русский консерватизм. Одновременно, мы исходим из того, что любой консерватизм национален. Он ориентирован на сохранение традиционных ценностей народа данной страны, а не каких-то абстрактных ценностей. Консерватизм в России не может повторять консерватизм западного пути, поскольку механизм модернизации западных обществ иной в сравнении с Россией.

Выясняя суть, содержание и социальную роль консерватизма обратимся к мыслям русского мыслителя и писателя Н.А. Бердяева. В своем письме «О консерватизме», указывая на социальную роль консерватизма, он пишет, что «консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи, соединяет будущее с прошлым... Консерватизм... имеет духовную глубину, обращен к древним истокам жизни, он связывает себя с корнями... верит в существование нетленной и неистребимой глубины» [3, с.109].

Принципиально важными положениями Н.А. Бердяева являются также следующие: «...смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур» [3, с. 119]; «консервативное начало не есть начало насилующее и не должно быть им. Это свободно-организующее начало. В нем есть здоровая реакция против насилия над органической природой, против покушения на убиение жизни, которая хочет быть дрящейся. Консервативное начало само по себе не противоположно развитию, оно только требует, чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать... Несчастлив удел народа, который не любит своей истории и хочет начать ее с начала» [3, с. 122]; «наибольшую свободу для человека дает сочетание начала консервативного с началом творческим, т. е. гармоническое развитие общественного космоса,.. если вы хотите, чтобы сохранилась о вас память и чтобы вы продолжали жить, то вы должны сохранить память о своих умерших предках и должны воскрешать их для жизни вечной» [3, с. 123].

Изложенное позволяет говорить, что консерватизм – это политическое и социокультурное течение, настаивающее на постепенности изменений общества с учетом возникших и существующих социальных вызовов, устоявшихся, оправдавших себя во времени коллективистских ценностей и традиций. Традиции мы рассматриваем как воспроизводимые в течение исторической практики, передающиеся из поколения в поколение элементы социального опыта и культурного наследия – нормы и образцы поведения, формы социальной организации, идеи, нравы, обычаи, обряды, ритуалы.

В консерватизме заложен большой потенциал для развития и сохранения без потрясений общественной системы. Консерватизм обладает неким охранительным началом, позволяющем обезопасить жизнь от разрушений, хаоса, деградации и

дегуманизации, защитить то, что дорого и важно в обществе, в семье, в политике, в обыденной жизни.

Духовное возрождение России связывают с поисками объединяющей системы ценностей, которые до сих пор не дали сколько-нибудь значимого результата. На какие базовые ценности должна опираться Россия?

Учитывая существующие сегодня для российского общества и государства вызовы, а также основываясь на сформулированные нами критерии, мы предлагаем следующую совокупность ценностей современного российского консерватизма. Первый критерий – поддержание порядка в обществе и государстве. В рамках этого критерия можно выделить следующие ценности: государственность, проявляющаяся в способности государственных институтов выражать интересы и волю российского народа; обеспечение реального суверенитета и надежной обороны страны; поддержание законности, дисциплины и порядка, без которых общество и государство не могут конструктивно развиваться; приверженность традициям (политическим, социальным, культурным и духовным), актуальным для развития современной России. Второй критерий – защита свободы и социальной справедливости. В соответствии с этим критерием актуальными являются следующие ценности: уважение к институту частной собственности; свобода и социальная справедливость; самоценность человеческой личности: коллективизм, приоритет общества над личностью; ценность труда, здоровья и образования; экологически здоровая среда обитания. Третий критерий – материально-технологическое развитие страны. Актуальными выступают следующие ценности: создание и реализация собственной, не «догоняющей» модели модернизации; обеспечение равноправия всех форм собственности, всех форм хозяйствования; внедрение в производство новых, перспективных технологий. Четвертый критерий – защита духовно-нравственных устоев общества. Этот критерий, на наш взгляд, охватывает следующие ценности: развитие и укрепление традиционного института моногамной семьи; развитие и защита духовности, общественной морали и национальной культуры; патриотизм как духовная основа единения, гармонизации российского общества, сохранения его самобытности; уважение к религии.

Исследователи А.В. Глухова [4], С.Ю. Иванова [6], О.А. Сиденко [19], В.И. Коваленко [9], В.А. Никонов [21] и другие справедливо считают, что в России консерватизм в конце XX–начале XXI века пришел на смену неудавшемуся либеральному проекту. Исторический период конца 1980-х гг.–1990-е годы, когда предпринималась попытка реализации либеральных ценностей, характеризуется крайне негативными последствиями для СССР (России): всеохватывающий экономический кризис, падение производства, закрытие многих предприятий, массовая безработица, ухудшение условий жизни большей части населения, инфляция, распад Советского Союза, рост преступности и ее проникновение во власть, распад системы государственного образования, здравоохранения и социального обеспечения, утрата Россией статуса великой державы, усиление зависимости от Запада.

В.И. Коваленко в связи с этим пишет, что «острие критики отечественные представители консерватизма направили против «плоской вестернизации», упирая на

ценности российской политической традиции, трактуемые как соборность, примат в обществе духовности, морального начала и т.п. Резко возрос интерес к основателям «русской идеи»; элементы консервативных принципов так или иначе стали проникать в звенья политической оппозиции, получать со временем все больший отклик во властных или околовластных структурах» [9, с. 604–605].

Консервативные идеи в известной мере были свойственны правившей в 1990-е годы партии «Наш дом – Россия» и ее оппоненту – КПРФ. Отметим, что в конце 1990-гг. идеи консерватизма в России оказали положительное влияние на общественные процессы. Они способствовали достижению общественного консенсуса по таким важным вопросам как укрепление территориального единства страны, упорядочению хода радикальных реформ за счет расширения регулирующих функций государства.

Рассматривая современный консерватизм в России, следует указать на его связь с патриотизмом, превратившимся во время правления В.В. Путина в устойчивую тенденцию общественно-политической жизни. Эта взаимосвязь в своей основе имеет традиционалистские установки, исторически связанные с двумя пластами отечественной истории – дооктябрьским 1917 года и советским. Составляющие патриотизма, сыгравшие существенную роль в формировании российской государственности, и сегодня оказывают доминирующее воздействие на политический процесс, развитие гражданского общества.

С нашей точки зрения, без опоры на базовые социокультурные ценности, в первую очередь, на патриотизм успех в развитии России невозможен. В свое время П. Сорокин отмечал: «...Рост русской нации и поддержание ее независимости и суверенитета могут быть достигнуты только благодаря величайшей преданности, любви и готовности ее членов жертвовать своей жизнью, своим состоянием и другими ценностями ради спасения своего Отечества в критические периоды» [18, с. 33].

Понятие «патриотизм» в массовом сознании имеет широкий спектр, содержащий сегодня, как показывают исследования, следующие составляющие: любовь к Родине – 69,3% опрошенных, любовь к своей семье, родным – 43,4%, любовь к родному городу, деревне, дому – 38,1%, уважение к народу – 33,8%, любовь к русской культуре – 32,9%, возрождение традиций российской государственности – 18,7%, стремление к социальной справедливости – 16,4%, возрождение традиций советского государства – 9,6% опрошенных [12, с. 147].

Развитию патриотизма в современной России свойственны противоречия: между ростом националистических проявлений и стремлением к сохранению многонационального общества; между выражением любви к Родине на словах и отсутствием конкретных действий для ее блага; между ролью образовательных учреждений, в том числе вузов, в формировании патриотизма у юношей и девушек и слабой реализацией воспитательного потенциала образовательных учреждений на практике.

Неотъемлемой частью и условием развития консерватизма в современной России является следование в морально-этической и духовной сфере положительным традициям российской истории. Здесь представляется уместным отметить, что за всю

историю России ни одно иноземное нашествие (нападение) не одержало над ней окончательной победы, даже татаро-монголы, с которыми Россия вела борьбу 250 лет.

Российский ученый С.А. Магарил, исследуя проблему русского национального характера, пишет, что для русских воинов – мужского населения – доминирующей традицией на всем протяжении отечественной истории были мужество, отвага, стойкость, самоотверженность, верность долгу, патриотизм; верность, целомудрие, жертвенность русской женщины, ее способность сострадать, ее трудолюбие, забота о детях, умение хранить домашний очаг [13, с. 278].

Необходимым условием развития консерватизма в России является политическое лидерство, согласованная направленность политических лидеров на признание и реализацию ключевых ценностей консерватизма. Историческая практика показывает, что политический лидер, который своей деятельностью отвечает требованиям времени, остается в сознании народа, несмотря ни на что. Исследования свидетельствуют, что в наибольшей степени пользу России принес в основном В.В. Путин; в средней степени – Л.И. Брежнев. Вред России в особо большой степени принесли М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, в средней степени – А.Ф. Керенский, Н.С. Хрущев, К.У. Черненко, Д.А. Медведев [12, с. 305].

Составляющими высокого рейтинга В.В. Путина необходимо назвать прежде всего – эффективные действия по утверждению силы Российского государства в прямом военном смысле; восстановление российской государственности, обеспечение реального суверенитета российского государства; укрепление единства всех народов многонациональной России; ориентации на формирование в российском обществе патриотизма; повышение благополучия людей, устремленность к преодолению бедности в России; укрепление моногамной семьи, материнства; поддержка церкви; уважение к истории России – прошлой и современной [1].

Изложенные составляющие политической деятельности В.В. Путина по своему характеру и направленности «вмещаются» в рамки консервативных ценностей. Подчеркнем, что приверженность консервативным ценностям В.В. Путин четко продекларировал в своем выступлении на Валдайском форуме в октябре 2021 года. Он, в частности, отметил, что значение идеологии здорового консерватизма в современных условиях возрастает. «Это не бездумное охранительство, не боязнь перемен и не игра на удержание, тем более замыкание в собственной скорлупе. А опора на традицию» [8]. На предстоящий период мирового переустройства, которое может продолжаться довольно долго, умеренный консерватизм – самая разумная линия поведения, – считает Президент Российской Федерации. «Наш консерватизм – это консерватизм оптимистов... И мы готовы работать с нашими партнерами ради общих благородных целей» [8].

Одним из актуальных аспектов анализа развития консерватизма в российском обществе является выяснение его социальных основ. Это сложный и достаточно трудный вопрос, т.к. существует дефицит эмпирического материала для анализа.

Известно, что духовно-нравственная сфера в последние 30 лет была подвержена существенным изменениям и деформациям. Исследователи выделяют как положительные, так и отрицательные векторы в развитии общественного

производства, которые, естественно влияли на духовную культуру российского общества.

Опрос населения, проведенный группой ученых под руководством В.К. Левашова в мае–июне 2019 г. в 22 субъектах России по 12-ти индикаторам, показал, что изменения в положительном направлении большинство респондентов отметили только на уровне технологического развития.

Сильно выраженной отрицательной тенденцией характеризуются изменения доступности медицинского обслуживания, качества образования, уровня и качества жизни граждан.

Умеренной отрицательной тенденцией характеризуются изменения культурного уровня граждан, экономического потенциала страны, интеллектуального уровня граждан, безопасности жизни граждан. Умеренной положительной тенденцией характеризуются также изменения свободы слова, уровня развития науки в стране [12, с. 130–133].

Структура политических взглядов граждан Российской Федерации, по материалам указанного выше исследования, выглядит следующим образом: «демократы» – 33,8%, «социалисты» – 22,3%, «консерваторы» – 9,1%, «неопределившиеся» – 34,8% опрошенных [12, с. 152].

В.К. Левашов здесь же пишет, что если учесть, что у социалистов и у консерваторов схожи представления о политических формах реализации своих идеологических взглядов (у обеих групп приоритет государства, как системного социального института, присутствует потому, что ресурсом политики для них является госбюджет), то условно можно объединить их в понятии «республиканцы» (те же консерваторы или государственники), тогда получим следующее соотношение демократов, «республиканцев» и неопределившихся: 33,8 % : 31,4 % : 34,8%, то есть получаем примерно три равных части.

Если попытаться высказать отношение к консерватизму основных групп социальной структуры российского общества, то можно предположить: 1) у деловой элиты и среднего класса отношение неоднозначное, т.к. эти группы пока не стали полноценными субъектами, скажем так, консервативного класса. Для этих социальных групп нужны в первую очередь стабильность и предсказуемость, которые должно создать государство. Нужно время для «отлаживания» отношений; 2) бюрократия, здесь также не все однозначно. Если говорить о бюрократии, обслуживающей силовые структуры, то можно рассматривать ее как сторонницу консервативных ценностей. В других сферах материального и нематериального производства бюрократия навряд ли безоговорочно относится к субъектам консервативного течения; 3) «низы», выделим пенсионеров, бюджетников, людей, обслуживающих силовые структуры – они ближе к консервативному мышлению. Остальная часть – проблематично.

Политические партии: «Либерально-демократическая партия», ее духовно-идеологические предпочтения укладываются в отечественную консервативную традицию; «Коммунистическая партия Российской Федерации», а также «Справедливая Россия – За правду», партия «Родина» - по целому ряду провозглашаемых ценностей также тяготеют к консервативной идеологии. «Единая

Россия», можно предположить, что сегодня определенная часть партии разделяет консервативные ценности.

Отдельно скажем об «Общероссийском народном фронте» – коалиции общественно-политических организаций, общественном движении, созданном В.В. Путиным в мае 2011 г. Главными задачами «ОНФ» являются – контроль за исполнением указов и поручений Президента Российской Федерации, борьба с коррупцией и расточительством, неэффективными тратами государственных средств, вопросы повышения качества жизни и защиты прав граждан. Как видим, содержание и направленность решаемых задач позволяет определить ОНФ как одного из субъектов консервативного течения.

Более четкое определение социальных основ российского консерватизма может быть понятно в ближайшие 5–10 лет.

21 июля 2020 года Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». В указе определены пять национальных задач развития Российской Федерации: 1) сохранение населения, здоровья и благополучие людей; 2) возможность для самореализации и развития талантов; 3) комфортная безопасная среда для жизни; 4) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; 5) цифровая трансформация.

На наш взгляд, достижение указанных целей может создать материальные и социокультурные предпосылки российского консерватизма, а значит и более глубокого его анализа.

Выводы

1. Обращение в России после распада СССР к консервативным ценностям является ответом на вызовы российского общества на создание здесь сильного, суверенного, социального государства, развитие современной экономики, решение демографических проблем, укрепление семьи, преодоление бедности.

«Всплеск» консервативных идей и ценностей связан также с потребностью сохранения народами России своей самобытности, коллективных ценностей и традиций, возникших в течение многовековой истории, защитой того, что важно в обществе, семье, политике.

2. Актуализация совокупности консервативных ценностей в России в современных условиях выступает преимущественно как интеллектуальное течение. Оно не привело пока к политической консолидации его сторонников, способных формировать и проводить определенную политику. Одновременно существуют публичные заявления политиков, в том числе и Президента Российской Федерации В.В. Путина, о приверженности к консерватизму в современной российской общественно-политической практике.

3. Считаю упрощенным подход, согласно которому современной России – стране отдельного цивилизационного типа, с ценностями, несовпадающими с евроатлантическими традициями – достаточно просто перевернуть предложенную после распада СССР систему приоритетов и ценностей, чтобы в обществе наступила гармония и стройность.

Нужны немалые усилия, прежде всего государства (учитывающего духовно-нравственные начала российского общества), бережное возвращение институтов гражданского общества, выработка у граждан духа ответственности и патриотизма, трудолюбия, независимости личности.

Необходимо формирование в обществе понимания современного российского консерватизма, а также положительного проекта, который можно предложить для развития нашей страны.

Консерватизм в России не может повторять западного пути, поскольку механизм модернизации Западной в сравнении с Россией.

Список используемой литературы

1. Андрей Чадаев. Путин. Его идеология / Андрей Чадаев. – М.: Изд-во «Европа», 2006. – 232 с.
2. Батюк В. И. Русское почвенничество и американский консерватизм // Российский консерватизм: история, теория, современность. – М.: РИА «Аванти», 1999. – С. 64.
3. Бердяев Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. – М.: ИМА, 1990. – 288 с.
4. Глухова А. В. Консервативная волна: запрос общества или выбор власти? // Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития: сборник статей. – М.: Ключ-с, 2015. – 200 – 214.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: Институт русской революции, 2008. – С. 12 – 612.
6. Иванова С. Ю. Современный российский патриотизм: закономерности на пути развития // Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития: сборник статей. – М.: Ключ-с, 2015. – С. 297 – 313.
7. Карцов А. С. Русский консерватизм: в поисках идентичности // Мировая политика: проблемы идентификации и современного развития. Ежегодник 2005. – М.: Рос.полит. энц., 2006. – С. 406 – 430
8. Кира Латухина. Источники русской традиции // Российская газета. – 2021. – 25 октября.
9. Коваленко В. И. Политология: к осмыслению национальных интересов / В. И. Коваленко. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 2016. – 704 с.
10. Ламанский В. И. Три мира Азиатско-Европейского материка // Геополитика панславизма. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 183 – 323.
11. Леонтьев К. Н. Письма о восточных делах // Восток, Россия и Славянство. – М.: Эксмо, 2007. – С. 602 – 669.
12. Левашов В. К. Политическая культура российского общества (опыт социологического исследования) / В. К. Левашов Монография. – М.: ФНИСЦ, 2020. – 307 с.

13. Магарил С. А. К вопросу о русском национальном характере // Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития: сборник статей. – М.: Ключ-с, 2015. – С. 272 – 283.
14. Павленко В. Б. Традиции современного консервативного патриотизма в России // Форум 2004. Нация и мир. М.: Мысль. 2004. – С. 71 – 80
15. Поздняков И. К. Консервативное мышление и анализ его особенностей в русле идей К. Манхейма // Проблемы развития российской государственности. Сборник научных статей. – Изд-во «Вариант – Сибирь». – С. 231 – 247.
16. Политология. Энциклопедический словарь (под общей ред. Ю. И. Аверьянова). М.: Publishers, 1993.
17. Российский консерватизм: история, теория, современность. М.: РИА «Авант», 1999.
18. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
19. Сиденко О. А. Специфика современной консервативной волны в современной России // Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития: сборник статей. – М.: Ключ-с, 2015. – С.215 – 221.
20. Тетради по консерватизму: Альманах ИСЭПИ: №2 (1): Форум «Бердяевские чтения» 16 мая 2014 г. Стенограмма. – М.: Некоммерческий фонд. – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014. – 142 с.
21. Хомяков А. С. Церковь одна / А. С. Хомяков. – М.: Изд-во «Дарь», 2005. – С.3 – 47.

Kuzmin P.V., Khalanskaya L.G.

RUSSIAN CONSERVATISM SPIRITUAL: AND IDEOLOGICAL BACKGROUND AND SOME CONDITIONS FOR ITS DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA

***Annotation.** The article attempts to analyze the role of conservative ideology and practice in modern Russian society, forms the key values of Russian conservatism, and examines the conditions for the development of conservatism in modern Russia. The purpose of the article was to clarify the role of conservatism as an ideology and practice at the present stage of development of Russian society. The tasks were to comprehend the key provisions of the Slavophiles in the development of Russian conservatism; formation of a set of values of Russian conservatism that are relevant in modern conditions; consideration of some conditions for the development of conservatism in modern Russia. As a result of the study, conclusions were drawn that the appeal to conservative values in Russia after the collapse of the USSR was a response to the challenges of Russian society to create a strong, sovereign, social state here, develop a modern economy, solve demographic problems, strengthen the family, and overcome poverty. The actualization of the totality of conservative values in Russia in modern conditions has mainly become an intellectual trend. It has not yet led to the political consolidation of its supporters, who are capable of shaping and pursuing*

a certain policy. At the same time, there are public statements by politicians, including the President of the Russian Federation V.V. Putin, about their commitment to conservatism in modern Russian socio-political practice. As a result, we can conclude that in modern Russia, a country of a separate civilizational type, with values that do not coincide with Euro-Atlantic traditions, it is enough to simply turn over the system of priorities and values proposed after the collapse of the USSR, and harmony and harmony will come in society.

Key words: conservatism, Russian conservatism, Slavophilism, values of modern Russian conservatism, Russia.

References

1. Andrej CHadaev. Putin. Ego ideologiya [Putin. His ideology]. Moscow, «Evropa» Publ., 2006. 232 p.
2. Batyuk V. I. Russkoe pochvennichestvo i amerikanskij konservatizm [Russian soil and American conservatism] // Rossijskij konservatizm: istoriya, teoriya, sovremennost'. M. RIA «Avanti» Publ., 1999. P. 64.
3. Berdyayev N. A. Filosofiya neravenstva [Philosophy of inequality]. Moscow, IMA, 1990. 288 p.
4. Gluhova A. V. Konservativnaya volna: zapros obshchestva ili vybor vlasti? [Conservative wave: the request of society or the choice of power?]. // Social'no-politicheskaya transformaciya v sovremennoj Rossii: poisk modeli ustojchivogo razvitiya: sbornik statej. Moscow, Klyuch-s, 2015. P. 200 – 214.
5. Danilevskij N. YA. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow, Institut russkoj revolyucii Publ., 2008. P. 12 – 612.
6. Ivanova S. YU. Sovremennyj rossijskij patriotizm: zakonomernosti na puti razvitiya [Modern Russian patriotism: patterns on the path of development]. // Social'no-politicheskaya transformaciya v sovremennoj Rossii: poisk modeli ustojchivogo razvitiya: sbornik statej. Moscow, Klyuch-s Publ., 2015. P. 297 – 313.
7. Karcov A. S. Russkij konservatizm: v poiskah identichnosti [Russian conservatism: in search of identity]. // Mirovaya politika: problemy identifikacii i sovremennogo razvitiya. Ezhegodnik 2005. Moscow, Ros.polit. enc. Publ., 2006. P. 406 – 430
8. Kira Latuhina. Istochniki russkoj tradicii [Sources of Russian tradition]. // Rossijskaya gazeta. 2021. 25 oktyabrya.
9. Kovalenko V. I. Politologiya: k osmysleniyu nacional'nyh interesov [Political science: to the understanding of national interests]. Moscow, Publ. Mosk. un-ta. 2016. – 704 p.
10. Lamanskij V. I. Tri mira Aziatsko-Evropejskogo materika [Three worlds of the Asian-European continent]. // Geopolitika panslavizma. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2010. P. 183 – 323.
11. Leont'ev K. N. Pis'ma o vostochnyh delah [Letters on Eastern affairs]. // Vostok, Rossiya i Slavyanstvo. Moscow, Eksmo Publ., 2007. – P. 602 – 669.
12. Levashov V. K. Politicheskaya kul'tura rossijskogo obshchestva (opyt sociologicheskogo issledovaniya) [Political culture of Russian society (the experience of sociological research)]. Moscow, FNISC Publ., 2020. 307 p.

13. Magaril S. A. K voprosu o russkom nacional'nom haraktere [To the question of the Russian national character]. // Social'no-politicheskaya transformaciya v sovremennoj Rossii: poisk modeli ustojchivogo razvitiya: sbornik statej. Moscow, Klyuch-s Publ., 2015. P. 272 – 283.
14. Pavlenko V. B. Tradicii sovremennogo konservativnogo patriotizma v Rossii [Traditions of modern conservative patriotism in Russia]. // Forum 2004. Naciya i mir. Moscow, Mysl' Publ., 2004. P. 71 – 80
15. Pozdnyakov I. K. Konservativnoe myshlenie i analiz ego osobennostej v rusle idej K. Manhejma [Conservative thinking and analysis of its features in line with the ideas of K. Mannheim]. // Problemy razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti. Sbornik nauchnyh statej. Izd-vo «Variant – Sibir'» Publ., P. 231 – 247.
16. Politologiya. Enciklopedicheskij slovar' [Political science. Encyclopedic Dictionary]. (pod obshchej red. YU. I. Aver'yanova). Moscow, Publishers, 1993.
17. Rossijskij konservatizm: istoriya, teoriya, sovremennost' [Russian conservatism: history, theory, modernity]. Moscow, RIA «Avant» Publ., 1999.
18. Sorokin P. CHelovek. Civilizaciya. Obshchestvo [Man. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 543 p.
19. Sidenko O. A. Specifika sovremennoj konservativnoj volny v sovremennoj Rossii [The specifics of the modern conservative wave in modern Russia]. // Social'no-politicheskaya transformaciya v sovremennoj Rossii: poisk modeli ustojchivogo razvitiya: sbornik statej. Moscow, Klyuch-s Publ., 2015. P.215 – 221.
20. Tetradi po konservatizmu: Al'manah ISEPI [Notebooks on Conservatism: ISEPI Almanac]. : №2 (1): Forum «Berdyajevskie chteniya» 16 maya 2014 g. Stenogramma. Moscow, Nekommercheskij fond. – Institut social'no-ekonomicheskikh i politicheskikh issledovanij (Fond ISEPI) Publ., 2014. 142 p.
21. Homyakov A. S. Cerkov' odna [Church alone]. Moscow, Izd-vo «Dar'» Publ., 2005. P.3 – 47.

Сведения об авторах:

Кузьмин Петр Васильевич, д-р полит. наук, проф., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, 295033, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, 4. E-mail: pv.kuzmin@mail.ru

Халанская Лариса Геннадьевна, канд. полит. наук, доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, 295033, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, 4. E-mail: larazbritskaya@gmail.com

Kuzmin Petr Vasilievich, Dr. polit. sciences, prof., Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, 295033, Simferopol, prosp. Academician Vernadsky, 4. E-mail: pv.kuzmin@mail.ru

Khalanskaya Larisa Gennadievna, Cand. polit. sciences, associate professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, 295033, Simferopol, prosp. Academician Vernadsky, 4. E-mail: larazbritskaya@gmail.com

УДК 327

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ ПОНЯТИЯ
«ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»**

Хомич И.И.

***Аннотация.** В статье излагаются результаты исследования проблемы определения критериев понятия «цивилизационная революция». Актуальность работы определяется происходящим на современном этапе исторического развития процессом трансформации индивидуальной и коллективной идентичности, одной из радикальных форм которой выступает «цивилизационная революция», а также тем, что в условиях становления многополярного мира насильственные формы ломки цивилизационной идентичности выступают в качестве одной из форм противостояния государств в борьбе за мировое господство.*

***Ключевые слова:** цивилизация, цивилизационная революция, цивилизационная идентичность, цивилизационная матрица, цивилизационный проект*

В современном мире, с его гибридными методами ведения войны, напряженным противостоянием в информационном пространстве, попытками переписать историческую память народов и переформатировать сознание массового человека, под ударом оказывается индивидуальная и коллективная идентичность человека, включая ее цивилизационный уровень. В широком смысле под «цивилизационной идентичностью» принято понимать процесс осознания человеком или группой лиц своей принадлежности к определенному культурно-историческому организму в его высшей форме проявления, а также в рамках выполняемых им ролей и социально-психологических состояний.

Осознание же собственной «цивилизационной идентичности» является не только одним из условий существования культурно-исторического организма в качестве самостоятельной единицы международных отношений, оно также выступает необходимым компонентом для полноценного развития культурно-исторического организма в исторической динамике. Позитивная «цивилизационная идентичность», связывающая прошлое, настоящее и будущее в единый комплекс, способна обеспечить культурно-историческому организму развитие, эффективное решение стоящих перед ним проблем и задач. И наоборот, кризис «цивилизационной идентичности» неизбежно ведет культурно-исторический организм к деградации и смерти.

Одной из форм трансформации «цивилизационной идентичности», способной привести к размытию и кризису идентичности, является насильственная ломка цивилизационного проекта, получившая название «цивилизационной революции».

Понятие «цивилизационная революция» до сих пор слабо отрефлексировано научным сообществом, что во многом связано с многозначностью самого термина «цивилизация» и неопределенностью критериев «цивизованности». Тем не менее, несмотря на недостаточную разработанность феномена «цивилизационной революции», современные вызовы все чаще вынуждают нас обращаться к цивилизационной теории для осмысления текущих исторических процессов.

Так, в условиях становления многополярного мира исследование феномена «цивилизационной революции» приобретает особую актуальность, потому что на современном этапе исторического развития насильственная ломка идентичности, выступает в качестве одной из распространенных форм противостояния государств и их блоков в борьбе за мировое господство. Подтверждением тому могут служить недавние события, связанные, например, с украинским кризисом, который ярче всего проявился осенью 2013–весной 2014 года, или события, имевшие место в Белоруссии летом 2020 года: в обоих случаях прослеживается использование инструментов геополитической борьбы, направленных на насильственную смену цивилизационного уклада и продвижение принципиально нового цивилизационного проекта.

Исходя из вышесказанного, представляется целесообразной постановка проблемы определения критериев понятия «цивилизационная революция», как одного из возможных проявлений насильственной смены «цивилизационной идентичности», а также определение места и роли данного явления в глобальном политическом процессе, анализ его структурных компонентов, что является целью данной статьи.

«“Цивилизационная революция” – насильственный процесс трансформации цивилизационной идентичности, смены образа (уклада) жизни, вызванный непреодолимым внутренним разрывом культурно-исторического организма и связанный с выдвиганием и реализацией новой модели развития (цивилизационного проекта)» [1, с. 121]. В этом смысле, говоря о критериях «цивилизационной революции», в первую очередь необходимо раскрыть содержание «цивилизационной идентичности», трансформация которой и лежит в основе рассматриваемого явления.

Говоря о «цивилизационной идентичности», автор подразумевает определенный набор характеристик (структур), присущих каждой отдельно взятой цивилизации о составляющих ее цивилизационное ядро, которое также называют «менталитетом цивилизации» и, которое, в сущности, является главным признаком, отличающим одну цивилизацию от другой.

Достаточно глубокий анализ структурных компонентов цивилизации, факторов, составляющих идентичность того или иного цивилизационного проекта, приводит профессор О.В. Плебанек.

В попытке раскрыть содержание цивилизационного ядра и, используя для его описания термин «цивилизационная матрица», исследователь обращается к трудам представителей цивилизационной теории (Г.Т. Бокля, К. Виттфогеля, О. Шпенглера, А. Тойнби, Н. Данилевского, М. Вебера, Ф. Броделя и других), анализируя их взгляды на особенности цивилизационной динамики и обозначая важные компоненты (факторы) цивилизационной структуры: 1) географический фактор – влияние климата, пищи, почвы и окружающей природы на формирование цивилизации; 2) этнолингвистический фактор – влияние языка и этнического состава населения на

развитие цивилизации; 3) психологический фактор – заложенные в этносе особенности и склонности к какому-либо виду деятельности (как следствие географического фактора), осознание этносом самого себя и окружающего его мира через мифы и символы; 4) религиозный фактор – форма познания окружающего мира, социальных структур и выстраивание социальных отношений посредством религиозного культа, доминирующая в цивилизации религия и отношение к другим верованиям; 5) экономический фактор – сложившаяся система материальных отношений, форма обмена, укоренившиеся в цивилизации финансовые структуры; 6) политический фактор – устоявшаяся в рамках цивилизации форма государственного устройства, методы государственного управления, отношение к власти и т.д. [2].

Анализируя результаты цивилизационных исследований и обобщая приведенные выше компоненты (факторы) цивилизационной структуры, О.В. Плебанек определяет «цивилизационную матрицу» того или иного цивилизационного проекта в качестве конкретных когнитивных стереотипов, образующих ментальную целостность, объединяющих крупные популяции людей, и лежащие в основе всех важнейших сфер человеческой деятельности. Исследователь отмечает, что структурно «цивилизационную матрицу» составляют такие ключевые звенья как хозяйственный уклад, язык, письменность, система социальных отношений и форм общественного сознания, составляющие генотип цивилизации и оказывающие влияние на цивилизационную динамику. Стоит отметить, что этот перечень компонентов (факторов) цивилизационной структуры нельзя считать окончательным и завершенным: исследователи продолжают изучать феномен «цивилизации» и время от времени находят дополнительные основания для классификации содержания «цивилизационной матрицы» и/или корректируют уже существующие.

Говоря о «цивилизационной революции», необходимо обратить внимание и на революционную составляющую этого термина. Так, в широком смысле под революцией принято понимать глобальное преобразование в социально-экономической и политической сферах, зачастую осуществляемых с применением насильственных методов. Характерной чертой любой революции является непринятие действующего способа существования социального организма, стремление к радикальному изменению принятого уклада и установленных в нем общественных отношений. Обязательной составляющей революции является предшествующей ей кризис, то есть критическая масса накопившихся в отдельной взятой системе противоречий, которые не могут быть разрешены эволюционным путем, в привычных для этой системы формах и с помощью привычных методов. Как пишет по этому поводу П. А. Сорокин: «Революция означает смену в поведении людей, их психологии, идеологии, верованиях и ценностях. Каждая революция знаменует собой изменение в биологическом составе населения, его воспроизводства и процессов отбора» [3, с. 1].

Другими словами, рассматривая «цивилизационную революцию» через призму классической теории революций, можно констатировать, что одним из критериев определения понятия «цивилизационная революция» является наличие в культурно-историческом организме цивилизационного кризиса: накопившихся неразрешимых противоречий, которые не могут быть разрешены в рамках существующей

«цивилизационной матрицы» привычными методами и которые провоцируют насильственную смену идентичности.

В качестве примеров трансформации «цивилизационной матрицы», произошедших в результате кризисов, можно привести следующие этапы исторического развития России: монгольское нашествие на Русь, реформы Петра Великого, Октябрьская революция и установление советской власти, ликвидация советского проекта и другие события отечественной истории и мировой истории. Однако не любая трансформация «цивилизационной матрицы», осуществленная в попытке преодоления кризиса, является «цивилизационной революцией», потому что кризис может быть преодолен и эволюционным путем.

Для наглядности различий между эволюцией и революцией, в рамках цивилизационной динамики, приведем примеры двух исторических событий, оставивших глубокий след в русской цивилизационной идентичности: нашествие монголов на Русь и петровские реформы.

Накануне монгольского нашествия государство Киевская Русь представляло собой достаточно аморфное политическое образование, столкнувшееся с системным кризисом: 1) главной задачей Руси было обеспечение торгового транзита по пути «из варяг в греки»; 2) правящий класс Киевского государства составляли этнически чуждые восточным славянам варяги; 3) на территории Восточно-Европейской равнины одновременно с Киевской Русью существовали и другие государственные образования – Хазарский каганат, Волжская Булгария, политические союзы кочевников – ничем не уступавшие, а в ряде случаев и превосходившие по силе Киевскую Русь; 4) вражда между собой княжеств и уделов Киевской Руси носила постоянный характер; 5) географически Россия представляет собой межконтинентальную евразийскую державу, а Киевское государство занимало лишь часть Восточно-Европейской равнины.

В силу указанных выше обстоятельств, по мнению многих исследователей, в частности Н.С. Трубецкого, Киевская Русь была обречена на скорый распад, что и произошло в канун монгольского нашествия. При этом само монгольское нашествие оказало серьезное влияние на русскую цивилизационную идентичность, в разной степени отразившись сразу на всех компонентах ее «цивилизационной матрицы». Монголы во многом способствовали формированию русского этноса в том виде, в котором он проявил себя на последующих этапах исторического развития России и которым он является сегодня. Как пишет профессор И.В. Кондаков, «монгольское нашествие глубоко и насильственно “истернизировало” русское общество, сделав ему так называемую прививку чисто азиатских цивилизационных черт» [4, с. 289].

Исследователь приводит в пример привитый монголами восточный деспотизм (русифицированный «ханат»), крепостной устав в качестве государственной правовой системы, баскачество кочевых народов в качестве экономической модели, синтез культурных черт азиатских народов и восточных славян киевского периода, новые этнолингвистические конструкции, мифы и знаки тюрко-монгольского происхождения. Кроме того, особое влияние на развитие Руси оказала монгольская веротерпимость и так называемая этническая толерантность, которая не только позволила сохраниться православной вере, но и породила такое явление как

«православный ренессанс». Монголы верили, что нужно поддерживать местных богов и освободили церковь от уплаты налогов, что дало дополнительный импульс развитию православия. Как отмечает Н.С. Трубецкой, монголы не навязывали русскому народу свои религиозные традиции, что в условиях внешней агрессии сплотило людей вокруг духовенства и повлияло на появление такого культурного явления как «бытовое исповедничество». Под этим термином ученый подразумевал взаимозависимость повседневной жизни людей и православного мироощущения: «Вера входила в быт, быт – в веру, оба сливались воедино в целостную систему «бытового исповедничества» [5, с. 33–78]. Из этого же явления, по мысли Трубецкого, вытекает государственная идеология Руси – царское самодержавие, характеризующее собой неразрывность связи царской власти и православной веры.

Вместе с тем монгольское нашествие оказало существенное влияние на становление самого территориального пространства будущей Московской Руси. Монголы наладили строгую иерархию среди русских князей и их подданных, вынудили их объединиться для принятия совместных решений и осуществления действий по их реализации. Как пишет В.К. Назаров, «территориальное единство будущего государства поддерживалось системой конных постов, находящихся строго на определенном расстоянии друг от друга. Так складывался абрис границ будущего государства» [6, с. 22]. Наряду с этим, после введения монголами денег в качестве главного платежного средства, создавалось единое экономическое пространство. Фактически, после монгольского нашествия Киевская Русь превратилась в новое государство – Московскую Русь, во многом построенную на принципах монгольских захватчиков. Вместе с политическими, экономическими, духовными и культурными аспектами жизни нашествие оказало влияние на менталитет русских людей, их отношение к миру, другим народам и к себе самим.

При всем при этом монгольское нашествие на русские земли не было «цивилизационной революцией»: русская цивилизационная матрица абсорбировала в себе особенности монголо-татарской культуры и быта, не заменив при этом уже существующие в ней цивилизационные компоненты на чужеродные. Монголы не прививали на Руси свой образ жизни и религиозные традиции, а основным принципом их политики было поддержание культурного многообразия среди завоеванных ими народов, которое выражалось в толерантном отношении к их традициям и верованиям. «Счастье Руси, – писал П.Н. Савицкий, – что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам и не кому другому. Татары – «нейтральная» культурная среда, принимавшая «всяческих богов» и терпевшая «любые культуры» пала на Русь, как наказание Божие, но не замутила чистого национального творчества. Если бы Русь досталась туркам, заразившимся «иранским фанатизмом и экзальтацией», ее испытание было бы многожды труднее и доля – горше. Если бы ее взял Запад, он вынул бы из нее душу... Татары не изменили духовного существа России» [7, с. 333]. И действительно, благодаря православной идеологии славянские племена северо-востока Киевской Руси не постигла судьба тех народов, которые были ассимилированы татаро-монголами (например, волжские булгары), или литовцами, поляками и венграми (славянские племена, жившие на территории Галицко-Волынского княжества).

В этом смысле падение Киевской Руси и завоевание ее монголами, с одной стороны, и религиозный взлет, выразившийся в православном ренессансе, с другой – повлияли на интеграцию живших в северо-восточной части Киевской Руси славянских племен в русский этнос, обусловили эволюционное преодоление сложившегося кризиса и последующее формирование Московской Руси, внося в бытность русского человека определенные татарские культурные коды, но не изменив ядро русской «цивилизационной матрицы».

Противоположный монголо-татарскому нашествию пример трансформации русской цивилизационной идентичности наблюдается в эпоху так называемых петровских реформ. В этом случае преодоление кризиса русской цивилизации происходило не эволюционным, а революционным путем. Главной причиной петровских реформ стало нарастающее несоответствие социально-политической структуры и традиций Московской Руси, сложившихся в XV–XVI веках, уже во время освобождения от ордынской зависимости и становления самостоятельного государства. Допетровская Россия по всем основным показателям уступала более развитым странам Запада: 1) сельское хозяйство, основанное на крепостническом труде, было отсталым; 2) российская промышленность по объему и техническому оснащению уступала западноевропейским странам; 3) у России не было современной армии и флота; 4) российское войско состояло из отсталого дворянского ополчения и стрельцов, плохо обученных и вооруженных; 5) не было в России светского образования; 6) не было условий для развития науки и внедрения научных достижений.

Все эти факторы представляли собой достаточно серьезную опасность для национальной независимости страны и привели к тому, что не оставили стране времени на постепенное, эволюционное развитие. В этом смысле исторический опыт, например, Османской империи наглядно демонстрирует, что системный кризис государства не может быть разрешен путем умеренных и медленных реформ, даже если они носят модернизационный характер. В попытках найти выход из сложившейся ситуации Петр Великий насильственно трансформировал русский социокультурный организм, заменив компоненты русской цивилизационной матрицы теми, которые существовали в соседних европейских государствах. Как писал по этому поводу Н.Я. Данилевский, «во времена Петра Россия была больна европейничаньем, происходило искажение народного быта и замена его иностранными формами, происходило заимствование иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву, государство смотрело на внутренние и внешние отношения и вопросы русской жизни с иностранной точки зрения» [8].

С петровскими реформами стройная философская система, объединявшая в единое целое религию, культуру, быт, экономику и государственный строй, на которой держалась жизнь Московской Руси, стала постепенно размываться и трансформироваться в новую форму под влиянием так называемой «модернизации». В реализации последней Петр видел спасение для России, позволяющее сохранить независимость государства и занять достойное место среди рвавшихся вперед европейских держав. Начался процесс реконструкции всех сторон общественной жизни, который продлился до XX века и изменил русскую цивилизационную

идентичность. Реформы затронули церковь, которая во многом выступала сдерживающим фактором в реализации амбициозных планов императора и, как следствие, церковь была подчинена государству (ликвидация патриаршества и создание синодального строя). Под влиянием хлынувших в Россию западных идей произошла постепенная рационализация сознания и секуляризация образования, что привело к переходу функции просвещения от духовенства к государству. На этом же фоне развивалась религиозная терпимость и свобода совести, спровоцировавшие отход от идеи сакрального и божественного характера российской власти, которые были фундаментальными для предыдущего периода. В дальнейшем отношение к иноверцам стало таким лояльным, что духовные поиски русской интеллигенции нашли отражение в масонстве, которое пришло в Россию из Европы в элементах протестантизма.

Вместе с тем реформы Петра характеризовались насаждением иностранной культуры (науки и всех видов искусств), реализуемой путем насильственного приобщения русского этноса к ценностям передовых стран Западной Европы. Как пишет В.О. Ключевский, вслед за Петром в 1698 году в Россию наехала пестрая толпа всевозможных художников, мастеров и ремесленников, которых император за границей пригласил на свою службу» [9, с. 101]. Благодаря этому в России сформировалась новая система ценностей, причем это не был переход на европейский путь развития в его традиционном смысле, общество просто раскололось на два слоя, отличавшихся языком (немецкий или французский), одеждой, образом жизни, бытом. Так, если раньше одежда русского барина отличалась от крестьянской только богатством ткани и вышивки, то теперь отличия стали принципиальными – барин стал «чудом заморским» для своих подданных. Не зря позже этот период назвали эпохой «обмирщения» русской национальной культуры.

Другими важным новшеством Петра стала языковая реформа, в результате которой число букв в русском алфавите сократилось до 38-ми, их начертание упростилось и округлилось. Были отменены силы (сложная система диакритических знаков ударения) и титла – надстрочный знак, позволявший пропускать в слове буквы. В дальнейшем император ввел в оборот так называемый гражданский шрифт, который стал письменным и литературным, постепенно вытеснив из массового оборота прежний церковный вариант. Все это имело явную отсылку к латинской традиции и было не просто формальным решением, а демонстрировало сам дух преобразований Петра, его глубоко западнический образа мысли.

Реформы в сфере экономики были направлены на заимствование и адаптацию к русской реальности новейших технических средств Западной Европы, что сопровождалось бурным ростом промышленности, в частности стали появляться многочисленные мануфактуры, организованные по западным принципам. В ходе европейской модернизации стало развиваться предпринимательство и появились элементы рыночных отношений, которые, впрочем, так и не были развиты до европейского уровня из-за отсутствия рынка собственности, малого числа независимых предпринимателей (монополии), отсутствия рынка свободной рабочей силы и недостатка живого капитала (только финансирование из бюджета).

Существенное влияние на трансформацию русской цивилизационной идентичности оказали и территориальные приобретения государства при Петре: Россия вышла не только к Балтийскому морю, но и включила в свой состав огромные территории, примыкающие к Черному и Азовскому морям, Северный Кавказ, а также распространила свое влияние на Закавказье. В последствии Сибирь и Дальний Восток стали органичной частью страны. Территориальное расширение, в частности, означало, что в орбиту российской истории вошли народы, исповедующие другую религию и живущие по отличным от русской традиции принципам.

Внутренние преобразования Петра позволили добиться многих позитивных сдвигов в экономической, социальной, политической и культурной сферах жизни России, осуществить модернизацию и защититься от угрозы со стороны стран запада. Был дан мощный импульс развитию отечественной промышленности, созданы боеспособная армия и флот, заложены основы светской российской культуры и системы образования. Был сформирован рационально действующий государственный аппарат европейского типа. В этом смысле кризис Московской Руси и петровские реформы, с одной стороны, позволили России осуществить модернизацию, преодолеть системный кризис и защититься от угрозы со стороны стран запада, с другой стороны, Петр внес насильственные изменения в ядро русской цивилизационной идентичности, заменив структурные компоненты русской цивилизации на чужеродные и осуществив тем самым «цивилизационную революцию».

Приведенные в качестве примера события отечественной истории (монгольское нашествие на Русь и реформы Петра Великого) отличает тот факт, что на каждом из перечисленных исторических этапов происходила трансформация привычного культурного-исторического организма социума, того самого набора характеристик, определяющих сущность цивилизационного проекта, его цивилизационной матрицы. Оказавшись под влиянием чужаков, в силу внешних или внутренних причин, русский социокультурный организм по-разному реагировал на кризисы: в одном случае сохранял ключевые компоненты своей цивилизационной матрицы, преодолевая вызовы эволюционным путем, в другом – совершал так называемую «цивилизационную революцию».

Таким образом, говоря о критериях понятия «цивилизационная революция», мы подразумеваем под ним насильственную ломку прежнего цивилизационного уклада и продвижение принципиально нового цивилизационного проекта, которая сопровождается изменением отдельных элементов цивилизационной модели развития. При этом важным условием для осуществления «цивилизационной революции» выступает такое состояние культурно-исторического организма (кризис), при котором дальнейшее существование отдельно взятого цивилизационного проекта невозможно в его прежнем виде.

Список используемой литературы

1. Шепелев М.А. Великая русская цивилизационная революция как первый глобальный индигенизационный проект // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2018. – № 4. С. 120–133.
2. Плебанек О.В. Цивилизационная матрица как категория геополитики // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2011. Том: 12. Вып: 1. – С. 106–114
3. Ревякин Е.С. Русская революция в социологической концепции П.А. Сорокина // Вестник ИГЭУ. – 2008. Вып: 1. – 1 с.
4. Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность России / В.И. Кондаков // Вопросы социальной теории. – 2010. Том: 4. – С. 282–304.
5. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана (взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока) // Вестник Московского университета. Филология. – 1991. № 4 (Серия 9). – С. 33–78.
6. Назаров В.К. Татаро-монголы и становление русского государства // Евразийский контекст. – 2018. – № 4. – С. 21–24.
7. Савицкий П.Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий / – М.: АГРАФ.– 2007. – 413 с.
8. Данилевский Н.Я. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. / – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, Издательство «Глаголь». – 1995. – 552 с.
9. Ключевский В.О. Курс русской истории / В. О. Ключевский / – М.: Альфа-книга. – 2019. – 101 с.

Khomich I.I.

THE PROBLEM OF DEFINING THE CRITERIA FOR THE CONCEPT OF "CIVILIZATION REVOLUTION"

***Annotation:** The article presents the results of the study of the problem of defining the criteria of the concept of "civilizational revolution". The relevance of the work is determined by the ongoing process of transformation of individual and collective identity at the present stage of historical development, one of the radical forms of which is a "civilizational revolution", and also by the fact that in the conditions of formation of a multipolar world violent forms of breaking civilizational identity act as a form of confrontation between states in the struggle for world domination.*

The conclusion is argued that by "civilizational revolution" we mean a violent breakdown of the former civilizational order and the promotion of a fundamentally new civilizational project, which is accompanied by a change in the individual elements of the civilizational model of development. An important condition for the implementation of "civilizational revolution" is such a state of cultural-historical organism (crisis), in which the further existence of a single civilizational project is impossible in its former form.

Keywords: *civilization, civilizational revolution, civilizational identity, civilizational matrix, civilizational project*

References

1. Shepelev M.A. Velikaya russkaya civilizacionnaya revolyuciya kak pervyj global'nyj indigenizacιονnyj proekt [The Great Russian Civilization Revolution as the First Global Indigenization Project]. 2018, №4, pp. 120–133.
2. Plebanek O.V. Civilizacionnaya matrica kak kategoriya geopolitiki [The Civilization Matrix as a Category of Geopolitics]. 2011, pp. 106–114.
3. Revyakin E.S. Russkaya revolyuciya v sociologicheskoj koncepcii P.A. Sorokina [The Russian Revolution in the Sociological Concept of P.A. Sorokin]. 2008, 1 p.
4. Kondakov I.V. Civilizacionnaya identichnost' Rossii [Russia's Civilizational Identity]. 2010, pp. 282–304.
5. Trubeckoj N.S. Nasledie CHingiskhana [Genghis Khan's Legacy] (vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka) [(a view of Russian history not from the West but from the East)]. 1991, №4, pp. 33–78.
6. Nazarov V.K. Tataro-mongoly i stanovlenie russkogo gosudarstva [Tatar-Mongols and the formation of the Russian state]. 2018, №4, pp. 21–24.
7. Savickij P.N. Kontinent Evraziya [Eurasia Continent]. Moscow, AGRAF, 2007, 413 p.
8. Danilevskij N.YA. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu [A View of the Cultural and Political Relationship of the Slavic World to the German-Romanic World]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, Glagol Publishers, 1995, 552 p.
9. Klyuchevskij V.O. Kurs russkoj istorii [A Course in Russian History]. Moscow, Alpha-Book, 2019, 101 p.

Сведения об авторе:

Хомич Игорь Игоревич – аспирант кафедры политических наук и международных отношений, направление: «политические науки и регионоведение», г. Симферополь, Таврическая академия Крымского федерального университета

Khomich Igor Igorevich - PhD student of the Department of Political Sciences and International Relations, direction: "Political Sciences and Regional Science", Simferopol, Tauric Academy of the Crimean Federal University

**РЕНТООРИЕНТИРОВАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ГРУПП
УКРАИНЫ**

Иванков К.В.

***Аннотация.** В статье рассмотрены проблемы рентоориентированного поведения как одной из ключевых стратегий, определяющих деятельность политико-экономических групп Украины. Проанализированы вопросы сущности и генезиса указанных групп, раскрываются механизмы рентоориентированного поведения. Кроме того, изучена проблема синтеза политико-экономических групп и политической элиты Украины. Отмечается, что политико-экономические группы, установив контроль над процессами принятия управленческих решений во внутренней и внешней политике страны, трансформировали политическую систему с целью получения максимальной ренты. Вместе с тем, указанные трансформации привели к неспособности политической элиты выработать эффективную стратегию государственного строительства и противодействия возникавшим кризисам. Кроме того, указанная практика политической деятельности привела к зависимости политики Украины от внешних акторов.*

***Ключевые слова:** рентоориентированное поведение, политико-экономические группы, политическая элита, политика Украины, коррупция, внешнее воздействие на внешнеполитический механизм.*

Введение

Трансформация системы международных отношений и возникновение новых вызовов и угроз национальной безопасности требуют разработки эффективной внешней политики, которая позволила бы обеспечить реализацию национальных интересов Российской Федерации. Для выполнения указанной цели, в числе прочего, необходимо располагать точными данными об императивах и детерминантах внешней политики того или иного государства. В этом отношении, важным фактором, определяющим как внешнюю, так и внутреннюю политику отдельных государств, является деятельность политико-экономических групп.

Актуальность заявленной темы исследования определяется тем обстоятельством, что политико-экономические группы играют значительную роль как в политических процессах на территории Украины, так и в формировании и реализации внешней политики страны. Синтез политико-экономических групп и политической элиты привел к трансформации внешнеполитического курса украинского государства, а также определил особенности политической деятельности,

одной из которых стало рентоориентированное поведение. В связи с этим понимание целей и методов деятельности указанных групп позволяет разрабатывать эффективную внешнюю политику в отношении не только Украины, но и других государств на постсоветском пространстве, политические системы которых характеризуются слиянием политической элиты и крупного бизнеса. Кроме того, это позволяет повысить точность анализа и прогнозирования политических шагов, предпринимаемых указанными государствами, что, в числе прочего, обеспечивает своевременную и эффективную корректировку внешней политики Российской Федерации и реализацию ее национальных интересов.

Синтез политико-экономических групп и политической элиты, превалирование корпоративных интересов над объективными потребностями государства и общества приводят к искажению целей, задач и методов политической деятельности как на государственном, так и на региональном уровне. Указанные обстоятельства формируют малоэффективную систему государственного управления, которая поддерживает и воспроизводит коррупцию, а также трансформируют политическую и правовую культуру. Возникающие в результате кризисы системы управления на государственном и местном уровнях приобретают хронический характер и требуют приложения значительных скоординированных усилий для их преодоления. Данное обстоятельство необходимо также учитывать в контексте политических и юридических мероприятий, которые необходимо будет реализовывать после завершения специальной военной операции на территории Украины в отношении тех регионов, которые могут быть интегрированы в состав Российской Федерации, что также определяет актуальность данного исследования.

Хронологические рамки исследования охватывают период с момента обретения Украиной независимости 24 августа 1991 года по 24 февраля 2022 года, начало проведения специальной военной операции на территории Украины.

В ходе подготовки данного исследования использовался широкий спектр источников. Проблемы деятельности политико-экономических групп на территории Украины, а также вопросы рентоориентированного поведения изучались такими исследователями как О. Лисничук, А. Сушко, О. Дегтярева, Г. Касьянов, Е. Гросфельд, Л. Ситорус, А. Крюгер и другими. Также в контексте проведения исследования были использованы материалы аналитических докладов, подготовленных международными организациями, в частности Всемирным банком и Международным валютным фондом.

Целью данной статьи является выявление роли рентоориентированного поведения политико-экономических групп как фактора трансформации внутренней и внешней политики Украины. Для достижения заявленной цели исследования необходимо выполнить следующий ряд задач:

- 1) охарактеризовать сущность политико-экономических групп;
- 2) проанализировать содержание и механизмы рентоориентированного поведения;
- 3) проанализировать результаты воздействия политико-экономических групп на политическую систему Украины.

Цель статьи, а также приведенный перечень задач характеризовали сложность и многомерность объекта исследования, что требовало использования ряда методов. В частности, в ходе работы были использованы положения неинституционального, корпоративистского и некорпоративистского подходов, а также теория групп интересов.

Результаты исследования

В контексте выполнения выдвинутых исследовательских задач в первую очередь необходимо исследовать феномен политико-экономических групп Украины. В этом отношении, указанные группы являются одной из ключевых особенностей общественно-политических процессов и политической системы данного государства. В литературе отмечается, что само существование данных групп связано с применением специфической модели социальной трансформации, реализуемой на постсоветском пространстве [1, с. 6–7].

В контексте исследования заявленной темы одной из наиболее значимых является работа О. Лисничука и А. Сушко «Являются ли политико-экономические группы препятствием для политического развития Украины?», в которой была предложена развернутая классификация указанных групп, а также рассмотрены вопросы их генезиса и трансформации. Исследователи трактуют политико-экономические группы как сложный симбиоз политических, экономических, административных, финансовых, организационных, информационных, социальных, культурных и личных составляющих. Фактически в этом отношении речь идет о концентрированном проявлении групповых интересов бизнеса и политической элиты. Более того указанные группы не только занимают ведущую нишу в экономической системе страны, но и выполняют квазипредставительскую общественно-политическую функцию, играют значительную роль в процессе политико-партийного представительства. Это обстоятельство во многом определяет особенности политических процессов и кризис демократических процедур на Украине, а также является одной из причин трансформации политических партий в так называемые «политические силы» [1, с. 7; 2].

О. Лисничук и А. Сушко приводят классификацию политико-экономических групп, действующих на территории Украины по следующим критериям:

- генетический (по происхождению группы);
- структурный (по определяющим элементам группы);
- репрезентативный (по основным интересам группы).

Используя указанные критерии, авторы выделяют три типа групп:

- отраслевые политико-экономические группы (созданные для представительства и реализации интересов отдельных отраслей экономики);
- региональные политико-экономические группы (претендуют на представительство интересов тех или иных административно-территориальных единиц страны, а также демонстрируют тенденцию к монополизации);
- финансово-промышленные политико-экономические группы (формируются в результате получения крупным бизнесом контроля над отдельными сегментами промышленности с помощью системы политико-административного

патронажа, а также характеризуются концентрацией финансового капитала в эксклюзивно контролируемой банковской структуре).

При этом следует учитывать, что в практической деятельности каждая из политико-экономических групп демонстрирует характеристики, присущие всем трем типам, в том или ином их сочетании. В этом отношении, предложенная классификация является условной, и, кроме того, может не учитывать отдельные системные трансформации политико-экономических групп, происходящие в их структуре и формах деятельности. Кроме того, следует подчеркнуть, что в литературе сложилась классификация политико-экономических групп Украины по территориально-политическому признаку, в результате чего в общественно-политическом дискурсе прочно закрепились такие понятия, как «днепровская», «днепропетровская», «киевская», «харьковская» группы (либо кланы), и так далее [1, с. 7–8].

В контексте дальнейшего изучения заявленной темы исследования необходимо рассмотреть явление рентоориентированного поведения. Указанный феномен политической и экономической деятельности наиболее широко рассмотрен в англоязычной научной литературе, где он носит название «rent-seeking». Данный феномен был впервые описан в работе Г. Таллока в рамках теории общественного выбора, в которой он отмечал, что ренты, за которые можно бороться, привлекают ресурсы [30]. Однако сама формулировка «rent-seeking» – «рентоориентированное поведение», «рентоискательство» или «поиск ренты» – была введена в работе Э. Крюгер «Политическая экономия рентоориентированного общества», и с тех пор широко используется в литературе [31].

Рентоориентированное поведение является сложной и многомерной проблемой, которая рассматривается с экономической, политической, правовой, социальной и моральной точек зрения. Существует широкий спектр трактовок данной деятельности. Так, например, она может рассматриваться как непроизводительная экономическая деятельность, расходование ценных ресурсов, которые могли бы в иных обстоятельствах быть использованы для производства дополнительных благ и услуг. Вместе с тем, ряд трактовок отмечают положительную сторону рассматриваемой модели поведения. Так, некоторые типы ренты могут стимулировать инновации, инвестиции и экономический рост, что позволяет характеризовать их как социально желательные. Вместе с тем, характеризуя рентоориентированное поведение представителей политико-экономических групп Украины, необходимо отметить, что оно носит деструктивный характер для социальной системы и создает основу для возникновения кланового олигархического капитализма [3; 32; 33].

Более того, рентоориентированное поведение выступает фактором, сдерживающим проведение политических и экономических реформ и консервирующим кризисные проявления экономической и политической систем. Попытка реформирования указанных систем, способная сократить количество путей извлечения ренты, может послужить причиной дестабилизации политической системы, которая будет использована отдельными представителями политической и экономической элит для сохранения механизмов извлечения ренты. В этом отношении, М. Левин и В. Шилова отмечают, что «внедрение эффективных экономических стратегий, в том случае, если это приводит к уменьшению доступных

рент, может привести к нестабильности. Экономическое регулирование различных секторов экономики, даже когда такое регулирование уменьшает экономическую эффективность, может быть эффективным методом для установления непрерывного потока рента» [4, с. 12].

В отдельных источниках рентоориентированное поведение характеризуется как «хищническая рента» – дополнительный доход, который может быть получен участником рынка сверх его доходов от обычной рыночной деятельности за счет использования политической власти. Ключевыми составляющими управления такой рентой являются, во-первых, организация принудительных изъятий, и, во-вторых, порядок использования результатов этих изъятий. Рассматриваемый тип ренты может извлекаться как в рамках закона, так и в его нарушение. В правовом поле, как отмечается в литературе, рента извлекается государством путем проведения фискальных мероприятий, то есть посредством взимания налогов, пошлин, сборов и иных обязательных платежей. Кроме того, результатом проведения государственной экономической политики может быть введение системы преференций и льгот, которая позволяет отдельным экономическим агентам законным образом извлекать ренту [5, с. 157–158]. Вместе с тем, существует и нелегальный механизм изъятия хищнической ренты, который, в частности, применяется преступными группами. Методами изъятия ренты в данном случае выступают рэкет, вымогательство, взяточничество, рейдерские захваты предприятий, коррупционные схемы присвоения государственных и частных ресурсов, построение мошеннических финансовых пирамид, и другие методы [5]. В этом отношении, политико-экономическими группами Украины реализуются оба механизма извлечения ренты, при этом их соотношение зависит от того, имеет ли та или иная группа доступ к принятию управленческих решений в стране.

Механизм вывода ренты, осуществляемый политико-экономическими группами Украины, часто связан с использованием подставных торговых компаний, зарегистрированных в так называемых «оффшорах». Под «оффшором», или оффшорной зоной, следует понимать государство или его часть, в пределах которой для компаний-нерезидентов определяется особый режим регистрации и деятельности. Оффшорные зоны гарантируют высокий уровень банковской и коммерческой секретности, лояльность политико-правового регулирования, а также анонимность реальных владельцев компании, которая обеспечивается возможностью управления акциями компании с помощью номинальных владельцев [6, с. 227].

Если же охарактеризовать моральную сторону реализации рентоориентированного поведения, то следует отметить, что одним из последствий максимизации личной выгоды становится, по определению Е. Гросфельд, превращение «блага» в «антиблаго». Это происходит не по причине изменения нравственной сути человека, но в результате изменения обстоятельств и институциональной среды, в которой происходит индивидуальный выбор [7, с. 24]. Данное обстоятельство в условиях слома прежней системы морально-ценностных координат и этических императивов значительно затрудняет выработку идеологической модели, которая была бы способна направить общество по пути социального прогресса. Вместе с тем, подобное положение создает возможности для укоренения деструктивных идеологических конструкций в массовом сознании.

Одним из результатов реализации рентоориентированного поведения в политической системе становится явление, которое в англоязычной литературе обозначено как «state capture» (дословный перевод – «захват государства»). Британская энциклопедия характеризует данное явление как «доминирование в процессе разработки политики частной, часто корпоративной власти» [34]. Данным понятием характеризуется положение системной политической коррупции в государстве и обществе с переходной экономикой, которая позволяет олигархическим кругам манипулировать политическими процессами и, более того, формировать или трансформировать государственные институты для реализации собственных интересов [32, с. 46].

В этом отношении, по мере трансформации политической элиты Украины и ее синтеза с политико-экономическими группами, происходило формирование системы государственного управления, характеризующейся невозможностью выработки эффективной стратегии государственного строительства и противодействия кризисам, непоследовательностью реализуемых управленческих решений, а также глубокой и устойчивой коррупционной составляющей. С увеличением доли представителей политико-экономических групп в системе государственного управления, стали традиционными практика смены партийной принадлежности и политических ориентаций, политическое предательство, осуществляемое с целью сохранения положения того или иного политика в составе государственных институтов, а также отсутствие у представителей политической элиты твердой системы убеждений и принципов [8, с. 439; 9].

Результатом указанного положения стала крайне низкая эффективность политической деятельности, в том числе в стратегически важных для государства направлениях. Одним из примеров, подтверждающих данный тезис, могут выступить шаги, предпринятые политической элитой Украины в отношении преодоления бедности – одного из многих вызовов, возникавших перед украинским государством, но так и не нашедших эффективного ответа. Указанная проблема была артикулирована в 1994 году в тексте доклада президента Украины «Путем радикальных экономических реформ. Об основных положениях экономической и социальной политики», и характеризовалась как одна из составляющих кризиса, который «...угрожает самим устоям независимости и просто выживанию украинской нации» [10]. Одной из мер разрешения данной кризисной ситуации должна была выступить «Стратегия преодоления бедности», принятая в 2001 году [11]. Однако положения указанной стратегии не были реализованы, и проблема бедности сохранилась. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы «Ежегодного Послания Президента Украины В. Януковича Верховной Раде Украины “Модернизация Украины — наш стратегический выбор”», опубликованного в 2011 году, в рамках которого было отмечено наличие в украинском обществе хронической бедности, а также значительного разрыва в благосостоянии между социальными стратами. Данное положение характеризовалось как один из ключевых дестабилизирующих факторов социальной системы [12, с. 45]. Более того, сохранение проблемы бедности отмечалось и в аналитических докладах Национального института

стратегических исследований Украины, в частности, в 2018 году [13]. Однако, указанный вызов так и не нашел своего разрешения вплоть до 2022 года.

В контексте дальнейшего изучения заявленной темы исследования необходимо проанализировать особенности генезиса и трансформации политико-экономических групп Украины, а также оказываемое ими воздействие на политические процессы в государстве. Рассматривая процесс становления политико-экономических групп Украины, следует отметить, что он связан с периодом президентства Л. Кравчука и Л. Кучмы и определяется тем обстоятельством, что именно в это время происходили процессы «первоначального накопления капитала», а также адаптации прежних государственных институтов к новым условиям, и их соответствующая трансформация в новые формы.

Указанный период характеризовался тем, что одну из ключевых ролей в процессе формирования государственных институтов играли лоббистские группы, связанные с эксплуатацией государственной собственности и изъятием ренты. Они получили название «красные директора» (или «совхозно-колхозные бароны», «красные бароны») [14, с. 161; 1, с. 11]. Данное название закрепилось за представителями рассматриваемых групп не по причине идеологических убеждений, а в виду того обстоятельства, что в период существования СССР они занимали руководящие посты в управляемых ими предприятиях. В условиях социальной трансформации ими была продемонстрирована способность к быстрой адаптации своей деятельности к изменяющимся условиям [1, с. 11]. «Красные директора» использовали административные ресурсы для получения фактически личного контроля над управляемыми номинально государственными предприятиями, что позволяло им в дальнейшем претендовать на получение государственных заказов и кредитов, а также дополнительной финансовой поддержки для выполнения данных заказов.

Характеризуя методы первоначального накопления капитала, которые обеспечили формирование крупнейших политико-экономических групп Украины, следует выделить наиболее эффективные из них:

- номенклатурная и ваучерная приватизация государственной собственности;
- финансовые спекуляции;
- махинации с транзитом энергоносителей [15; 16, с. 177–189].

В этой связи, показательным является пример деятельности «красных директоров» в период экономического кризиса и гиперинфляции 1992–1994 годов. В условиях, когда годовая инфляция составляла от нескольких сотен до тысяч процентов, а рост потребительских цен в 1993 году составил 10155%, одним из наиболее результативных методов изъятия ренты являлось получение государственных кредитов и последующее использование данных средств для купли-продажи валюты. Это позволяло возратить кредиты с процентами государству с возможностью получения сверхприбылей на разнице курсов [17; 18]. В дополнение к этому, стала «традиционной» практика так называемого «нецелевого использования государственных средств», что, фактически, являлось кражей государственных кредитов.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что именно представители данных групп выступали наиболее категоричными оппонентами программ проведения реформ и выступали против выработки правовых норм, которые регламентировали бы процессы приватизации, что обусловило процесс разгосударствления собственности при неурегулированном институциональном статусе предприятий [19].

Еще одним примером деятельности политико-экономических групп, который демонстрирует практическую реализацию стратегии рентоориентированного поведения, а также раскрывает один из важных каналов рекрутирования политической элиты Украины, выступает корпорация «Республика», созданная в 1993 году. Перед указанной организацией стояла важная государственная задача – погашение внешней задолженности за природный газ. Используя связи с членами правительства, руководство корпорации получило подряд на поставки природного газа из Туркменистана при условии выплаты существующих государственных долгов по этой категории. Данное решение правительства сопровождалось рядом «особых условий», которые, фактически, представляли собой ренту, получаемую руководством корпорации – выделение экспортных квот и лицензий, займов, финансовых ресурсов. В литературе отмечается, что, по некоторым данным, заработок корпорации «Республика» на этой сделке составил около 500 млн. долларов США [1, с. 10; 14, с.162–163].

Вместе с тем произвести объективную оценку результативности деятельности указанной организации не удавалось даже с учетом многократных запросов со стороны депутатов Верховной Рады Украины. Через несколько лет руководитель корпорации «Республика», И. Бакай, стал одним из богатейших людей в стране, и возглавил компанию «Нафтогаз Украины». Более того, в будущем он являлся внештатным советником Президента Украины, занимал посты первого заместителя председателя Государственного комитета по нефтяной, газовой и нефтеперерабатывающей промышленности Украины, главы Государственного управления делами Украины. Кроме того, он являлся народным депутатом Украины 2-го и 3-го созывов [20; 21].

В этом отношении необходимо подчеркнуть, что период президентства Л. Кравчука и Л. Кучмы является временем формирования крупнейших политико-экономических групп Украины, некоторые из которых продолжают свою деятельность и в настоящее время:

- корпорация «Единые энергетические системы Украины» (известна также под названием «бизнес-империи Ю. Тимошенко»);
- группа «Приват» И. Коломойского;
- группа «Интерпайп» В. Пинчука;
- так называемый «киевский клан» И. Суркиса и В. Медведчука;
- группа «System Capital Management» Р. Ахметова [22, с. 32–33].

В дальнейшем, по мере трансформации политико-экономических групп и политической элиты Украины, происходили процессы их поэтапного слияния. Так, например, в литературе отмечается, что в период президентства Л. Кучмы «власть представляла собой федерацию различных политико-экономических кланов, которые

фактически получили монопольное право на использование целых регионов или ведомств (например, Национальный банк Украины). Л. Кучма опирался на поддержку "левых" (коммунистов и социалистов), промышленно-директорское и предпринимательское лобби восточной и южной части Украины. Новые капиталисты или "рантье" второй волны стали опорой президента в борьбе за централизацию власти» [22, с. 36; 14]. В середине 1990-х годов актуализировалась проблема синтеза исполнительной власти с финансово-промышленными группами (ФПГ). Однако, ФПГ в данный момент были недостаточно консолидированы и во многом зависимы от воли президента, который контролировал процессы приватизации. После отставки премьер-министра П. Лазаренко, Л. Кучма смог установить контроль над основной частью ФПГ, для которых доступ к главе государства гарантировал поступательное развитие бизнеса. Государственная поддержка финансово-промышленных групп на данном этапе создала благоприятные условия для формирования и легализации крупного капитала, но одновременно стала прикрытием для формирования теневого сектора экономики: в литературе отмечается, что до 1996 года от 60 % до 75 % операций осуществлялись вне системы налогового обложения [22, с. 38; 14]. В этом отношении, деятельность Л. Кучмы во многом обеспечила выстраивание модели «экономики рантье».

В период с конца 1990-х по начало 2000-х годов политико-экономические группы смогли распространить свое влияние во всех органах государственной власти, в результате чего были сформированы организованные финансово-промышленные группы, которые в литературе часто обозначаются понятием «кланы» – конгломераты бизнесменов, политиков и представителей бюрократического аппарата, объединенных между собой экономическими и политическими интересами. В частности, были сформированы «Донецкий», «Днепропетровский» и «Киевский» кланы. Указанными группами были созданы крупные «бизнес-империи», включающие в себя промышленные предприятия, политические и финансовые организации, а также медиахолдинги [33; 22, с. 42–43]. Финансово-промышленным группам удалось установить контроль над законодательной ветвью власти путем финансирования избирательных кампаний в мажоритарных округах, создания политических партий, либо подкупа отдельных членов политических сил. Указанное положение создало предпосылки для ситуации, при которой государственная власть оказывается в зависимости от политико-экономических групп и вынуждена балансировать между ними, регулируя доступ к механизмам приватизации крупных промышленных предприятий, а также элементов энергетической инфраструктуры.

В период с 2002 по 2007 годы произошло нарушение баланса в системе взаимодействия между политико-экономическими группами, что было вызвано политическим кризисом и событиями государственного переворота рубежа 2004–2005 годов, известного как «Оранжевая революция» [14, с. 172–176]. Попытка пресечь деятельность олигархических групп, осуществленная новой генерацией политической элиты, оказалась неудачной.

Завершение процесса слияния политической элиты и политико-экономических групп было связано с доминированием в политической системе, а также в процессах взаимодействия политико-экономических групп, так называемой «семьи»

В. Януковича (2008–2013 годы). Данный период также демонстрировал значительное подчинение деятельности политической элиты интересам политико-экономических групп. После выборов Президента Украины, состоявшихся в 2010 году, бизнесмены, действовавшие на территории страны, как отмечалось в прессе, условно могли быть разделены на три группы: неприкасаемые, условно неприкасаемые и потенциальные жертвы [23]. Ресурсы страны, государственный бюджет, а также все наличные средства изъятия ренты подчинялись интересам «донецкого лобби». Система патрон-клиентских отношений была значительно укреплена. Во главе указанной системы стоял Президент Украины В. Янукович и политико-экономические группы донецкого региона. В этом смысле, на данном этапе произошло окончательное слияние власти и бизнеса на Украине. В результате рентоориентированное поведение стало характерной особенностью и, в определенном смысле, сущностью политической деятельности.

Данное обстоятельство определило как дальнейший вектор трансформации политической системы Украины, так и особенности ее внешнеполитического курса. Попытка политико-экономических групп, связанных с В. Януковичем, произвести перераспределение власти и собственности в государстве, значительно ограничить возможности других групп, а также сконцентрировать под собственным контролем крупнейшие механизмы изъятия ренты, стала одной из причин системного политического кризиса и государственного переворота, произошедшего на рубеже 2013–2014 годов, и получившего название «Евромайдан».

После государственного переворота произошел очередной этап перераспределения сфер влияния между политико-экономическими группами страны. Так называемая «семья» В. Януковича прекратила свое существование, однако лобби донецких политико-экономических групп сохранилось. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что сущность отношений между указанными группами, а также основные цели и методы их деятельности, включая рентоориентированное поведение, не изменились. Крупнейшими бенефициарами сложившейся расстановки сил стали группы «Приват» и «RosUkrEnergo», а также политико-экономические группы, связанные с президентом и премьер-министром.

Период президентства П. Порошенко представляет собой показательный пример непосредственного воздействия представителей политико-экономических групп на процессы формирования и реализации внутренней и внешней политики Украины. В этом отношении необходимо отметить, что П. Порошенко являлся основателем и руководителем группы «Укрпроминвест». В ходе приватизации ему удалось получить контроль над несколькими кондитерскими фабриками, а также судостроительным предприятием «Ленинская кузница». Финансовую опору корпорации составлял банк «Мрия» [24]. В состав указанной группы входило более 30 предприятий различных направлений деятельности, включая корпорацию «Рошен», группу компаний «Родная марка», промышленно-инвестиционный холдинг «Богдан», ОАО «Черкасский автобус», Луцкий автомобильный завод. В 2012 году группа была ликвидирована, однако ряд ее ключевых предприятий продолжили свою деятельность и остались под управлением лиц, связанных с П. Порошенко. Характеризуя его роль в политических процессах на Украине, необходимо отметить, что, помимо поста Президента Украины, в различные периоды карьеры П. Порошенко занимал

должности Секретаря Совета национальной безопасности и обороны Украины, Председателя Наблюдательного совета Национального банка Украины, а также Министра иностранных дел Украины.

В период его президентства Украина совершила ряд внешнеполитических шагов в сторону евроатлантической интеграции. Кроме того, результатом указанной внешнеполитической деятельности стало значительное ухудшение российско-украинских отношений. Важно также подчеркнуть, что деятельность П. Порошенко на международных площадках, включая Организацию Объединенных Наций, была направлена на нагнетание антироссийских настроений, и вела как к обострению конфликта на Донбассе и переводению его в затяжную стадию, так и к дестабилизации международной обстановки. Вместе с тем, шаги, предпринимаемые в области внутренней политики, привели к полному провалу договоренностей по урегулированию указанного конфликта. Вместе с тем, П. Порошенко за время своей деятельности на посту Президента Украины удалось значительно увеличить свое состояние, расширить и диверсифицировать бизнес, в том числе в сфере производства военной техники [25; 26; 27; 28, с. 41].

С момента избрания В. Зеленского на пост Президента Украины в 2019 году начинается заключительный этап трансформации политико-экономических групп Украины. Его ключевое отличие от периода президентства П. Порошенко заключается в смене расстановки сил политико-экономических групп Украины, а также повышении роли группы «Приват» в политических процессах в стране. Вместе с тем, политическая элита Украины и представители политико-экономических групп продолжили реализацию в своей деятельности модели рентоориентированного поведения.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что с 2014 года политическим руководством Украины предпринимались многочисленные шаги по борьбе с коррупцией. Так, например, были созданы специальные государственные органы по борьбе с коррупцией: Национальное антикоррупционное бюро Украины, Национальное агентство по предотвращению коррупции, Специализированная антикоррупционная прокуратура, Высший антикоррупционный суд Украины и другие органы. Кроме того, был принят закон Украины «О противодействии угрозам национальной безопасности, связанным с чрезмерным влиянием лиц, которые имеют значительный экономический и политический вес в общественной жизни (олигархов)» [29]. Однако практика применения данного закона, а также деятельности указанных организаций свидетельствует об использовании их в качестве инструмента подавления политических оппонентов, связанных с политико-экономическими группами.

Вместе с тем, необходимо отметить, что одним из результатов деятельности политико-экономических групп и политической элиты Украины стала поэтапная фактическая утрата государственного суверенитета. Системный политический и экономический кризисы требовали дополнительной внешней финансовой поддержки, что привело к значительному увеличению государственного внешнего долга. В этой связи, для получения новых программ финансовой помощи от международных организаций, в частности, Всемирного банка и Международного валютного фонда, украинскому государству требовалось выполнять многочисленные предписания

международных кредиторов, касающиеся, в числе прочего, реформирования социальной и внешнеэкономической политики, что привело к углублению системного кризиса. Кроме того, на Украине была реализована практика вовлечения в процессы управления предприятиями иностранных специалистов и наблюдателей.

Под эгидой иностранных организаций были опубликованы многочисленные доклады и аналитические документы, посвященные исследованию кризисной ситуации на Украине. В текстах указанных документов приводились различные оценки причин кризисов, предлагался широкий спектр рекомендаций для противодействия им. В дополнение к этому, необходимо подчеркнуть, что указанные рекомендации в определенной степени не учитывали специфику деятельности политической элиты Украины. В этом смысле, предлагаемые иностранными экспертами институциональные трансформации не могли устранить рентоориентированное поведение как одну из основ развернувшегося в стране системного кризиса [35; 36; 37; 38].

Выводы

Подводя итоги проведенному исследованию, необходимо отметить, что политико-экономические группы Украины выступают ключевым элементом неэффективной системы организации политической деятельности, а также экономической и социальной систем. Они являются фактором тотального сращивания политической и экономической деятельности, что трансформирует государство в механизм по изъятию ренты. В таких условиях оно неспособно выполнять свои функции, а политико-экономические группы выступают препятствием на пути государственного развития. Более того, неспособность политической элиты Украины выработать результативный ответ на возникшие исторические вызовы привела к глубокому кризису украинского государства и заложила основу для его дезинтеграции.

Политико-экономические группы Украины, реализуя модель рентоориентированного поведения, а также установив значительный контроль над процессами разработки, принятия и реализации политических решений на Украине, сумели установить контроль, в числе прочего, и над механизмом формирования и реализации внешней политики страны. Характеризуя воздействие политико-экономических групп на формирование и реализацию внешней политики Украины, необходимо отметить, что результатом систематической реализации модели рентоориентированного поведения стало попадание указанных групп в зависимость от внешних акторов, в том числе и государств так называемого «коллективного Запада». Указанные акторы, реализуя собственные интересы, в числе которых была необходимость противодействия Российской Федерации, оказали значительное воздействие на политическую элиту Украины, что привело к трансформации ее внешнеполитического курса. Результатом указанного воздействия стало, с одной стороны, значительное увеличение кризисных явлений в украинском государстве и обществе, и, с другой стороны, существенное ухудшение российско-украинских отношений. Поэтапная трансформация данных отношений в виде «нисходящей спирали», в конечном итоге, завела их в тупик.

Таким образом, рентоориентированное поведение политической элиты государства является значительным вызовом для политической и социальной систем. Оно способно создать основы политического, экономического, социального и культурного кризиса, а также в значительной степени консервирует кризисные проявления. Более того, пример Украины демонстрирует, что рентоориентированное поведение политической элиты способно создать основы для дезинтеграции государства и общества.

Список используемой литературы

1. Лісничук, О. В., Сушко, О. В. Чи є політико-економічні групи перешкодою для політичного розвитку України? / О. В. Лісничук, О. В. Сушко. — Київ: Фонд ім. Фрідріха Еберта, Регіональне представництво в Україні, Білорусі та Молдові, 2005. — 76 с.
2. Гаспарян, Л. С. Феномен политической силы в транзитивном украинском обществе: Крым в постсоветский период: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Гаспарян Людмила Сергеевна. – Симферополь, 2009. – 189 с.
3. Латков, А. В. Формы рентоориентированного поведения в современных социально-экономических системах / А. В. Латков // Психология и экономика. 2008. Т. 1. № 1–2. – С. 36–41.
4. Левин, М. И. Рентоориентированное поведение в системах со сложной структурой / М. И. Левин, Н. В. Шилова. – М.: РАНХиГС, 2016. – 37 с.
5. Линецкий, А. И. Механизм воздействия политических институтов на ход экономического развития / А. И. Линецкий // Полис. Политические исследования. 2016. №2. С. 152–170.
6. Быстрова, Ю. В. Оффшоры – налоговый рай / Ю. В. Быстрова // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. №1., С. 227–230.
7. Гросфельд, О. В. Становлення лобізму в сучасній Україні: дис. ... канд. політ. наук: 23.00.02 / Гросфельд Олена Володимирівна. — Сімферополь, 2009. — 209 с.
8. Ставицкий, А. В. Национально-исторический миф Украины : Монография / А. В. Ставицкий. – Севастополь: Рибест, 2015. – 748 с.
9. Чигрин, В. А. Особенности формирования украинской политики и их влияние на интеграционные процессы на постсоветском пространстве: тезисы доклада / В. А. Чигрин, Э. А. Гугнин // Международная конференция журнала «Международная жизнь» «Особенности современных интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Крым – новая реальность» 15–19 октября 2014 года. Ялта, 2014. – С. 61–63.
10. Постанова Верховної Ради України «Про доповідь Президента України “Про основні засади економічної та соціальної політики”» [Электронный ресурс] / Верховна Рада України. Законодавство України. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/216/94-%D0%B2%D1%80> (дата обращения: 28.04.2022).

11. Указ Президента України «Про Стратегію подолання бідності» [Електронний ресурс] / Верховна Рада України. Законодавство України. – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/637/2001> (дата обращения: 28.04.2022).
12. Модернізація України – наш стратегічний вибір: Щорічне Послання Президента України до Верховної Ради України / Національний інститут стратегічних досліджень. – К.: НІСД, 2011. – 432 с.
13. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2018 році» / Національний інститут стратегічних досліджень. – К.: НІСД, 2018. – 688 с.
14. Касьянов, Г. В. Система владних відносин у сучасній Україні: групи інтересу, клани та олігархія / Г. В. Касьянов // Український історичний журнал. – 2009. – № 1. – С. 160–180.
15. Крыштановская, О. В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия / О. В. Крыштановская // Мир России. 2002. Т. 11. № 4. С. 3–60.
16. Касьянов, Г. В. Украина 1991-2007: очерки новейшей истории / Г. В. Касьянов. – К.: Наш час, 2008. – 480 с.
17. Економічна статистика. Ціни [Електронний ресурс] / Держстат України. – Режим доступу: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/menu/menu_u/cit.htm (дата обращения: 21.03.2022).
18. Шаповал, К. 1993 год. Гиперинфляция [Електронний ресурс] / Forbes Ukraine. – Режим доступу: <https://forbes.ua/ru/company/30-rokiv-ukrainskomu-biznesu-1993-rik-giperinflyatsiya-06072021-1956> (дата обращения: 21.03.2022).
19. Лобанов, П. В. Экономика финансово-промышленных групп / П. В. Лобанов // Экономика промышленности. – 2006. №1 (32). С. 29–38.
20. Бакай Ігор Михайлович. Обраний по виборчому округу №208 [Електронний ресурс] / Верховна Рада України. – Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/radac_gs09/d_ank_arh?kod=20302 (дата обращения: 15.02.2022).
21. Бакай Ігор Михайлович. Обраний по виборчому округу №64 [Електронний ресурс] / Верховна Рада України. – Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/radac_gs09/d_ank_arh?kod=703203 (дата обращения: 15.02.2022).
22. Дегтярева, О. В. Коммуникативные стратегии медиахолдингов Украины в легитимации власти и лоббировании интересов финансово-промышленных групп: дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10 / Дегтярева Ольга Викторовна. – Санкт-Петербург, 2016. – 300 с.
23. Высоцкий, С. Олигархи на съедение. Кого может лишит бизнеса новая власть / С. Высоцкий, Н. Бублий // Фокус. №15 (178). 2010. 9 апреля.
24. Аксенов, Ю. И. Дети газа и стали [Електронний ресурс] / Ю. Аксенов, И. Гужва // Эксперт. – Режим доступу: https://expert.ru/expert/2004/38/38ex-fpg_28421/ (дата обращения: 24.02.2022).
25. Квартал, Леди Ю и президентская «Изюминка»: с каким бизнесом связаны ТОП-10 кандидатов в Президенты [Електронний ресурс] / YouControl. –

Режим доступа: <https://youcontrol.com.ua/ru/data-research/zyakym-biznesom-rov%E2%80%99iazani-top-10-kandydativ-u-prezidyntu/> (дата обращения: 26.03.2022).

26. Офшорный налоговый маневр президента Украины [Электронный ресурс] / Organized Crime and Corruption Reporting Project. – Режим доступа: <https://www.occrp.org/ru/panamapapers/ukraine-poroshenko-offshore/> (дата обращения: 26.03.2022).

27. Петр Порошенко. 100 богатейших украинцев 2021 [Электронный ресурс] / Forbes. – Режим доступа: <https://forbes.ua/ru/profile/petro-poroshenko-6> (дата обращения: 26.03.2022).

28. Кривогуз, М. Финансово-промышленные группы востока Украины и состояние промышленности Донецкой и Луганской областей / М. Кривогуз // Россия и новые государства Евразии. 2020. № III (XLVIII). С. 39–52.

29. Закон України «Про запобігання загрозам національній безпеці, пов'язаним із надмірним впливом осіб, які мають значну економічну та політичну вагу в суспільному житті (олігархів)» [Электронный ресурс] / Верховна Рада України. Законодавство України. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1780-20#Text> (дата обращения: 28.03.2022).

30. Tullock, G. The Welfare Costs of Monopolies, Tariffs and Theft / G. Tullock // Western Economic Journal. 1967. №5, С. 224–232.

31. Krueger, A. O. The Political Economy of the Rent-seeking Society / A. O. Krueger // The American economic review. – 1974. vol. 64. С. 293–301.

32. Sitorus, L. E. State Capture: is it a Crime? How the World Perceived it? [Электронный ресурс]. – INDONESIA Law Review, August, 2011. – pp. 45–68 – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/280843044_State_Capture_Is_It_a_Crime_How_the_World_Perceived_It (дата обращения 18.06.2020).

33. Balabushko O. Crony Capitalism in Ukraine. Relationship between Political Connectedness and Firms' Performance (English). Policy Research working paper; no. WPS 8471 [Электронный ресурс] / O. Balabushko, O. Betliy, V. Movchan, R. Piontkivsky, M. Ryzhenkov. – Washington, D.C.: World Bank Group., 2018. – 18 p. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/494271528822739302/pdf/WPS8471.pdf> (дата обращения 18.06.2020).

34. Kjaer, A. M. State capture [Электронный ресурс] / А. М. Кjaer // Encyclopedia Britannica, 27 Dec. 2018. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/state-capture> (дата обращения: 19.06.2020).

35. Ukraine: Letter of Intent, Memorandum of Economic and Financial Policies, and Technical Memorandum of Understanding [Электронный ресурс]. – International Monetary Fund, September 1, 2016. – 74 p. – Режим доступа: <https://www.imf.org/external/np/loi/2016/ukr/090116.pdf> (дата обращения 18.06.2020).

36. Ukraine – Systematic Country Diagnostic: Toward Sustainable Recovery and Shared Prosperity [Электронный ресурс]. – Washington, D.C.: World Bank Group, April 28, 2017. – 93 p. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/268021494851394908/pdf/Ukraine-SCD-Document-April28-2017-05102017.pdf> (дата обращения 18.06.2020).

37. Wilson, A. Survival of the Richest: How Oligarchs Block Reform in Ukraine [Электронный ресурс] / A. Wilson. – United Kingdom, London, the European Council on Foreign Relations, April, 2016. – 11 p. – Режим доступа: https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR_160_SURVIVAL_OF_THE_RICHEST-HOW_OLIGARC1_BLOCK_REFORM_IN_UKRAINE.pdf (дата обращения 18.06.2020).

38. State Capacity, State Capture and their Effects on the Implementation of Association Agreements in the Eastern Neighbourhood, EU-STRAT Working Paper No.19 [Электронный ресурс] / Laure Delcour, Antoaneta Dimitrova, Klaudijus Maniokas, Katarzyna Wolczuk. – «The EU and Eastern Partnership Countries – An Inside-Out Analysis and Strategic Assessment» (EU-STRAT), June, 2019. – 29 p. – Режим доступа: <http://eu-strat.eu/wp-content/uploads/2019/06/EU-STRAT-Working-Paper-No.-19.pdf> (дата обращения 18.06.2020).

Ivankov K. V.

THE RENT-SEEKING BEHAVIOR IN THE ACTIVITIES OF THE POLITICAL AND ECONOMIC GROUPS OF UKRAINE

Annotation: The article considers the problematic aspects of rent-seeking as one of the key strategies that determine the activities of political and economic groups in Ukraine. The issues of the essence and genesis of mentioned groups, as well as the mechanisms of the rent-seeking behavior are revealed. In addition, the problem of synthesis of political and economic groups and the political elite of Ukraine is analyzed. It is emphasized that political and economic groups managed to take control over the processes of political decision making, as well as the foreign policy mechanism of Ukraine. In order to maximize the volume of available rents, the mentioned groups have transformed the political system of the country. At the same time, the mentioned transformations led to inability of the political elite to develop an effective strategy for state building and counteracting emerging crises. In addition, the practice of rent-seeking behavior conducted by the Ukrainian political elite, have created the situation of deep dependence of Ukraine's domestic and foreign police on the external subjects, including the Western countries and international organizations, such as the International Monetary Fund and the World Bank. The demands put forward by the mentioned organizations include the reforms in the fields of education, banking sector, health care and social support have nothing in common with the improvement of the situation in the mentioned elements of social system. In opposite, the reforms under consideration are focused on the staff reduction in the mentioned branches, the reduction or even elimination of the health care institutions, the decreasing of the public support measures, and the increasing the size of tariffs for the population.

The important inference given is that the influence of political and economic groups' members on the political processes in Ukraine is significant. The corruption schemes conducted by a various politicians and businessmen have been creating a large amount of wealth for the members of Ukrainian government, what makes corruption extremely profitable for Ukrainian political elite. In return, the corruption schemes provide members of political and economic groups with additional leverage to increase their income. The

mentioned mutual enrichment resulted in strong interfusion of political and economical elites and in decreasing of the political system's effectiveness.

This situation subsequently led to failure of all major projects of state building in Ukraine, and, moreover, created an opportunity and base for the external actors to influence the political processes in Ukraine. The mentioned influence was strongly intensified during the periods of presidential election campaigns and coups, and eventually resulted in factual loss of Ukraine's sovereignty.

In this regard, the political and economic groups in Ukraine have played one of major roles in deepening of current systematic crisis situation through wide implementation of rent-seeking behavior.

Keywords: rent-seeking behavior, political and economic groups, political elite, politics of Ukraine, corruption, external influence on foreign policy mechanism.

References

1. Lisnichuk, O. V., Sushko, O. V. Chi je politiko-ekonomichni grupi pereshkodoyu dlya politichnogo rozvitku Ukraini? [Are The Political and Economic Groups an Obstacle to the Political Development of Ukraine?]. – Kyjiv: The Friedrich Ebert Foundation, regional agency in Ukraine, Belarus and Moldova, 2005, 76 p.
2. Gasparyan, L. S. Fenomen politicheskoy sily v tranzitivnom ukrainskom obshchestve: Krym v postsovetskij period [The Phenomenon of Political Power in Transitive Ukrainian Society: Crimea in the Post-Soviet Period]. Candidate's Thesis. Simferopol, 2009, 189 p.
3. Latkov, A. V. Formy rentoorientirovannogo povedeniya v sovremennyh social'no-ekonomicheskikh sistemah [Forms of Rent-Seeking Behavior in Modern Socio-Economic Systems] // Psihologiya i ekonomika [Psychology and Economy]. 2008, Vol. 1, № 1–2. P. 36–41.
4. Levin, M. I. Rentoorientirovannoe povedenie v sistemah so slozhnoj strukturoj [Rent-Seeking Behavior in Systems with a Complex Structure] // Moscow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2016, 37 p.
5. Lineckij, A. I. Mekhanizm vozdejstviya politicheskikh institutov na hod ekonomicheskogo razvitiya [The Mechanism of Influence of Political Institutions on the Course of Economic Development] // Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2016, №2. P. 152–170.
6. Bystrova, J. V. Offshory – nalogovyj raj [The Offshores as a Tax Haven] // Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki [Scientific notes of OSU. Series: Humanities and social sciences]. 2011, №1. P. 227–230.
7. Grosfeld, O. V. Stanovlennya lobizmu v suchasnij Ukraïni [The Formation of Lobbying in Modern Ukraine]. Candidate's Thesis. Simferopol, 2009, 209 p.
8. Stavickij, A. V. Nacional'no-istoricheskij mif Ukrainy : Monografiya [Stavitsky, A. V. National and historical myth of Ukraine: Monograph]. – Sevastopol: Ribest, 2015, 748 p.

9. Chigrin, V. A. Osobennosti formirovaniya ukrainskoj politiki i ih vliyanie na integracionnye processy na postsovetском prostranstve: tezisy doklada [Peculiarities of Ukrainian Policy Formation and Their Influence on Integration Processes in the Post-Soviet Space: Abstracts of the Report] // Mezhdunarodnaya konferenciya zhurnala «Mezhdunarodnaya zhizn'» «Osobennosti sovremennyh integracionnyh processov na postsovetском prostranstve. Krym – novaya real'nost'» 15–19 oktyabrya 2014 goda [International conference of the journal «International Affairs» «Peculiarities of modern integration processes in the post-Soviet space. Crimea is a new reality» October 15–19, 2014]. – Yalta, 2014. P. 61–63.

10. Postanova Verhovnoi Radi Ukraïni «Pro dopovid' Prezidenta Ukraïni “Pro osnovni zasady ekonomichnoi ta social'noi politiki”» [Decree of the Verkhovna Rada of Ukraine «On the report of the President of Ukraine “On the main basics of economic and social policy”»] [Electronic resource] // Verhovna Rada Ukraïni. Zakonodavstvo Ukraïni [Verkhovna Rada of Ukraine. Legislation of Ukraine]. – Access mode: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/216/94-%D0%B2%D1%80> (date of application: 28.04.2022).

11. Ukaz Prezidenta Ukraïni «Pro Strategiyu podolannya bidnosti» [Decree of the President of Ukraine «On the Strategy to overcome poverty»] [Electronic resource] // Verhovna Rada Ukraïni. Zakonodavstvo Ukraïni [Verkhovna Rada of Ukraine. Legislation of Ukraine]. – Access mode: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/637/2001> (date of application: 28.04.2022).

12. Modernizaciya Ukraïni – nash strategichnij vibir: SHCHorichne Poslannya Prezidenta Ukraïni do Verhovnoi Radi Ukraïni [Modernization of Ukraine - our strategic choice: Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine] // Nacional'nij institut strategichnih doslidzhen' [National Institute for Strategic Studies]. – Kyiv.: NISS, 2011, 432 p.

13. Analitichna dopovid' do SHCHorichnogo Poslannya Prezidenta Ukraïni do Verhovnoi Radi Ukraïni «Pro vnutrishne ta zovnishne stanovishche Ukraïni v 2018 roci» [Analytical report to the Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine «On the internal and external situation of Ukraine in 2018»] // Nacional'nij institut strategichnih doslidzhen' [National Institute for Strategic Studies]. – Kyiv.: NISS, 2018, 688 p.

14. Kas'yanov, G. V. Sistema vladnih vidnosin u suchasnij Ukraïni: grupi interesu, klani ta oligarhiya [The System of Power Relations in Modern Ukraine: Interest Groups, Clans and Oligarchy] // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal [Ukrainian Historical Journal]. 2009, № 1. P. 160–180.

15. Kryshantovskaya, O. V. Biznes-elita i oligarhi: itogi desyatiletiya [Business Elite and Oligarchs: the Results of the Decade] // Mir Rossii [The world of Russia]. 2002, Vol. 11, № 4. P. 3–60.

16. Kas'yanov, G. V. Ukraina 1991–2007: ocherki novejshej istorii [Ukraine 1991–2007: Essays on Recent History]. Kyjiv, Nash chas [Our Time], 2008, 480 p.

17. Ekonomichna statistika. Cini [Economic statistics. Prices] [Electronic resource] // Derzhstat Ukraïni [State Statistics Service of Ukraine]. – Access mode: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/menu/menu_u/cit.htm (date of application: 21.03.2022).

18. Shapoval, K. 1993 god. Giperinfljaciya [1993. Hyperinflation] [Electronic resource] // Forbes Ukraine. – Access mode: <https://forbes.ua/ru/company/30-rokiv-ukrainskomu-biznesu-1993-rik-giperinfljatsiya-06072021-1956> (date of application: 21.03.2022).
19. Lobanov, P. V. Ekonomika finansovo-promyshlennyh grupp [The Economy of Financial and Industrial Groups] // Ekonomika promyshlennosti [Industrial economics]. 2006, №1 (32). P. 29–38.
20. Bakaj Igor Mihajlovich. Obranj po viborchomu okrugu №208 [Bakaj Igor Mikhailovich. Elected in constituency №208] [Electronic resource] / Verhovna Rada Ukraini [The Verkhovna Rada of Ukraine] – Access mode: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/radac_gs09/d_ank_arh?kod=20302 (date of application: 15.02.2022).
21. Bakaj Igor Mihajlovich. Obranj po viborchomu okrugu №64 [Bakaj Igor Mikhailovich. Elected in constituency №64] [Electronic resource] / Verhovna Rada Ukraini [The Verkhovna Rada of Ukraine] – Access mode: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/radac_gs09/d_ank_arh?kod=703203 (date of application: 15.02.2022).
22. Degtyareva, O. V. Kommunikativnye strategii mediaholdingov Ukrainy v legitimacii vlasti i lobbirovanii interesov finansovo-promyshlennyh grupp [Communicative Strategies of Ukrainian Media Holdings in Legitimizing Power and Lobbying the Interests of Financial and Industrial Groups]. Candidate's Thesis. St. Petersburg, 2016, 300 p.
23. Vysockij, S. Oligarhi na sjedenie. Kogo mozhet lishit' biznesa novaya vlast' [Oligarchs to Eat. Who Can Be Deprived of Business by the New Government] // Focus, 2010, №15 (178), 9 April.
24. Aksenov, Y. I. Deti gaza i stali [Children of gas and steel] [Electronic resource] // Ekspert [Expert]. – Access mode: https://expert.ru/expert/2004/38/38ex-fpg_28421/ (date of application: 24.02.2022).
25. Kvartal, Ledi YU i prezidentskaya «Izyuminka»: s kakim biznesom svyazany TOP-10 kandidatov v Prezidenty [Quarter, Lady Yu and the presidential "Zest": what business are the TOP-10 presidential candidates connected with] [Electronic resource] // YouControl. – Access mode: <https://youcontrol.com.ua/ru/data-research/zyakym-biznesom-pov%E2%80%99iazani-top-10-kandydativ-u-prezidynty/> (date of application: 26.03.2022).
26. Ofshornyj nalogovyj manevr prezidenta Ukrainy [Offshore tax maneuver of the President of Ukraine] [Electronic resource] // Organized Crime and Corruption Reporting Project. – Access mode: <https://www.occrp.org/ru/panamapapers/ukraine-poroshenko-offshore/> (date of application: 26.03.2022).
27. Pyotr Poroshenko. 100 bogatejshih ukraincev 2021 [Petro Poroshenko. 100 richest Ukrainians 2021] [Electronic resource] // Forbes Ukraine. – Access mode: <https://forbes.ua/ru/profile/petro-poroshenko-6> (date of application: 26.03.2022).
28. Krivoguz, M. Finansovo-promyshlennye gruppy vostoka Ukrainy i sostoyanie promyshlennosti Doneckoj i Luganskoj oblastej [Financial and industrial groups of the east of Ukraine and the state of industry in the Donetsk and Lugansk regions] //

Rossiia i novye gosudarstva Evrazii [Russia and the new states of Eurasia]. 2020. № III (XLVIII). P. 39–52.

29. Zakon Ukraini «Pro zapobigannya zagrozam nacional'nij bezpeci, pov'yazanim iz nadmirmim vplivom osib, yaki mayut' znachnu ekonomichnu ta politichnu vagu v suspil'nomu zhitti (oligarhiv)» [Law of Ukraine «On Prevention of Threats to National Security Related to Excessive Influence of Persons with Significant Economic and Political Weight in Public Life (Oligarchs)»] [Electronic resource] // Verhovna Rada Ukraini. Zakonodavstvo Ukraini [Verkhovna Rada of Ukraine. Legislation of Ukraine]. – Access mode: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1780-20#Text> (date of application: 28.03.2022).

30. Tullock, G. The Welfare Costs of Monopolies, Tariffs and Theft / G. Tullock // Western Economic Journal. 1967. №5. P. 224–232.

31. Krueger, A. O. The Political Economy of the Rent-seeking Society / A. O. Krueger // The American economic review. – 1974. vol. 64. P. 293–301.

32. Sitorus, L. E. State Capture: is it a Crime? How the World Perceived it? [Electronic resource]. – INDONESIA Law Review, August, 2011. – P. 45–68 – Access mode:

https://www.researchgate.net/publication/280843044_State_Capture_Is_It_a_Crime_How_the_World_Perceived_It (date of application 18.06.2020)

33. Balabushko O. Crony Capitalism in Ukraine. Relationship between Political Connectedness and Firms' Performance (English). Policy Research working paper; no. WPS 8471 [Electronic resource] / O. Balabushko, O. Betliy, V. Movchan, R. Piontkivsky, M. Ryzhenkov. – Washington, D.C.: World Bank Group., 2018. 18 p. – Access mode: <http://documents.worldbank.org/curated/en/494271528822739302/pdf/WPS8471.pdf> (date of application 18.06.2020).

34. Kjaer, A. M. State capture [Electronic resource] / A. M. Kjaer. – Encyclopedia Britannica, 27 Dec. 2018. – Access mode: <https://www.britannica.com/topic/state-capture> (date of application: 19.06.2020).

35. Ukraine: Letter of Intent, Memorandum of Economic and Financial Policies, and Technical Memorandum of Understanding [Electronic resource]. – International Monetary Fund, September 1, 2016. 74 p. – Access mode: <https://www.imf.org/external/np/loi/2016/ukr/090116.pdf> (date of application 18.06.2020).

36. Ukraine – Systematic Country Diagnostic: Toward Sustainable Recovery and Shared Prosperity [Electronic resource]. – Washington, D.C.: World Bank Group, April 28, 2017. – 93 p. – Access mode: <http://documents.worldbank.org/curated/en/268021494851394908/pdf/Ukraine-SCD-Documents-April28-2017-05102017.pdf> (date of application 18.06.2020).

37. Wilson, A. Survival of the Richest: How Oligarchs Block Reform in Ukraine [Electronic resource] / A. Wilson. – United Kingdom, London, the European Council on Foreign Relations, April, 2016. 11 p. – Access mode: https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR_160_SURVIVAL_OF_THE_RICHEST-_HOW_OLIGARC1_BLOCK_REFORM_IN_UKRAINE.pdf (date of application 18.06.2020).

38. State Capacity, State Capture and their Effects on the Implementation of Association Agreements in the Eastern Neighbourhood, EU-STRAT Working Paper No.19 [Electronic resource] / Laure Delcour, Antoaneta Dimitrova, Klaudijus Maniokas, Katarzyna Wolczuk. – «The EU and Eastern Partnership Countries – An Inside-Out Analysis and Strategic Assessment» (EU-STRAT), June, 2019. – 29 p. – Access mode: <http://eu-strat.eu/wp-content/uploads/2019/06/EU-STRAT-Working-Paper-No.-19.pdf> (date of application 18.06.2020).

Сведения об авторе

Иванков Кирилл Владимирович, аспирант 3-го года обучения, направление подготовки 41.06.01 Политические науки и регионоведение, кафедра политических наук и международных отношений, г. Симферополь, Институт «Таврическая академия», Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского.

Email: admiralmyers@mail.ru

Kirill V. Ivanov – the 3rd year postgraduate student, Field 41.06.01 Political Sciences and Regional Studies, Chair of Political Sciences and International Affairs, Simferopol, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

Email: admiralmyers@mail.ru

УДК 322.2

**МЕДИАТИЗИРОВАННЫЙ ОБРАЗ ГОСУДАРСТВЕННО-
КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ**

Родионова Е. В., Коваленко В. Д.

***Аннотация.** Статья опирается на результаты исследовательского проекта «Государство и религия на Северо-Западе: социологический анализ», который был проведен СЗИУ РАНХиГС в 2020 году и направлен на разработку и внедрение междисциплинарной методологии анализа религиозной ситуации в Северо-Западном федеральном округе. В статье приводятся результаты исследования взаимоотношения государства и религиозных институтов по 5-ти регионам федерального округа. Авторы анализируют актуальные теоретические наработки в исследованиях современных государственно-конфессиональных отношений, изучения медиатизации религии и делают вывод о многоярусной структуре современной коммуникации между государством и религиозными организациями в том числе и в сети Интернет, а также об особенностях подачи информации о государственно-конфессиональном диалоге в публичной сфере. Методами эмпирического исследования выступили качественный и количественный контент-анализ, ивент-анализ с акцентом как на различных регионах, так и на совокупность факторов по всему Северо-Западному федеральному округу в целом. В ходе исследования дается заключение о формате и формах медиа-коммуникации делается вывод о разной модели медиа-образа государственно-конфессиональных отношений в каждом регионе и о первостепенной роли РПЦ в государственно-конфессиональном диалоге регионов СЗФО.*

***Ключевые слова:** медиатизация религии, государственно-конфессиональные отношения, Северо-Западный федеральный округ, государственно-конфессиональный диалог.*

Область взаимодействия государства и религиозных организаций является актуальной сферой для изучения современной религиозной ситуации в России. Это обусловлено тем, что именно современное государство выполняет ряд значимых надзорных и контролирующих функций в религиозной сфере. Тема тесно связана с государственным контролем в области современных социальных институтов, политических и религиозных символов, а также смежных с ними вопросов исторической памяти, что выступает крайне важным как для современных традиционных и официальных, так и относительно новых и неофициальных религиозных объединений. Однако неизвестно, в какой степени авторитет государства для каждой из них наиболее актуален.

Система государственно-конфессиональных отношений может быть определена как система изменяющихся форм взаимосвязей и взаимоотношений, как система коммуникаций, в основе которой лежит законодательно закрепленное представление о месте религии и религиозных объединений в жизни общества [1]. Но определение обширной и сложной структуры государственно-конфессиональных отношений через призму права ведет к пониманию этой системы в нормативном ключе. Мы акцентируем внимание именно на коммуникационном аспекте, который выступает одним из первостепенных для формы и наполнения государственно-конфессиональных отношений. Это особенно актуально ввиду того, что современные процессы коммуникации подвержены влиянию новых технологических явлений, самыми важными из которых выступают изменения, связанные с появлением и развитием сети интернета и медиасферы. Появление и распространение социальных сетей, мессенджеров, онлайн-платформ и других новых медиа меняют подход к осмыслению роли коммуникации, а увеличивающиеся объемы информации изменяют фокус рассмотрения многих феноменов. Ярким примером этой перестройки стала сформулированная на рубеже веков методологическая рамка медиалогии П. Бурдьё. Автор отталкивался от категории «внимание», характеризуя принцип работы современных коммуникационных практик, ведь именно внимание зависит от располагаемого реципиентом времени, что провоцирует конкуренцию со стороны коммуникаторов за ресурсы реципиентов. В связи с этим особо важным становится коммуникационный массмедийный капитал в особом «журналистском поле», который является специфической разновидностью символического капитала и напрямую связан с узнаваемостью и закреплением социальных статусов внутри социальных полей [2].

О значимости медиа и информации писал также Ж. Бодрийар. В своей работе «Симулякры и симуляции» он выдвинул тезис, что именно информация опосредует реальность и пересоздает ее, поскольку без информационного опосредования нет меры реальности [3].

В научном дискурсе совокупность явлений, связанных с возрастающей ролью медиа и цифровых технологий, именуется категорией «медиатизация», которая имеет множество определений и дефиниций. Наиболее актуальным определением этой категории, на наш взгляд, является дефиниция Ф. Кротца, который характеризует медиатизацию как мета-процесс общечеловеческого масштаба наряду с глобализацией, коммерциализацией, рационализацией и индивидуализацией [4]. Также значимость процесса медиатизации для всех сфер жизни социума подробно описана в работе Н. Коулдри и А. Хеппа «Медиатизированное конструирование реальности», в которой авторы постулируют идею о глубокой медиатизации современной общественной жизни, а само конструирование социальной реальности происходит с помощью технологически опосредованных процессов коммуникации, т.е. медиа [5].

Медиа влияют и на религиозную сферу, в том числе и на ее подсферы, включая государственно-конфессиональные отношения, которые являются неотъемлемой частью общественных отношений и также подвержены изменениям, связанным с развитием современных медиа и опосредованными ими видами социального действия.

Некоторые исследователи характеризуют подобные феномены как «медиация религии», «дигитализация религии» или «цифровизация религии», однако мы склонны придерживаться такой категории как «медиатизация религии».

В рамках этого направления существует теория «Медиатизированных миров» Ф. Кротца и А. Хеппа. Для характеристики медиатизированных миров авторы прибегают к социальной феноменологии и к символическому интеракционизму. «Медиатизированные миры» – это метафора того факта, что различные контексты современной повседневной жизни отмечены медийной коммуникацией. В основе теории лежит установка феноменологического подхода (А. Шюц, Т. Лукман) о том, что медиатизированные миры понимаются как миры повседневной жизни, а именно как та область реальности, которую нормальный взрослый человек просто воспринимает как должное. Сами миры зависят от коммуникации и передачи информации, а в современности они становятся экстерриториальными, имеют разный масштаб и переплетены друг с другом [6]. Отечественный социолог Е.А. Островская отмечала, что в большинстве статей авторы также старались отстраниться от попыток определить медиатизацию как застывшую или статистическую данность [7].

Медиатизация религии – частный раздел современного направления медиатизации, внутри которого нет консенсуса относительно основополагающих дефиниций. Датский социолог С. Хьярвард в определении медиатизации религии делает акцент на том факторе, что медиатизация не меняет саму религию, но предполагает многообразие метаморфоз, которые вступают во взаимодействие с уже существующими тенденциями, присущих религии [8]. В целом Хьярвард определяет медиатизацию следующим образом: «Медиатизацию религии можно рассматривать как часть постепенной секуляризации: это исторический процесс, в ходе которого средства массовой информации взяли на себя многие социальные функции, которые раньше выполнялись религиозными институтами» [9, с. 11].

Другой исследователь М. Ловхайм выступает в качестве оппозиции С. Хьярварду. В своих работах Ловхайм акцентирует внимание на том, что религия и медиа являются социальными феноменами, производными от конкретных общественных отношений. Медиатизация религии, в концепции Ловхайма, – это двунаправленный процесс, в котором медиа формируют общественные представления о религии, но и сами религии активно позиционируют свои идентичности и консолидации в цифровом социальном пространстве [10].

Можно отметить, что нет ничего удивительного в том, что религиозные организации перенимают форматы поведения у гражданских институтов, находящихся в светском обществе, стараясь привлекать к освещению своей деятельности не только собственные СМИ, но общественные и даже государственные, выстраивая медиастратегию многоярусно. Само медиапространство является питательной средой не только для появления и возвращения новых ценностей и идентичностей, но даже для появления новых языковых диалектов. Информационное опосредование реальности создает ситуацию, когда информация о событиях с религиозной компонентной, их медиа-образы являются в разы важнее и актуальнее реальных событий и религиозных практик.

Медиатизированные миры не только являются тем, что люди воспринимают в качестве «нормального», но также являются пространством публичного, поэтому выступают фактором политического. Это особо важно в рамке «медиатизации религии», так как коммуникационные неполитические, ранее не публичные явления (например, поздравления от официальных лиц по тем или иным поводам) могут стать событием консолидации или разделения для разных социальных групп. Это происходит из-за того, что основным вопросом для политических акторов и государства выступает вопрос власти как процесса концентрации силовых и унификации символических ресурсов [11], в том числе, и в ракурсе символической монополии как способности отправлять саму власть не только через внешнее принуждение и репрессии, а через способность совместного мышления и коллективного действия.

Темы религии, межрелигиозного и межкультурного диалогов в обществе являются крайне важными в современном динамичном мире, особенно в прогрессивных и передовых регионах России. Крупные концептуальные исследования не только в СЗФО в целом, но и в таком крупном субъекте как Санкт-Петербург проводятся крайне редко. В то же время перед управленческим и экспертным сообществом стоит ответственная задача конструирования и воплощения функциональной межрелигиозной политики, требующей глубокой проработки и мощной информационной базы. Именно на создание подобного фундамента направлено данное исследование.

По теме медиакоммуникации в государственно-конфессиональном диалоге в России исследований категорически мало, чтобы у авторов была возможность обобщить опыт и описать методологические рамки исследований. Большинство работ так или иначе посвящены смежным темам – в социологии православных приходов социальному измерению православных общин, православному дискурсу, где особо можно отметить труды И. Забаева [12], В.А. Шумковой [13], Е.В. Пруцковой [14] и многих других. Во многом новизна проекта, на основании которого написана данная работа, и заключалась в том, что авторы прилагали алгоритм изучения медиатизации к государственно-конфессиональным отношениям. Попытка провести анализ медиасферы схожим образом был предпринята в работе В.Д. Коваленко «День Победы и Пасха – конструирование социального значения этих праздников в медиа органов власти» [15].

Современный субъект Российской Федерации является структурой коммуникации и согласования интересов разных общественных групп, в деятельности которых религия играет важную роль. Ввиду пилотажного характера исследования в исследовательский фокус попало пять субъектов – Санкт-Петербург, Псковская область, Новгородская область, Архангельская область и Ленинградская область.

Для характеристики религиозной ситуации в Северо-Западном регионе России в первую очередь необходимо сконцентрироваться на основных характеристиках медиатизации взаимоотношений государства и религиозных организаций в регионе. Каждый субъект федерации представляет собой отдельную структуру взаимоотношений и отдельное инфополе, поэтому применение единой методологии к

изучению различных структурных частей региона является не только аналитическим преимуществом, но и несет в себе возможность для сравнительного исследования.

В данной работе мы прибегли к использованию методов количественного и качественного контент-анализа, а также использованию метода ивент-анализа в применении их к медиа. Такой набор методов позволяет изучить динамику и форматы коммуникации между религиозными организациями, между государством и религиозными организациями, исследовать вопрос количества и форм основных событий и мероприятий в межрелигиозной сфере и межрелигиозном диалоге.

Указанные методы обладают характерными классическими чертами. Они заключаются, например, в поиске наиболее значимых тематик или символов, кодировке языковых единиц и т.п. Однако сам характер современных медиа привносит в процесс выполнения указанных операций новые свойства. Основными, выделенными А. Вик, нетипичными чертами анализа медиа являются:

- отсутствие организации исследуемого массива данных, то есть большая дискретность записей и комментариев в отличие от классической работы с текстами, что обуславливает необходимость жесткого ограничения исследуемого материала по тематикам и временным периодам;
- большое разнообразие форматов и форм контента, которые могут представлять из себя не только текстовые, но и аудиальные, визуальные, иллюстративные и прочие форматы;
- огромное количество «шумов», то есть лишней для исследователя информации, например, нетематических комментариев, видео- и аудио- образов, рекламных записей, что актуализирует важность качественного отбора данных;
- при анализе медиа практически невозможно получить достоверные данные о контексте исследуемого высказывания [16].

Используемый нами количественный контент-анализ направлен на анализ числа опубликованных записей с определенной тематикой, публикационной активности и интенсивности тех или иных медиа. Качественный контент-анализ направлен на формат публикуемого контента, его объем, смысловую направленность, наличие тех или иных видов лексики в текстах и медиа-образах. Ивент-анализ направлен на получение информации о событиях, их участниках и форматах их взаимодействия между собой.

На основе описанных выше теоретических рамках можно заявить, что целью исследования стало выявление закономерностей в репрезентации в медиа основных событий в государственно-конфессиональном диалоге в каждом из выбранных для анализа субъектов Российской Федерации. При отсутствии полной открытости и публичности взаимоотношений необходимо уточнить, что в фокусе нашего исследования находится непосредственно медиа-образ взаимоотношений между указанными акторами в каждом субъекте, а сама актуальность изучения медиаобраза была обоснована выше.

Специфика проведенного анализа состоит в том, что непосредственно профильные медиа органов власти или религиозных организаций не являются наиболее популярными медиа в обществе; некоторые медиа, например, официальная группа правительства Псковской области в социальной сети ВКонтакте имеет на

момент проведения исследования 38 881 подписчиков, а сетевое региональное издание «Псков Сегодня» – 60 573. Такая диспропорция будет еще сильнее, если мы обратимся к сопоставлению аудитории светских и религиозных медиа; аудитория официальной группы в ВКонтакте Санкт-Петербургской епархии «Церковь в Петербурге» составляет 8 868 подписчиков, в то время как региональный новостной портал «Фонтанка.ру» насчитывает 232 596 подписчиков в этой же социальной сети.

Важно учитывать, что в современном мире средства массовой информации и массовой коммуникации выполняют не только осведомительную функцию, но являются элементами управления и контроля, связанными с системой символов и легитимацией этих символов в обществе. Поэтому само упоминание в медиа тех или иных событий органов власти, контекст упоминания и формат, а также возможное отсутствие информации о тех или иных событиях выступают формой политического действия, выстраивающих иерархию ценностей и смыслов. Несмотря на узкий профиль религиозных и государственных медиа для нашего исследования исключительно важен вопрос изучения именно репрезентации событийной картины явлений с религиозной компонентой в этих медиа.

В.М. Хруль в своей работе по изучению 25-ти российских СМИ вскрыл специфический характер репрезентации религиозной тематики в медиа. По данным его исследования, в десятой части публикаций журналисты не потрудились объяснить специальную религиозную лексику, которую употребляют, а в большинстве случаев (77,2%) тексты практически не содержали религиозной лексики и терминов [17]. Здесь стоит сделать акцент на том, что позиционирование информации в официальных религиозных медиа является наиболее приближенным к официальным позициям религиозных организаций и религиозных деятелей. Данный тезис подтверждается заявлениями руководителей религиозных организаций. Выступая на Архиерейском соборе 2 февраля 2011 года, Патриарх Кирилл отметил: «Если мы будем бездействовать, то журналисты самостоятельно, по своему разумению сформируют для общества образ Церкви. Без нашего участия этот образ может оказаться односторонним, а в худшем случае – уродливым и лживым» [18].

Дадим краткую характеристику методических особенностей нашего исследования. Оно состоит из нескольких этапов. Мы используем метод инвентаризации, который направлен на обработку публичной информации и позволяет упорядочить и структурировать упоминания в виде событийного ряда, параллельно с этим формализовав события по выделенным нами критериям. Систематизация и обработка соответствующей информации осуществляется по следующим признакам: авторы (кто); сюжет (что); контекст (в каких условиях); дата события (когда). Таким образом систематизированные события сводились в таблицы, в которых они кодировались с использованием латентного и манифестного методов и обрабатывались вручную. В фокус нашего исследования попали мероприятия, связанные с присутствием и участием исключительно высших лиц региональной политики и религиозных организаций; лидеров ветвей власти, руководителей ведомств, федеральных государственных, политических и общественных деятелей, руководителей и деятелей региональных религиозных организаций. Религиозные организации были ограничены представителями нескольких «традиционных»

направлений. Такой фокус обуславливается, прежде всего, пилотажным характером исследования и весьма разветвленной и обширной сетью коммуникаций религиозных организаций с органами власти в рамках повседневного функционирования. Вопрос же коммуникации руководящего состава даст нам представление об основных форматах взаимоотношений на высшем уровне.

Первая фаза подобного анализа – формализация упоминания о событии в соответствии с кодировочной системой, то есть создание новых данных о событии. Этот процесс состоит из этапов сбора информации, разработки кодировочной системы, выбора способа кодировки и создания самой базы данных.

Вторая фаза – анализ полученных данных для конструирования событийных моделей, а также создание и описание гипотез. Ивент-анализ предназначен не только для формирования базы данных, его цель заключается в получении объемных и содержательных выводов на основе анализа полученного массива данных.

Эмпирическими индикаторами первостепенного внимания, уделяемого субъектам, являлись:

- Вид субъекта власти (законодательная, исполнительная);
- Конфессия религиозной организации;
- Вид религиозной организации.

Эмпирическими индикаторами первостепенного внимания, уделяемого теме, являлись:

- Дата события;
- Формат мероприятия (очно или заочно);
- Форма проведения (памятная акция, рабочая встреча и т.д.);
- Тематика мероприятия.

Эмпирическим индикатором первостепенного внимания к формату участия являлись:

- Представители власти, присутствующие на событии;
- Представители религиозной организации, присутствующие на событии.

В исследовании применялось как манифестное, так и латентное кодирования. Манифестное кодирование применялось при обработке данных о дате события, формате, представителях власти и религии. Латентное же кодирование применялось к формату, форме проведения и тематикам мероприятий. Манифестное кодирование проводилось в один этап, латентное кодирование проводилось в два этапа, на первом заполнялись основные данные о мероприятии, на втором они переводились в систему классификации, единую для всех событий и субъектов.

Процесс формирования выборки в подобных исследованиях также отличается от этого процесса в классических методах. В данном случае при анализе коммуникационных стратегий наиболее функциональным является метод интенсивной выборки, который подразумевает отбор наиболее информационно полных объектов, которые могут предоставить больше данных об исследуемом явлении. При этом для каждого субъекта СЗФО были отобраны собственные региональные медиа, обладающие полнотой данных. В выборку в каждом из регионов включены (при наличии медиа в регионе):

- Официальный сайт администрации субъекта;

- Официальный сайт законодательного органа субъекта;
- Официальная группа правительства субъекта в социальной сети ВКонтакте;
- Официальная страница губернатора субъекта в социальной сети ВКонтакте (или в другой социальной сети в случае наличия);
- Официальный сайт митрополии или епархии субъекта;
- Официальный сайт мусульманской религиозной организации субъекта;
- Официальный сайт иудейской религиозной организации субъекта;
- Официальный сайт буддийской религиозной организации субъекта;
- Официальный сайт римско-католической религиозной организации субъекта;
- Официальный сайт лютеранской религиозной организации субъекта.

Объектом исследования являлись публикации в отобранных СМИ и медиа в период с 01.09.2019. по 01.09.2020, так как именно данный период обладает событийной полнотой, включающей основные религиозные праздники. Этот период способен предоставить нам характеристику религиозной ситуации как до коронавирусной пандемии, во время и после снятия самых значительных ограничений.

Задача единой классификации данных ставит нас перед необходимостью финальной обработки данных во всех субъектах, для чего была проведена операция перекодировки собранного массива в сводную таблицу, в процессе чего применялись методы качественного и количественного контент-анализа для уже сформированных таблиц ивент-анализа в каждом исследуемом субъекте. В фокус нашего внимания попали основные качественные и количественные характеристики прошедших мероприятий с религиозной компонентой в выбранных субъектах.

Мы свели все данные из таблиц в единую матрицу, указав в некоторых случаях наиболее часто встречающиеся категории (например, в случае с тематиками контактов между представителями органов власти и религиозных организаций). Переменные, попавшие в массив в нерепрезентативном варианте, а именно один раз, в сводную таблицу не включались, так как включение такого рода данных могло привести к дисбалансу всей таблицы. Подобного рода короткие упоминания являют собой объект повышенного интереса для исследования, однако не в контексте данного исследования, рассчитанного на осмысление современной государственно-религиозной медиасферы как таковой. Данные приведены в таблице 1.

Таблица 1

Сводная таблица событий по всем регионам

	Новгородская	Санкт-Петербург	Ленинградская	Псковская	Архангельская
Участники со стороны религиозных организаций	Митрополит Лев 17 Епископ Арсений 4	Митрополит Варсонофий 21 Епископ Назарий 2	Митрополит Варсонофий 2 Епископ Тихвинский и Лодейнопольский Мстислав 4	Митрополит Тихон 11	Митрополит Корнилий 20

Участники со стороны государства	Губернатор Новгородской области А. Никитин 16 председатель областной Думы Е. Писарева 13 мэр Великого Новгорода С. Бусурин 6 председатель Думы Великого Новгорода А. Митюнов 4 Первый заместитель губернатора Новгородской области – руководитель администрации и губернатора С. Сорокин 3	Губернатор Санкт-Петербурга А. Беглов 25 Председатель Зак. Собрания В. Макаров 8	Губернатор Л.О. А. Дрозденко 6	Губернатор Псковской области М. Ведерников 10	губернатор Архангельской области И. Орлов 5 Вр. И. О. губернатор Архангельской области А. Цыбульский 6 Заместитель губернатора, руководитель представительства региона при Правительстве России Е. Кутукова 4 Первый заместитель Губернатора Архангельской области А. Алсуфьев 6
Временной период	Сентябрь 1 Октябрь 1 Ноябрь 5 Декабрь 5 Январь 3 Февраль Март Апрель Май 5 Июнь 3 Июль Август 2	Сентябрь 9 Октябрь 2 Ноябрь 4 Декабрь 2 Январь 6 Февраль 2 Март 2 Апрель Май 1 Июнь 5 Июль 1 Август 2	Сентябрь 1 Октябрь 1 Ноябрь 1 Декабрь Январь Февраль Март Апрель Май Июнь Июль 1 Август 2	Сентябрь Октябрь Ноябрь 2 Декабрь 2 Январь Февраль 1 Март 1 Апрель 1 Май Июнь 1 Июля 3 Август 1	Сентябрь 2 Октябрь 1 Ноябрь 2 Декабрь 1 Январь 2 Февраль 1 Март Апрель 2 Май 2 Июнь 1 Июля 3 Август 4
Самые популярные формы проведения	Памятная акция 8 Официальное поздравление 3 Рабочая встреча Богослужение Общественное мероприятие 3 Визит	Памятная акция 5; Официальное поздравление 1; Рабочая встреча 6 Богослужение 9 Общественное мероприятие	Памятная акция 1 Официальное поздравление 1 Рабочая встреча 2 Богослужение Общественное мероприятие 2 Визит	Памятная акция 1 Официальное поздравление 2 Рабочая встреча 3 Богослужение 4 Общественное мероприятие 2	Памятная акция Официальное поздравление Рабочая встреча 13 Богослужение 4 Общественное мероприятие 1 Визит

	высокопоставленного лица Праздничное мероприятие 5	7; Визит высокопоставленного лица 2; Праздничное мероприятие 1	высокопоставленного лица Праздничное мероприятие	Визит высокопоставленного лица 1 Праздничное мероприятие 1	высокопоставленного лица 1 Праздничное мероприятие 2
Самый популярный формат	Очно 21 Заочно	Очно 28 Заочно 8	Очно 6 Заочно	Очно 8 Заочно 2	Очно 21 Заочно
Самая популярная тематика	Памятные и праздничные мероприятия, связанные с историей России, Великой Отечественной войной или праздниками в субъекте Федерации	Общественная тематика	Великая отечественная	Памятные даты, церковные праздники	Государственно-религиозные взаимоотношений, строительство храмовых комплексов, межнациональный диалог

Во всех 5 регионах подавляющее количество событий, освещенных в медиа, были событиями, связанными с присутствием Русской Православной Церкви, из основного массива событий только одно было связано с мусульманской темой. Самая динамичная и самая разнообразная картина государственно-конфессиональных событий отмечена в городе федерального значения Санкт-Петербурге, что объясняется его особым статусом и наиболее разнообразным составом населения. В остальных регионах присутствует своя специфика публичных религиозно-государственных взаимоотношений, которая заключается в выполнении РПЦ разнообразных функций от субъекта к субъекту. В Новгородской области они сводятся к присутствию церкви в публичном медийном пространстве в основном в связи с памятные акции и праздничными мероприятиями, в Архангельской области наиболее часто проходят рабочие встречи между представителями церкви и региональной власти (что обусловлено развитием Соловков и процессами строительства на архипелаге), в Псковской области губернатор чаще всего присутствовал на церковных богослужениях, а в Ленинградской области контакты имели разнообразный характер, но на высшем уровне их было меньше, чем в остальных субъектах.

Самым частым участником контактов с религиозными лидерами являются губернаторы субъектов, без которых не проходят важные религиозные или общественно религиозные события. Так, в трех субъектах практически только губернаторы поддерживали контакты с представителями религиозных организаций, а именно в Псковской, Архангельской и Ленинградской областях. В Санкт-Петербурге

эти контакты осуществлялись как губернатором, так и спикером Законодательного собрания.

Регионами с самым большим набором контактов со стороны государственной власти стала Новгородская и Архангельская области. В первом случае со стороны государства присутствуют представители законодательной, исполнительной и местных властей, в том числе и градоначальники, что объясняется характером участия лидеров двух ветвей власти в памятных акциях и мероприятиях совместно с представителями РПЦ. Во втором случае большое число контактов связано с рабочим характером взаимоотношений, что предполагает усиленную коммуникацию с исполнительной властью по поводу масштабного строительства и реконструкции Соловецкого архипелага.

В то же время в Новгородской области и в Санкт-Петербурге выявлен наивысший уровень контактов между лидерами законодательной власти и представителями религиозных организаций; в двух субъектах характер контактов был схожим. В Петербурге это взаимодействие было связано в большей степени с религиозными службами и памятными акциями, а в Новгородской области – с памятными датами и праздничными светскими событиями, в которых принимали участие главы органов законодательной власти.

Особую форму взаимоотношений между РПЦ и государственной властью можно проследить также через фиксацию публичных контактов во время визита высокопоставленных лиц. В наблюдаемый период в исследуемых нами регионах подобных визитов было 5; визиты президента Российской Федерации в Санкт-Петербург и Псков, а также, визиты Патриарха Кирилла в Санкт-Петербург и Архангельск. В случае визитов лидера государства можно зафиксировать участие в них представителей духовенства высшего ранга. Так во время визита президента в Псков, митрополит Тихон присутствовал в составе встречающей делегации, тематика визита была посвящена памяти погибших солдат псковской дивизии. Первый визит Президента в Санкт-Петербург был связан с религиозной темой и состоял в посещении Рождественского богослужения, в котором не принимал участия глава религиозной организации, а именно, Митрополит, во втором случае это была официальная праздничная акция, посвященная празднованию дня ВМФ.

Визиты Патриарха Московского и всея Руси также сопровождались присутствием первых лиц региона, а именно губернаторов. Цель визита Патриарха в Санкт-Петербург была религиозной, не было рабочего совещания. В случае с визитом в Архангельск с участием Патриарха проходило обсуждение строительных работ около Соловецкого монастыря.

Со стороны религиозных организаций самое большое количество контактов совершают сами руководители, а именно митрополиты и епископы РПЦ, однако присутствуют также священники-настоятели особо почитаемых храмов или руководители структурных подразделений епархий или митрополий. В Санкт-Петербурге также проходили мероприятия с участием представителей мусульманского сообщества, а именно с руководством Духовного управления мусульман Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона России.

Несмотря на коронавирусные ограничения, подавляющее большинство мероприятий было проведено в очном формате без использования дистанционных технологий, в то же время, из-за небольшого количества событий невозможно проследить корреляцию между введениями ограничений на публичную деятельность и количеством событий.

Главным выводом является подтверждение гипотезы о том, что формат государственно-церковных отношений в различных, даже схожих между собой регионах, различен и зависит от региональной повестки, а не от единой федеральной модели взаимоотношения религиозных организаций и государства. С другой стороны, подтверждается общегосударственная установка на поддержку РПЦ. Это может быть объяснено тем, что при формальном присутствии на Северо-Западе разных религий, в том числе протестантства, буддизма, ислама, они не являются самыми крупными акторами в общественной жизни, и число последователей этих религий не велико. На сегодняшний день именно православие является преобладающим религиозным направлением на Северо-Западе. Даже в таком поликонфессиональном и мультиэтничном мегаполисе как Санкт-Петербург доля мусульман, буддистов, протестантов мала, хотя наблюдается рост мусульманских общин за последние несколько лет. По данным исследований, более 50% жителей Санкт-Петербурга считают себя православными [19].

Также значимую роль играет экономическое положение и историческое наследие регионов. Восстановление таких памятников федерального значения как Соловецкий монастырь невозможно без одобрения и поддержки государства. Данные нашего исследования показали весьма значимую долю контактов между религиозными организациями и властями в Архангельской области. В Санкт-Петербурге в качестве основного формата взаимодействия преобладают символические мероприятия: участие в богослужениях, памятные даты, общественные мероприятия.

Репрезентация взаимоотношений между государством и религиозными организациями в официальной медиасфере позволяет реконструировать роль основных участников этих взаимоотношений и понять значимость каждого из них в этой коммуникации. Особый интерес представляет репрезентация этих же отношений в неофициальных источниках. Если властная медийная сфера конструирует эти взаимоотношения безоценочно, то в социальных медиа особую роль играет оценка тех или иных действий и государства, и религиозных организаций. В медиатизированных мирах усиливается политический контекст этих событий, изменяются, реконструируются роли основных акторов.

Список используемой литературы

1. Вероисповедальная политика Российского государства / под ред. М. О. Шахова. М., 2006. С. 9.

2. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований "Прагматика культуры", Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
4. Krotz, F., 2009. Mediatization. A Concept with Which to Grasp Media and Societal Change. Mediatization: Concept, Changes, Consequences, New York: Peter Lang, pp: 21-41.
5. Couldry, N. and A. Hepp, 2017. The mediated construction of reality. Cambridge, UK: Polity Press.
6. Hepp A., Krotz F. Mediatized worlds — understanding everyday mediatization. Mediatized Worlds. Culture and Society in a Media Age. Ed. by A. Hepp, F. Krotz. Basingtoke: Palgrave, 2014. P. 1-14.
7. Островская Е.А. Медиатизация православия – это возможно? // Мониторинг. 2019. №5 (153). С. 300-318.
8. Хьярвард, С. Три формы медиатизированной религии: изменение облика религии в публичном пространстве / С. Хьярвард // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 2. С. 41-75.
9. Hjarvard, S. (2008) "The Mediatization of Religion. A Theory of the Media as Agents of Religious Change", Northern Lights 6(1): 9-26.
10. Lövheim M. (2011) Mediatization of religion: a critical appraisal. Culture and Religion. Vol. 12. No. 2. P. 153—166. <https://doi.org/10.1080/14755610.2011.579738>.
11. Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989- 1992) / Пьер Бурдые; [ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер]; пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой; предисл. А. Бикбова. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с.
12. Забаев Иван, Мелкумян Елена, Павлюткин Иван, Павлюткина Елена, Пруцкова Елена, Орешина Дарья. 2015. Невидимая Церковь: социальные эффекты приходской общины в современном православии. Сборник статей исследовательского семинара "Социология религии" (2011 - 2014 гг.). М: Изд-во ПСТГУ.
13. Шумкова В. А. Ортодоксия vs секулярность: анализ православного дискурса (на примере «Православной газеты») // 30 лет кафедре религиоведения Уральского федерального университета: сборник научных статей. Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо», 2017. С. 271-282.
14. Пруцкова Е. В. Куличи и / или Причастие: факторы, влияющие на выбор способов подготовки к Пасхе среди православных верующих // Религия и История: материалы V Международной научно-практической конференции, Минск, 20-22 апреля 2017 г. Минск: Издательство БГУ, 2017. С. 253–258.

15. Коваленко, В. Д. День Победы и православная Пасха: отражение праздников в медиа властных органов / В. Д. Коваленко // Управленческое консультирование. 2019. № 12(132). С. 182-190.

16. Analyzing the content of social media data // Quirks media URL: <https://www.quirks.com/articles/analyzing-the-content-of-social-media-data> (дата обращения: 29.01.2022).

17. Хруль В.М. Религия в текстах массовой коммуникации: структурно-семантические, функциональные и этические аспекты: дис. д-р фил наук: 10.01.10. М., 2018. 412 с.

18. Предстоятель Русской Православной Церкви: Основная задача информационной деятельности Церкви — проповедь о Христе. 2 февраля 2011 г. // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1399650.html> (Дата обращения - 19.11.2021)

19. Родионова Е.В. Конфликтотенный потенциал религиозных установок жителей мегаполиса: по материалам исследования в Санкт-Петербурге // Мониторинг. 2018. №2 (144). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktotennyy-potentsial-religioznyh-ustanovok-zhiteley-megapolisa-po-materialam-issledovaniya-v-sankt-peterburge> (дата обращения: 11.02.2022).

E. V. Rodionova, V. D. Kovalenko

**MEDIATIZED IMAGE OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS:
REALITY OR SOCIAL CONSTRUCT**

Abstract: The article is based on the results of a large research project "State and Religion in the Northwest: a sociological analysis", which was conducted by the RANEPА in 2020. The project was aimed at developing and implementing an interdisciplinary methodology for analyzing the religious situation in the Northwest Federal District. The article presents the results of the research of the relationship between the state and religious institutions in 5 regions of the Federal District. The authors analyze current theoretical developments in studies of modern state-confessional relations and of the mediatization of religion. Authors conclude about the multi-tiered structure of modern communication between the state and religious organizations. The methods of empirical research were qualitative and quantitative content analysis, event analysis with an emphasis on different regions and a combination of factors in aggregate throughout the North-Western Federal District as a whole. In the course of the study, a conclusion is given about the format and forms of media communication, a conclusion is made about the different model of the media image of state-confessional relations in each region, and about the primary role of the ROC in the state-confessional dialogue of modern regions of the Northwestern Federal District.

Keywords: mediatization of religion, state-confessional relations, North-Western Federal District, state-confessional dialogue.

References

1. Veroyisповedal`naya politika Rossijskogo gosudarstva / pod red. M. O. Shaxova. M., 2006. P. 9.
2. Burd`yo P. O televidenii i zhurnalistike. M.: Fond nauchny`x issledovanij "Pragmatika kul`tury", Institut e`ksperimental`noj sociologii, 2002. 160 p.
3. Bodriyar Zh. Simulyakry` i simulyacii M. : Izdatel`skij dom «POSTUM», 2015. 240 p.
4. Krotz, F., 2009. Mediatization. A Concept with Which to Grasp Media and Societal Change. Mediatization: Concept, Changes, Consequences, New York: Peter Lang, P. 21–41.
5. Couldry, N. and A. Hepp, 2017. The mediated construction of reality. Cambridge, UK: Polity Press.
6. Hepp A., Krotz F. Mediatized worlds — understanding everyday mediatization. Mediatized Worlds. Culture and Society in a Media Age. Ed. by A. Hepp, F. Krotz. Basingtoke: Palgrave, 2014. P. 1–14.
7. Ostrovskaya E.A. Mediatizaciya pravoslaviya – e`to vozmozhno? // Monitoring. 2019. №5 (153). P. 300–318.
8. Hjarvard, S. Tri formy` mediatizirovannoj religii: izmenenie oblika religii v publicnom prostranstve / S. X`yarvard // Gosudarstvo, religiya, Cerkov` v Rossii i za rubezhom. 2020. T. 38. № 2. P. 41-75.
9. Hjarvard, S. (2008) "The Mediatization of Religion. A Theory of the Media as Agents of Religious Change", Northern Lights 6(1): P. 9–26.
10. Lövheim M. (2011) Mediatization of religion: a critical appraisal. Culture and Religion. Vol. 12. No. 2. P. 153–166. <https://doi.org/10.1080/14755610.2011.579738>.
11. Burd`e P. O gosudarstve: kurs lekcij v Kollezh de Frans (1989- 1992) / P`er Burd`e; [red.-sost. P. Shampan`, R. Lenuar, F. Pupo, M.-K. Riv`er]; per. s fr. D. Kralechkina i I. Kushnarëvoï; predisl. A. Bikbova. — M.: Izdatel`skiï dom «Delo» RANXiGS, 2016. 720 p.
12. Zabaev Ivan, Melkumyan Elena, Pavlyutkin Ivan, Pavlyutkina Elena, Pruczkova Elena, Oreshina Dar`ya. 2015. Nevidimaya Cerkov`: social`ny`e e`ffekty` prihodskoj obshhiny` v sovremennom pravoslavii. Sbornik statej issledovatel`skogo seminaru "Sociologiya religii" (2011 - 2014 gg.). M: Izd-vo PSTGU.
13. Shumkova V. A. Ortodoksiya vs sekulyarnost`: analiz pravoslavnogo diskursa (na primere «Pravoslavnoj gazety») // 30 let kafedre religiovedeniya Ural`skogo federal`nogo universiteta: sbornik nauchny`x statej. Ekaterinburg: Izdatel`sko-poligraficheskoe predpriyatie «Maks-Info», 2017. P. 271–282.
14. Pruczkova E. V. Kulichi i / ili Prichastie: faktory`, vliyayushhie na vy`bor sposobov podgotovki k Pasxe sredi pravoslavny`x veruyushhix // Religiya i Istoriya: materialy` V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Minsk, 20–22 aprelya 2017 g. Minsk: Izdatel`stvo BGU, 2017. P. 253–258.
15. Kovalenko, V. D. Den` Pobedy` i pravoslavnaya Pasxa: otrazhenie prazdnikov v media vlastny`x organov / V. D. Kovalenko // Upravlencheskoe konsul`tirovanie. 2019. № 12(132). P. 182–190.

16. Analyzing the content of social media data // Quirks media URL: <https://www.quirks.com/articles/analyzing-the-content-of-social-media-data> (data obrashheniya: 29.01.2022).

17. Xrul' V.M. *Religiya v tekstax massovoj kommunikacii: strukturno-semanticheskie, funkcional'ny'e i e'ticheskie aspekty`*: dis. d-r fil nauk: 10.01.10. M., 2018. 412 p.

18. Predstoyatel' Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi: Osnovnaya zadacha informacionnoj deyatel'nosti Cerkvi — propoved' o Xriste. 2 fevralya 2011 g. // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1399650.html> (Data obrashheniya – 19.11.2021)

19. Rodionova E.V. *Konfliktogennyj potencial religiozny`x ustanovok zhitelej megapolisa: po materialam issledovaniya v Sankt-Peterburge* // *Monitoring*. 2018. №2 (144). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktogennyy-potentsial-religioznyh-ustanovok-zhiteley-megapolisa-po-materialam-issledovaniya-v-sankt-peterburge> (data obrashheniya: 11.02.2022).

Сведения об авторах:

Родионова Е. В. – кандидат социологических наук, доцент факультета социологии СПбГУ

Коваленко В. Д. – старший преподаватель, директор проекта Лаборатории Россияведения, евразийства и устойчивого развития СЗИУ РАНХиГС.

E. V. Rodionova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University

vl.workvl@yandex.ru

V. D. Kovalenko – Senior Lecturer, Project Director of the Laboratory of Russian Studies, Eurasianism and Sustainable Development of SZIU RANEPА

vl.workvl@yandex.ru

Влияние учебно-воспитательной среды школы на формирование политической культуры старших школьников (на примере г.Красноярска)

**ВЛИЯНИЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ШКОЛЫ НА
ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТАРШИХ
ШКОЛЬНИКОВ
(НА ПРИМЕРЕ Г. КРАСНОЯРСКА)**

Константинова М. В., Новопашина К. А.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению школы в качестве института формирования политической культуры старшеклассников. Авторы описывают методику проведения исследования, в основу которой легли сразу три метода: анкетирование, контент-анализ и интервью. В статье представлены основные итоги исследовательской работы, проведенной на базе семи школ г. Красноярска в 2020 году. Авторы выявляют отношение школьников к политике, степень заинтересованности старших подростков этой сферой жизни общества; обобщают мнение педагогов по поводу современных условий политической социализации старшеклассников. Изучение процесса формирования политической культуры старших школьников показывает, что, с одной стороны, его ход зависит от их окружения (семья, друзья, референтные группы, лидеры мнений), с другой стороны – от политики, проводимой государством. Федеральный государственный образовательный стандарт, учебные планы, государственные программы в сфере молодежной политики, единый государственный экзамен, внеучебная работа и даже политическая позиция администрации школы задают рамки для политической социализации личности. Авторы подчеркивают, что основным регулятором отношений обучающегося и перечисленных институций является учитель. Статья содержит примеры общественно-политических мероприятий в школе, которые могут способствовать развитию демократических процессов и гражданского общества в стране, преемственности существующих норм и ценностей российского общества.

Ключевые слова: политическая культура, политическая социализация, старшеклассники, школа, ФГОС.

Политические предпочтения и поведенческие установки старшеклассников являются результатом влияния агентов политической социализации на личность, где одним из основных институтов служит школа. Здесь индивид попадает под влияние государственной системы, потому что школа является одним из обязательных структурных элементов государственной политики в сфере образования. Властные

Влияние учебно-воспитательной среды школы на формирование политической культуры старших школьников (на примере г.Красноярска)

структуры заинтересованы в том, чтобы школа стала местом трансформации индивида и социальных групп к культурной и политической жизни существующего государственного строя. Взаимодействие между учащимся и государственной властью через институт школы имеет длительный характер (на протяжении 9 или 11 лет). За счет продолжительного взаимодействия ребенка с образовательным учреждением среда школы становится основным каналом получения новой информации для обучающегося. Однако в этой системе наблюдается кризис общественно-политических платформ, в которых школьники могут проявить себя, в противовес большому количеству государственных программ патриотической и военно-патриотической направленности (Российское движение школьников, Юнармия, движение «Волонтеры победы» и т.п.).

Отметим, что теме формирования политической культуры школьников уделяется внимание среди исследователей в области педагогики, политологии и социологии. Признание получили работы В.С. Собкина «Старшеклассник в мире политики» (1997) и О.С. Коршуновой «Особенности политической социализации детей младшего школьного возраста» (2003). Н.И. Элиасберг занимается особенностями этико-правового воспитания школьников. В работах И.Д. Фрумина описывается процесс формирования демократической культуры в аспекте гражданского образования. Исследование Г.А. Аминова и А.А. Копаневой «Политическая культура старшеклассников» посвящено определению политической культуры старшеклассника как «социально обусловленного уровня развития его личности в сфере общественно-политической деятельности» [1].

Одним из крупнейших исследований формирования политической культуры учащихся на гуманитарных предметах и во внеурочной деятельности в современной России занимается А. Т. Чечикин. Автор определяет уровень политической культуры старших школьников по таким критериям как «знания», «мышление», «воспитание».

Глубокое и всестороннее рассмотрение различных аспектов теории и практики формирования политической культуры старшеклассников содержится в трудах А.В. Селезневой, Л.А. Рахимовой, Е.Л. Омельченко, В.П. Леньшина, Е.М. Усановой, Е.Н. Малик, И.А. Тютковой, И.В. Иващенко, И.Д. Фруминева, Л. В. Белогорской. Такие современные ученые как В.И. Кузнецов, Ю.П. Морозова, К.А. Бударина, Е.Н. Малик, Е.В. Бушуева исследовали механизмы формирования политической культуры, но узкая направленность работ, а также отсутствие научных связей между исследованиями показывают, что в настоящее время педагогическая наука слабо развита в данном направлении.

Изучение литературы по теме отражает отсутствие конкретных методик и их интерпретаций, предоставляющих возможность определения влияния конкретных агентов политической социализации на школьников.

На этом фоне актуальность темы возрастает: низкий уровень базовых знаний старшеклассников из раздела «Политика» по итогам ЕГЭ 2020, данные

Влияние учебно-воспитательной среды школы на формирование политической культуры старших школьников (на примере г.Красноярска)

социологических опросов, дефицит методологических практик и педагогических подходов к изучаемой теме подтверждают востребованность изучения процесса формирования политической культуры современных старших школьников [2; 3].

Для определения степени влияния школы на формирование политической культуры старшеклассников мы предложили обучающимся 10–11 классов школ г. Красноярска пройти опрос, написать эссе по заданной тематике, а также провели интервьюирование учителей истории и обществознания.

Для исследования произвольно были выбраны школы г. Красноярска в пропорциональной зависимости от количества районов города. Единственное условие нашей выборки состояло в равномерном распределении школ по районам города. Отметим, что сравнение результатов исследования между школами в зависимости от района проживания старшеклассников не являлось задачей экспериментальной части работы. Таким образом в анкетировании приняли участие 179 учеников 10–11 классов семи школ города Красноярска: МАОУ СШ № 150, МБОУ СШ №86, МБОУ СШ №72 им. М.Н. Толстихина, МБОУ СОШ №10, МАОУ Лицей №3, МАОУ Лицей №11, МАОУ Гимназия №14.

Вопросы в анкете были направлены на:

- выявление интереса к политике;
- определение актуальности политических знаний;
- определение основных каналов получения общественно-политической информации;
- определение доверия к институтам политической социализации;
- выявление отношения к школе как к институту политической социализации.

В интервью приняли участие семь учителей обществознания, истории, права и экономики тех школ г. Красноярска, в которых проводилось анкетирование учащихся. К исследованию были привлечены педагоги, имеющие разный педагогический стаж работы — от года до тридцати лет. Все учителя имели опыт подготовки обучающихся к единому государственному экзамену (*далее – ЕГЭ*).

В ходе интервьюирования была получена информация следующего характера:

- об отношении учителей к существующим учебно-методическим материалам как к актуальным источникам информации общественно-политического характера;
- о вовлеченности старшеклассников в обсуждение политических тем;
- об интересах и политических представлениях старших подростков;
- о роли школы в процессе политической социализации личности;
- о дефицитах в формировании политической культуры старшеклассников в рамках учебно-воспитательной среды школы.

Влияние учебно-воспитательной среды школы на формирование политической культуры старших школьников (на примере г.Красноярска)

Также был проведен контент-анализ 94-х эссе старшеклассников по предложенным темам. Темы эссе представлены в виде высказываний знаменитых общественных деятелей и политиков. Цитаты отражали различные взгляды на управление государством, определение места политики в жизни человека. Таким образом анализ показал основные политические установки старшеклассников, отношение к политике как важнейшей сфере жизни общества.

Сбор первичной информации для исследования проводился в октябре и ноябре 2020 года.

Результаты анкетирования

Общие знания о современном политическом процессе, их актуальность

Исследование показало, что интерес к политике имеют 46% респондентов. В среднем старшеклассник может назвать три «громких» политических события 2020 года. Самыми популярными из них были следующие: голосование по внесению поправок в Конституцию РФ, протесты в Хабаровске, выборы и митинги в Белоруссии, выборы президента США, военный конфликт между Арменией и Азербайджаном. Интересным показался тот факт, что 8,4% респондентов назвали пандемию COVID-2019 в числе политических событий 2020 года (часть из них имела ввиду создание первой вакцины от коронавируса), а 14,5% написали об отравлении Алексея Навального. Сравнительно небольшое количество респондентов (5,6%) не смогли назвать значимые общественно-политические события прошедшего года. Также мы выяснили, что в среднем старший подросток знает трех политических лидеров современности. На вопрос «Каких политических лидеров современности (последних 15–20 лет) вы знаете?» не смогли ответить всего 2,8% старшеклассников. Самыми популярными ответами были: Владимир Путин (74,3%), Дональд Трамп (37,4%) и Александр Лукашенко (22,3%).

Результаты показывают, что в своих ответах школьники руководствуются новостной повесткой медиа, и первое место среди них занимает сеть Интернет. В целом ответы школьников были поверхностными, не содержали углубленных суждений и личностной оценки.

Место школы в политической социализации старшеклассников

В анкетах старшеклассники отметили, что узнают новости общественно-политического характера из сети Интернет, так ответили 37,4% опрошиваемых, а вот показатель «Уроки в школе» оказался самым низким – 8,9 % (рис.1). При этом, наименьшее число респондентов (37,8%) указали школу как место обсуждения новостных сообщений (рис.2). Больше всего школьники дискутируют на политические темы в кругу друзей (42,2% опрошенных). Всего 1 человек сказал, что обсуждает новости в социальных сетях. Стоит указать, что 20% ребят предпочитают вовсе не говорить о политике.

Влияние учебно-воспитательной среды школы на формирование политической культуры старших школьников (на примере г.Красноярска)

Рис. 1. Источники получения информации общественно-политического характера

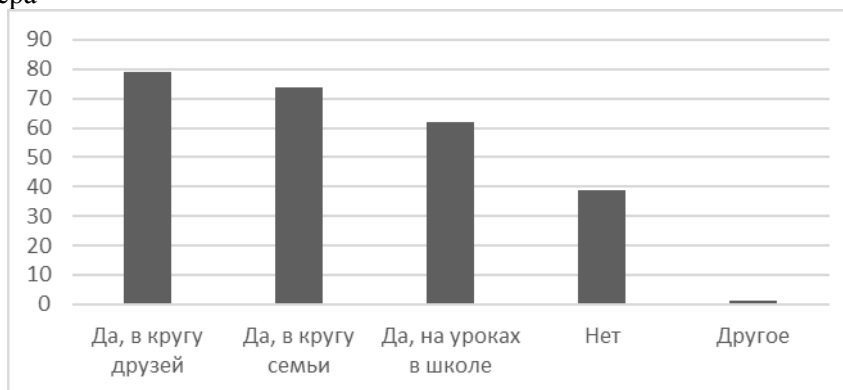

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Обсуждаете ли вы общественно-политические новости?»

Следующий показатель, который было необходимо изучить для понимания авторитетов школьников, был отражен в доверии к мнению агента политической социализации (рис.3). Всего 5% респондентов выразили доверие мнению учителя, учебник в этом рейтинге занял предпоследнее место с показателем 11,8%. Авторитетными в этом вопросе для них являются сеть Интернет и средства массовой информации. Эти два источника получения политической информации набрали одинаковое количество голосов – 16,8%. Примечательно, что старшеклассники доверяют мнению президента о политике больше, чем мнению членов семьи по этому же вопросу.

Влияние учебно-воспитательной среды школы на формирование политической культуры старших школьников (на примере г.Красноярска)

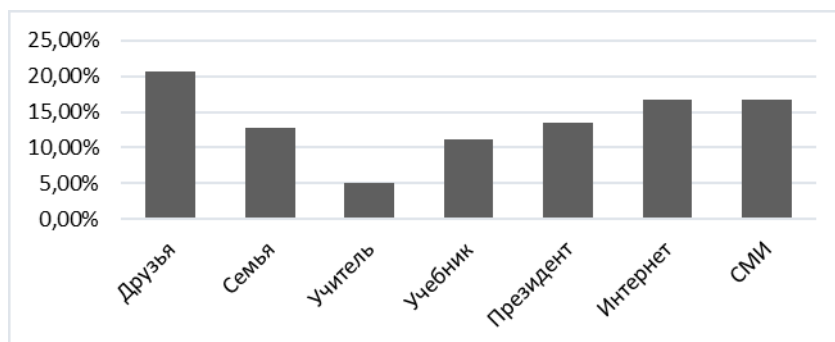

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какому мнению о политике вы доверяете больше?»

Такое распределение позиций дает основание полагать, что школа как институт политической социализации не является авторитетом для старших школьников, а следовательно, практически не оказывает влияние на формирование политической культуры старшеклассников. Они предпочитают получать информацию из сети Интернет и обсуждать ее в кругу друзей. Респонденты готовы обсуждать политические темы с теми, кого они лучше знают, с кем они ближе и могут взаимодействовать на одном уровне понимания. Роль семьи в этом вопросе также имеет приоритетное значение.

Однако у школы есть потенциал активизации политического просвещения. Старшие школьники готовы обсуждать политические темы на уроках и во внеурочной деятельности, как показывает результат анкетирования. 62% респондентов «За» обсуждение политических тем в школе, они приводят следующие аргументы:

1. Школьники – часть общества;
2. Современные школьники – будущее страны;
3. Это помогает осознать себя в качестве субъекта политических отношений;
4. Это повысит роль школы в формировании политической культуры старшеклассников;
5. Это повысит политическую грамотность школьника;
6. Это вызовет интерес к политике среди не интересующихся;
7. Обсуждение политических тем в школе влияет на всестороннее развитие личности.

Те, кто не считает нужным обсуждать политику (30,7%) в учебно-воспитательной среде школы, приводят следующие обоснования своей позиции:

1. Отсутствие личного интереса;
2. Разнообразие мнений вызовет негативные настроения;
3. Школа не должна способствовать формированию политических убеждений;

Влияние учебно-воспитательной среды школы на формирование политической культуры старших школьников (на примере г.Красноярска)

4. Школа не является местом обсуждения политики;
5. Учитель активно проявляет свои политические взгляды, это мешает обсуждению;
6. Пессимистический настрой на будущее.

Среди старшеклассников, которые по результатам опроса не готовы обсуждать политику в школе, распространено мнение о том, что школа и политика – вещи не совместимые. Мы предполагаем, что такое дистанцирование навязано обществом, ведь известно, что в школе воспитывают моральные и нравственные качества, а, по распространенному мнению, в политике морали нет. Отсюда возникает ценностно-мировоззренческий конфликт.

Понимание важности диалога на политические темы со стороны большинства респондентов обосновано отношением к школе как к институту получения знаний, умений и навыков, применимых во взрослой жизни, желанием проявления политического гражданского участия. Так, некоторые старшеклассники предложили ввести в школе специальный урок, посвященный обсуждению современной политики, и порекомендовали уделять больше внимания этим вопросам на уроках обществознания. Несмотря на свои пожелания, начального опыта общественно-политической деятельности на уровне школы у большинства опрошенных нет – 87,7% школьников не состоят в органах самоуправления школы независимо от их наличия (в двух из семи школ нет органов самоуправления обучающихся, т.е. Совета старшеклассников, Совета обучающихся, Школьного парламента и т.д.). Можем предположить, что они не воспринимают школьное самоуправление как опыт проявления гражданского участия или модель политической системы, они не знают, какие возможности дает этот процесс, как он влияет на их жизнь в стенах школы. Скорее всего это происходит потому, что в образовательном учреждении нет задачи предоставить обучающимся роль участников процесса организации жизнедеятельности школы, школьники просто не знают о том, какие функции они могут выполнять.

Педагоги из тех школ, в которых есть школьное самоуправление, сообщили, что чаще всего Советы либо занимаются культурно-массовой деятельностью, либо функционируют в качестве канала коммуникации: *«Структура используется как место не переговоров, а донесения информации до школьников, организации культурно-массовых мероприятий. Они не участвуют в управлении в кооперации с администрацией»*, — отмечают педагоги. По мнению учителей, тому есть следующие причины: *«Учителя сами против, потому что это отвлекает от уроков»*, *«В Законе об образовании прописаны реально серьезные функции, а администрации такие вмешательства не нужны»*. Педагоги признаются, что органы школьного самоуправления выполняют скорее нравственно-воспитательную функцию, чем функцию гражданского участия.

Влияние учебно-воспитательной среды школы на формирование политической культуры старших школьников (на примере г.Красноярска)

Резюмируя результаты анкетирования, отметим, что современные старшеклассники имеют общие представления о политической жизни общества. Они могут назвать основных политических акторов, в общих чертах знают о происходящем в стране и мире. Но они не владеют опытом рефлексии о политической жизни, обладая минимумом знаний о ней; у них отсутствует опыт формирования собственного мнения и отношения к событиям, конструктивного диспута. В определенной степени это объясняется результатом интервью с учителями по итогам которого стало очевидно, что педагоги не ставят цель научить детей дискутировать о политических событиях и сами во многом избегают откровенно говорить о политике.

Наблюдается отсутствие доверия к школе как к институту политической социализации общества и к учителю как ее агенту. Ответы школьников позволяют сделать вывод, что одной из главных причин этому является противоречивое отношение к их политической позиции со стороны учителей, недопущение проявления оппозиционных взглядов у старшеклассников со стороны администрации школы, а также отсутствие мероприятий по формированию политической культуры школьника во время урочной и внеурочной работы. Однако потенциал развития данного процесса в современной школе есть – большинство респондентов поддерживают обсуждение политических тем на уроке и видят в этом пользу для себя и общества в целом.

Результаты контент-анализа эссе старшеклассников

Результат этой части исследования показал, что школьники ориентируются в современной политической повестке, в целом могут аргументировать свое мнение, подкрепить размышления обществоведческими знаниями. Так, 78,5% участников эксперимента уместно использовали понятийный аппарат. В своих эссе они не только употребляли такие термины как «политическое участие», «политическая элита», «политическая культура», «политика», «выборы», «митинг», «демократия», «государственная власть», «государство», «абсентеизм», «референдум», «избирательное право», но и смогли в полной мере раскрыть их содержание. 21,5 % респондентов не проявили интереса к написанию эссе, не смогли обозначить свою позицию, выразить мысль, соблюдая причинно-следственные связи.

Резюмируя итог контент-анализа эссе старшеклассников, обобщим: школьники подошли к заданию ординарно, только треть респондентов проявили творческий подход; есть те, кто не справился с заданием. Подготовка к единому государственному экзамену сказывается на мышлении старших подростков, они работают по единому стандарту, пользуются заготовленными фразами и примерами даже при возможности выразить свою точку зрения в свободной форме. Школьники уместно применяют теоретические знания из области политики, способны привести примеры из истории России и зарубежных стран, литературы, средств массовой информации и из жизненного опыта. Они понимают важность политического участия граждан в жизни страны.

Влияние учебно-воспитательной среды школы на формирование политической культуры старших школьников (на примере г.Красноярска)

Есть место оппозиционным взглядам со стороны трети школьников, другая часть респондентов не выразила поддержку действующей власти, вовсе не продемонстрировала свои политические взгляды.

Такой вывод не подтверждает результаты анкетирования. Во-первых, мы предполагаем, что школьники выполнили данное задание лучше, так как мотивацией для них стала оценка результата учителем. Прохождение опроса, в свою очередь, было добровольным. Во-вторых, из-за условий работы в период действия мероприятий по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции, эссе написали вдвое меньше школьников – 52,5% от участников анкетирования, что также могло сказаться на результатах исследования.

Результаты интервьюирования учителей

Мы определили несколько тем, которые нам было интересно раскрыть в диалоге с учителем: дефициты в изучении общественно-политических вопросов на уроках, методы работы с различными информационными источниками, формы подачи актуальной общественно-политической информации, понимание значения формирования политической культуры личности в школе и школы как места политической социализации.

Анализ интервью показал, что деятельность педагога напрямую влияет на создание условий для формирования политической культуры подростков и развития их критического мышления. Учителя, в свою очередь, выделяют ряд затруднений, которые, по их мнению, препятствуют этой работе:

1. В учебных планах не ставится прямая задача формирования политической культуры школьника;
2. Жесткие условия со стороны администрации школы и контролирующих органов не позволяют выйти за рамки учебного плана, так как не хватает доверия к учителю как к компетентному ответственному лицу. Данная проблема особенно актуальна среди молодых педагогов;
3. Навязывание определенной политической позиции со стороны администрации школы. Молодые педагоги отметили, что они часто вынуждены сдерживаться в подаче политической информации на уроках, потому что, во-первых, есть страх осуждения со стороны более опытных коллег, а во-вторых, они не всегда согласны с официальной позицией представителей государственной власти;
4. Недоверие родителей к учителю;
5. Противостояние других институтов политической социализации личности среде школы;
6. Уровень политической культуры родителей как фактор первичной социализации личности;
7. Отсутствие внешней мотивации к формированию политической культуры школьников во внеурочной деятельности;

Влияние учебно-воспитательной среды школы на формирование политической культуры старших школьников (на примере г.Красноярска)

8. Высокая занятость старшеклассников;
9. Возрастные особенности старших школьников;
10. Отсутствие четкой национальной идеи, которая стала бы основой формирования гражданской идентичности.

Учителя выделяют следующие урочные мероприятия по формированию

политической культуры старшеклассников: урок-дискуссия «Организация выборов», урок-игра «Политические дебаты», открытый урок «Плакат как политический источник», научный проект по работе с архивными документами «Гражданская война в Красноярском крае и Сибири», урок-дискуссия «Февральская и Октябрьская революция. Кто погубил Россию?», урок-игра «Заседание Госдумы по аграрному вопросу после первой русской революции», дискуссия «Хрущев – реформатор или...?», словарная работа, написание эссе и подготовка к единому государственному экзамену.

Внеурочная работа общественно-политической направленности проводится в пяти школах из семи. Примерами мероприятий могут послужить празднование государственных праздников (День защитника Отечества, День России, День Победы, День народного единства, День государственного флага), дискуссионные клубы, экскурсии в Красноярский городской совет депутатов, Законодательное Собрание Красноярского края, элективные и специальные курсы «Введение в политологию», «Обществознание: углубленный курс», на базе одной из школ ежегодно проводится городская модель ООН, выборы президента школы. Во всех школах активно развито Российское движение школьников, Юнармия, патриотическая акция «Пост №1», есть патриотические кружки.

Заключение

Мы выяснили, что среда школы все же оказывает влияние на политическую культуру обучающихся: в школе ребята получают базовые знания из области политики, учатся применять их в жизни, познают сущность политического участия, важность развития демократии и гражданского общества. Но эти знания носят в основном теоретический характер, в силу возраста дети имеют ограниченный опыт политического участия; в силу других обстоятельств, перечисленных выше, зачастую не могут применить полученные знания для понимания и объяснения реальной политики.

В рамках нашего исследования было обнаружено недоверие старшеклассников к органам государственной власти в России. Существуют другие исследования, которые показывают – выпускаясь из стен школы, личность имеет сформированное мифологизированное сознание, что в дальнейшем становится вызовом для общества и государства [4]. Отметим, что в качестве восполнения данного дефицита доктор политических наук А.В. Селезнева

Влияние учебно-воспитательной среды школы на формирование политической культуры старших школьников (на примере г.Красноярска)

предлагает следующие механизмы формирования гражданственности старшеклассников: гражданское образование, политическое просвещение и патриотическое воспитание [5; 6].

Изучение политических тем в рамках гуманитарных дисциплин действительно помогает формированию элементов политической культуры школьника, обозначенных в Федеральном государственном образовательном стандарте среднего общего образования. В то же время изучение общественно-политических вопросов не может ограничиваться урочной деятельностью: внеурочная работа также должна способствовать изучаемому процессу.

Ключевую роль играет отношение педагога к подаче тематического материала. Материалы учебников в качестве самостоятельного ресурса формирования политической культуры школьника не обладают достаточным наполнением, при их использовании необходимы пояснения со стороны педагога, привлечение дополнительных источников.

Подробно изучив условия формирования политической культуры старших школьников, мы подготовили рекомендации, которые помогут учителю в осуществлении процесса политической социализации старшеклассников в среде современной российской школы. Предлагаемые мероприятия практико-ориентированы, а значит, помогут школьникам приобрести начальный политический опыт.

Мы предлагаем внедрить:

1. Построение межпредметных связей на уроках гуманитарного цикла при изучении политических тем, привлечение существующего опыта из истории, литературы, географии и т.д.;
2. Представление учениками политических новостей в виде коротких докладов в начале урока;
3. Подготовку педагогом списка дополнительной литературы по теме урока с привлечением источников из медиа-пространства различных мнений по вопросу;
4. Применение технологий развития критического мышления и проблемного обучения;
5. Использование таких методов обучения как частично-поисковый, исследовательский, метод проблемного изложения;
6. Проведение уроков в формате политических дебатов, сюжетно-ролевых игр;
7. Использование на уроке официальных документов и исторических источников политического характера;
8. Обсуждение общественно-политической повестки в качестве закрепления изучаемой темы, краткий обзор темы в ракурсе реалий страны и мира, проведение рефлексии урока;

Влияние учебно-воспитательной среды школы на формирование политической культуры старших школьников (на примере г.Красноярска)

9. Обращать внимание на мировые тренды, учитывая возрастные особенности старших школьников при изучении дисциплин гуманитарного цикла;

10. Проведение классных часов, посвященных значимым политическим событиям;

11. Участие старшеклассников в научно-практических конференциях с проектами на общественно-политические темы;

12. Проведение экскурсий в городском Совете депутатов, Законодательном собрании, администрации города, штабах политических партий, на телевидении, в редакциях и изданиях СМИ;

13. Привлечение сторонних экспертов к урочной и внеурочной работе (депутатов, членов избирательных комиссий, членов политических партий, журналистов, социологов, политтехнологов и т.д.).

Наша работа позволяет сделать вывод о том, что школа – институт, который влияет на формирование политической культуры, но пока не имеет прочного фундамента, закрепляющего его главенствующую роль в данном процессе. Политика государства и авторитетность других агентов и институтов социализации перед старшеклассниками ставят институт школы в сложное положение, однако от этого ее роль не уменьшается.

Список используемой литературы

1. Аминев Г.А., Копанева А.А. Политическая культура старшеклассника. М.: Знание, 1987. 80 с.

2. Лискова Т.Е. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2020 года по обществознанию [Электронный ресурс] URL: http://doc.fipi.ru/ege/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy/2020/Obschestvoznanie_mr_2020.pdf (Дата обращения: 01.10.2020).

3. Иващенко А. В., Тютюкова И. А. Политическая культура учащихся в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2009. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kultura-uchaschihsya-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve> (Дата обращения: 21.05.2020).

4. Мясоутов О.В. Мифологичность молодежной культуры как основание политических предпочтений и ценностей молодежи (на материале анализа красноярской региональной студенческой культуры) // Северные архивы и экспедиции. 2020. № 2.

5. Селезнева А. В. Политические представления российских старшеклассников в контексте гражданского воспитания и формирования политической культуры //Ценности и смыслы. – 2012. – №. 3 (19).

Влияние учебно-воспитательной среды школы на формирование политической культуры старших школьников (на примере г.Красноярска)

6. Селезнева А.В. Политико-психологический анализ политических ценностей современных российских граждан: поколенческий срез // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2011. №3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-psihologicheskiy-analiz-politicheskikh-tsennostey-sovremennyh-rossiyskih-grazhdan-pokolencheskiy-srez> (Дата обращения: 18.10.2020).

Konstantinova M.V., Novopashina K.A.

THE INFLUENCE OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE SCHOOL ON THE FORMATION OF THE POLITICAL CULTURE OF SENIOR SCHOOLCHILDREN (ON THE EXAMPLE OF KRASNOYARSK)

***Annotation:** The article is devoted to the consideration of the school as an institution for the formation of the political culture of high school students. The authors describe the research methodology, which is based on three methods at once: questionnaires, content analysis, and interviews. The article presents the main results of the research work carried out on the basis of seven schools in Krasnoyarsk in 2020. The authors identify the attitude of schoolchildren to politics, the degree of interest of older adolescents in this sphere of society; summarize the opinion of teachers about the current conditions of political socialization of high school students. The study of the process of forming the political culture of high school students shows that, on the one hand, its course depends on their environment (family, friends, reference groups, opinion leaders), on the other hand — on the policy pursued by the state. The federal state educational standard, curricula, state programs in the field of youth policy, the unified state exam, extracurricular work, and even the political position of the school administration set the framework for the political socialization of the individual. The authors emphasize that the main regulator of the relationship between the student and the listed institutions is the teacher. The article contains examples of socio-political events at school that can contribute to the development of democratic processes and civil society in the country, the continuity of existing norms and values of Russian society.*

***Keywords:** political culture, political socialization, high school students, school, FSES.*

References

1. Aminev G.A., Kopaneva A.A. Political culture of a high school student. Moscow: Znanie, 1987. 80 pp .
2. Liskova T.E. Methodological recommendations for teachers prepared on the basis of the analysis of typical mistakes of the participants of the 2020 Unified State Exam in social studies [Electronic resource] URL: http://doc.fipi.ru/ege/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy/2020/Obschestvoznanie_mr_2020.pdf (Date of address: 01.10.2020).

Влияние учебно-воспитательной среды школы на формирование политической культуры старших школьников (на примере г.Красноярска)

3. Ivashchenko A.V., Tyutkova I. A. Political culture of students in modern Russian society // Bulletin of the RUDN. Series: Psychology and Pedagogy. 2009. No.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kultura-uchaschihsya-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve> (Date of address: 05/21/2020).
4. Myasoutov O.V. The mythological nature of youth culture as the basis of political preferences and values of youth (based on the analysis of the Krasnoyarsk regional student culture) // Northern archives and expeditions. 2020. No. 2.
5. Selezneva A.V. Political representations of Russian high school students in the context of civic education and the formation of political culture // Values and meanings. – 2012. – №. 3 (19).
6. Selezneva A.V. Political and psychological analysis of political values of modern Russian citizens: generational cross-section // Vestn. Volume. State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2011. No.3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-psihologicheskii-analiz-politicheskikh-tsennostey-sovremennyh-rossiyskikh-grazhdan-pokolencheskiy-srez> (Accessed: 18.10.2020).

Сведения об авторах

Константинова Марина Викторовна, кандидат исторических наук, г. Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, доцент кафедры политологии и права. E-mail: marisha1980@list.ru

Новопашина Ксения Александровна, г. Красноярск, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского, помощник ректора по связям с общественностью. E-mail: novopashina20@gmail.com.

Konstantinova Marina Victorovna – Candidate of Historical Sciences, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Associate Professor of the Department of Political Science and Law.
E-mail: marisha1980@list.ru

Novopashina Ksenia Aleksandrovna – Krasnoyarsk, Siberian State Institute of Arts named after Dmitry Hvorostovsky, Assistant to the Rector for Public Relations.
E-mail: novopashina20@gmail.com

CONTENT

PHILOSOPHY

- Bernatsky V.O., Makukhin P.G.** The problem of measuring time dilation as a fundamental property of "reality".....5
- Oleinik V.A.** Paradoxes of metaphysics of space (place) and time in Aristotle.....17
- Liu Kai, Tang Maolin, Liu Rongzeng, Qin Yaochen** Geographical "view of the world": Ontological problems of geography / translated from English by N.S. Seitmamutova29
- Ovodova S.N.** Communicative model of local and global: problem statement.....48
- Griva O.A., Milshin A.O.** Faces of the family: intersubjectivity, objectification, institutionalization.....57

CULTURAL STUDIES

- Abramova E.G.** Document as an attribute of modern spiritual culture71
- Filatyeva T.V.** Cultural conformity of upbringing.....78

POLITICAL SCIENCE

- Kuzmin P.V., Khalanskaya L.G.** Russian conservatism: spiritual and ideological prerequisites and conditions of its development in modern Russia.....86
- Khomich I.I.** The problem of defining the criteria of the concept of "civilizational revolution".....101
- Ivankov K.V.** Rent-oriented behavior in the activities of political and economic groups of Ukraine.....111
- Rodionova E.V., Kovalenko V.D.** Mediatized image of state-confessional relations: reality or social construct.....132
- Konstantinova M.V., Novopashina K.A.** The influence of the educational environment of the school on the formation of the political culture of senior schoolchildren (on the example of Krasnoyarsk).....149